





Чарлз ДИККЕНС



ПОСМЕРТНЫЕ ЗАПИСКИ
ПИКВИКСКОГО КЛУБА

•

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ОЛИВЕРА ТВИСТА

ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ
В ОДНОМ ТОМЕ



Издательство
АЛЬФА-КНИГА
Москва
2018

УДК 821.133-1-31
ББК 84(Вел)-44
Д45

Серия основана
в 2007 году

Диккенс Ч.
Д45 Посмертные записки Пиквикского клуба. Приключения Оливера Твиста. Полное издание в одном томе / — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018. — 1127 с.: ил. — (Полное издание в одном томе).

ISBN 978-5-9922-2715-4

В настоящее издание вошли два романа одного из самых знаменитых английских писателей-романистов, признанного классика мировой литературы — Чарльза Диккенса (1812—1870) — «Посмертные записки Пиквикского клуба» и «Приключения Оливера Твиста». Иллюстрации к ним выполнили известные художники Р. Сеймур, Х. Н. Браун и Дж. Крукшенк.

УДК 821.133-1-31
ББК 84(Вел)-44

ISBN 978-5-9922-2715-4

© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018

ПОСМЕРТНЫЕ ЗАПИСКИ ПИКВИКСКОГО КЛУБА



SMITH. fecit

ПРЕДИСЛОВИЕ¹

В предисловии к первому изданию «Посмертных записок Пиквикского клуба» было указано, что их цель — показать занимательных героев и занимательные приключения; что в ту пору автор и не пытался развить замысловатый сюжет и даже не считал это осуществимым, так как «Записки» должны были выходить отдельными выпусками, и что по мере продвижения работы он постепенно отказался от самой фабулы клуба, ибо она явилась помехой. Что касается одного из этих пунктов, то впоследствии опыт и работа кое-чему меня научили, и теперь, пожалуй, я предпочел бы, чтобы эти главы были связаны между собой более крепкой нитью, однако они таковы, какими были задуманы.

Мне известны различные версии возникновения этих «Пиквикских записок», и для меня, во всяком случае, они отличались прелестью, полной неожиданности. Появление время от времени подобных домислов дало мне возможность заключить, что мои читатели интересуются этим вопросом, а потому я хочу рассказать о том, как родились эти «Записки».

Был я молод — мне было двадцать два — двадцать три года, — когда мистеры Чепмен и Холл, обратив внимание на кое-какие произведения, которые я помещал тогда в газете «Морнинг Кроникл» или писал для «Олд Монсли Мегезин» (позже была издана серия их в двух томах с иллюстрациями мистера Джорджа Крукшенка), явились ко мне с предложением написать какое-нибудь сочинение, которое можно издать отдельными выпусками ценой в шиллинг, — в то время я, да, вероятно, и другие знали о таких выпусках лишь по смутным воспоминаниям о каких-то нескончаемых романах, издаваемых в такой форме и распространяемых странствующими торговцами по всей стране, — помню, над иными из них я проливал слезы в годы моего ученичества в школе Жизни.

Когда я распахнул свою дверь в Фарнивел-Инн перед компаньоном, представителем фирмы, я признал в нем того самого человека —

¹ Предисловие написано Диккенсом к так называемому «дешевому» изданию «Посмертных записок Пиквикского клуба», 1847 года. (*Прим. ред.*)

его я никогда не видел ни до, ни после этого, — из чьих рук купил два-три года назад первый номер «Мегезина», в котором со всем великолепием было напечатано первое мое вдохновенное произведение из «Очерков» под заглавием «Мистер Миннс и его кузен»; однажды вечером, крадучись и дрожа, я со страхом опустил его в темный ящик для писем в темной конторе в конце темного двора на Флит-стрит. По сему случаю я отправился в Вестминстер-Холл и зашел туда на полчаса, ибо глаза мои так затуманились от счастья и гордости, что не могли выносить вид улицы, да и нельзя было показываться на ней в таком состоянии. Я рассказал моему посетителю об этом совпадении, которое показалось нам обоим счастливым предзнаменованием, после чего мы приступили к делу.

Сделанное мне предложение заключалось в том, чтобы я ежемесячно писал нечто такое, что должно явиться связующим звеном для гравюр, которые создаст мистер Сеймур¹, и то ли у этого превосходного художника-юмориста, то ли у моего посетителя возникла идея, будто наилучшим способом для подачи этих гравюр явится «Клуб Нимрода», члены которого должны охотиться, удить рыбу и всегда при этом попадать в затруднительное положение из-за отсутствия сноровки. Подумав, я возразил, что хотя я родился и рос в провинции, но отнюдь не склонен выдавать себя за великого спортсмена, если не считать области передвижения во всех видах; что идея эта отнюдь не нова и была не раз уже использована; что было бы гораздо лучше, если бы гравюры естественно возникали из текста, и что мне хотелось бы идти своим собственным путем с большей свободой выбирать людей и сцены из английской жизни, и я боюсь, что в конце концов я так и поступлю, независимо от того, какой путь изберу для себя, приступая к делу. С моим мнением согласились, я задумал мистера Пиквика и написал текст для первого выпуска, а мистер Сеймур, пользуясь гранками, нарисовал заседание клуба и удачный портрет его основателя — сей последний был создан по указаниям мистера Эдуарда Чепмена, описавшего костюм и внешний вид реального лица, хорошо ему знакомого. Памятуя о первоначальном замысле, я связал мистера Пиквика с клубом, а мистера Уинкля ввел специально для мистера Сеймура. Мы начали с выпусков в двадцать четыре страницы вместо тридцати двух и с четырех иллюстраций вместо двух. Внезапная, поразившая нас смерть мистера Сеймура — до выхода из печати второго выпуска — привела к незамедлительному решению вопроса, уже назревавшего: выпуск был издан в тридцать две страницы только с двумя иллюстрациями, и такой порядок сохранился до самого конца.

¹ Р. Сеймур сделал только семь гравюр, две гравюры — Р.-У. Басс (которые не переиздавались), остальные — «Физ» (Х.-Н. Браун). (Прим. перев.)

С большой неохотой я вынужден коснуться туманных и бессвязных утверждений, сделанных якобы в интересах мистера Сеймура, будто он принимал какое-то участие в замысле этой книги или каких-то ее частей, о чем не указано с надлежащей определенностью в предшествующих строках. Из уважения к памяти брата-художника и из уважения к самому себе я ограничусь здесь перечислением следующих фактов:

Мистер Сеймур не создавал и не предлагал ни одного эпизода, ни одной фразы и ни единого слова, которые можно найти в этой книге. Мистер Сеймур скончался, когда были опубликованы только двадцать четыре страницы этой книги, а последующие сорок восемь еще не были написаны. Никогда я не видел почерка мистера Сеймура. И только один раз в жизни я видел самого мистера Сеймура, а было это за день до его смерти, и тогда он не делал никаких предложений. Видел я его в присутствии двух человек, ныне здравствующих, которым прекрасно известны все эти факты, и их письменное свидетельство находится у меня. И наконец, мистер Эдуард Чепмен (оставшийся в живых компаньон фирмы Чепмен и Холл) изложил в письменной форме, из предосторожности, то, что ему лично известно о происхождении и создании этой книги, о чудовищности упомянутых необоснованных утверждений и о явной невозможности (детально проверенной) какого бы то ни было их правдоподобия. Следуя принятому мною решению быть снисходительным, я не буду цитировать сообщение мистера Эдуарда Чепмена о том, как отнесся его компаньон, ныне покойный, к упомянутым претензиям.

«Боз», мой псевдоним в «Морнинг Кроникл» и в «Олд Монсли Мезезин», появившийся и на обложке ежемесячных выпусков этой книги и впоследствии еще долго остававшийся за мной, — прозвище моего любимого младшего брата, которого я окрестил «Мозес» в честь векфилдского священника; это имя в шутку произносили в нос, оно превратилось в Бозес и уменьшительно — в Боз. Это было словечко из домашнего обихода, хорошо знакомое мне задолго до того, как я стал писателем, и потому-то я выбрал его для себя.

О мистере Пиквике говорили, что, по мере того как разворачивались события, в характере его произошла решительная перемена и что он стал добрее и разумнее. По моему мнению, такая перемена не покажется моим читателям надуманной или неестественной, если они вспомнят, что в реальной жизни особенности и странности человека, в котором есть что-то чудаковатое, обычно производят на нас впечатление поначалу, и, только познакомившись с ним ближе, мы начинаем видеть глубже этих поверхностных черт и узнавать лучшую его сторону.

Если найдутся такие благонамеренные люди, которые не замечают разницы (а иные ее не заметили, когда только что появились в печати

«Пуритане»¹) между религией и ханжеством, между благочестием истинным и притворным, между смиренным почитанием великих истин Писания и оскорбительным внедрением буквы Писания — но не духа его — в самые банальные разногласия и в самые пошлые житейские дела, — пусть эти люди уразумеют, что в настоящей книге сатира направлена всегда против последнего явления и никогда против первого. Далее: в этой книге последнее явление изображено в сатирическом виде как несовместимое с первым (что подтверждает опыт), не поддающееся слиянию с ним, как самая губительная и зловредная ложь, хорошо знакомая в человеческом обществе, — где бы ни находилась в настоящее время ее штаб-квартира — в Эксетер-Холле², или в Эбенезер Чепл³, или в обоих этих местах. Пожалуй, излишне продолжать рассуждения на эту тему, столь самоочевидную, но всегда уместно протестовать против грубой фамильярности со священными понятиями, о которых глаголят уста и молчит сердце, или против смешения христиан с любой категорией людей, которые, по словам Свифта, религиозны ровно настолько, чтобы ненавидеть, и недостаточно для того, чтобы любить друг друга.

Просматривая страницы этого нового издания, я с любопытством и интересом установил, что важные социальные изменения к лучшему произошли вокруг нас почти незаметно с той поры, как была написана эта книга. Однако все еще надлежит ограничить своеволие адвокатов и хитроумные их уловки, которыми они доводят до обалдения присяжных. По-прежнему также представляется возможным ввести улучшения в систему парламентских выборов (и, быть может, даже в самый парламент). Но правовые реформы остригли когти мистерам Додсону и Фоггу; в среду их клерков проник дух самоуважения, взаимной терпимости, просвещения и сотрудничества во имя благих целей; пункты, далеко отстоящие друг от друга, сблизились для удобства и выгоды народа и ради уничтожения в будущем полчища мелочных предрассудков, зависти, слепоты, от которых всегда страдал только народ; изменены законы о тюремном заключении за долги, а тюрьма Флит снесена!

Кто знает, может быть, к тому времени, когда реформы будут проведены до конца, обнаружится, что в Лондоне и в провинции есть судьи, которые обучены ежедневно пожимать руку Здравому смыслу и Справедливости; что даже Законы о бедных смилостивились над слабыми, престарелыми и несчастными; что школы, основанные на широких принципах христианства, являются наилучшим украшением

¹ «Пуритане» — роман В. Скотта «Old Mortality», изданный в 1816 году; исторический фон романа — события 1685 года в Шотландии.

² Эксетер-Холл — большой лондонский зал, предназначенный для устройства политических, религиозных и т. п. собраний. Здание построено в 1831 году.

³ Эбенезер Чепл — один из молитвенных домов, принадлежавших какой-нибудь из многочисленных протестантских сект.

сей цивилизованной страны от края и до края, что тюремные двери запирают снаружи не менее крепко и тщательно, чем заперты они изнутри; что последний бедняк имеет право требовать создания повсюду условий пристойной и здоровой жизни в такой же мере, в какой они обязательны для благополучия богачей и государства; что какие-то мельчайшие учреждения и организации — более ничтожные, чем капли в великом океане человечества, грохочущем вокруг них, не вечно будут насыпать по своей воле Лихорадку и Чахотку на творения Божьи или игрой на своих скрипочках сопровождать Пляску Смерти.

ГЛАВА I

Пиквикисты

Первый луч, озаряющий мрак и заливающий ослепительным светом тьму, коей окутано было начало общественной деятельности бессмертного Пиквика, воссиял при изучении нижеследующей записки в протоколах Пиквикского клуба, которую издатель настоящих записок предлагает читателю с величайшим удовольствием как свидетельство исключительного внимания, неутомимой усидчивости и похвальной проницательности, проявленных им при исследовании многочисленных вверенных ему документов:

«Мая 12, года 1827. Председательствующий Джозеф Смиггерс, эсквайр¹, В. П. Ч. П. К.². В нижеследующем постановлении единогласно принято:

что названная ассоциация заслушала с чувством глубокого удовлетворения и безусловного одобрения сообщение Сэмюела Пиквика, эсквайра, П. Ч. П. К.³, озаглавленное: «Размышления об истоках Хэмстедских прудов с присовокуплением некоторых наблюдений по вопросу о Теории Колюшки»; за что названная ассоциация выражает живейшую благодарность означенному Сэмюелу Пиквику, эсквайру, П. Ч. П. К.;

что названная ассоциация, отдавая себе полный отчет в пользе, каковая должна воспоследовать для науки от заслушанного труда, — не меньшей, чем от неутомимых изысканий Сэмюела Пиквика, эсквайра, П. Ч. П. К., в Хорнси, Хайгете, Брикстоне и Кемберуэле⁴, — не может не выразить глубокой уверенности в неоценимости благ, которые

¹ *Эсквайр* — звание, которое в эпоху феодализма получали оруженосцы рыцарей; с течением времени оно было присвоено чиновникам, занимающим должности, связанные с доверием правительства (например, мировым судьям, адвокатам, имеющим право выступать в Суде Королевской Скамьи, и др.), но в эпоху Диккенса это значение было уже утрачено и в обиходе присваивалось состоятельным буржуа; в настоящее время вышло из обихода.

² Вице-президент, член Пиквикского клуба.

³ Президент, член Пиквикского клуба.

⁴ *Хорнси, Хайгет, Брикстон, Кемберуэл* — окрестности Лондона; первые два к северу, вторые — к югу; в настоящее время вошли в черту города.

последуют, буде этот ученый муж для прогресса науки и в просветительных целях перенесет свои исследования в области более широкие, раздвинет границы своих путешествий и, следовательно, расширит сферу своих наблюдений;

что, исходя из этого, названная ассоциация всесторонне обсудила предложение вышеупомянутого Сэмюэла Пиквика, эсквайра, П. Ч. П. К., и трех других пиквикистов, поименованных ниже, об организации в составе Объединенных пиквикистов нового отдела под названием Корреспондентское общество Пиквикского клуба;

что указанное предложение принято и одобрено названной ассоциацией, что Корреспондентское общество Пиквикского клуба сим учреждается, что вышеупомянутый Сэмюэл Пиквик, эсквайр, П. Ч. П. К., Треси Тапмен, эсквайр, Ч. П. К., Огастес Снодграсс, эсквайр. Ч. П. К., и Натэниел Уинкль, эсквайр, Ч. П. К., сим назначаются и утверждаются членами означенного общества и что на них возлагается обязанность препровождать время от времени в Пиквикский клуб в Лондоне достоверные отчеты о своих путешествиях, изысканиях, наблюдениях над людьми и нравами и обо всех своих приключениях, совокупно со всеми рассказами и записями, повод к коим могут дать картины местной жизни или пробужденные ими мысли;

что названная ассоциация с искренней признательностью приветствует устанавливаемый для каждого члена Корреспондентского общества принцип оплачивать собственные путевые издержки и не усматривает препятствий к тому, чтобы члены указанного общества занимались своими изысканиями, сколь бы они ни были продолжительны, на тех же условиях;

что до сведения членов вышеуказанного Корреспондентского общества должно быть доведено и сим доводится, что их предложение оплачивать посылку писем и доставку посылок было обсуждено ассоциацией; что означенная ассоциация считает такое предложение достойным великих умов, его породивших, и сим выражает свое полное согласие».

Посторонний наблюдатель, добавляет секретарь, чьим заметкам мы обязаны нижеследующими сведениями, посторонний наблюдатель не нашел бы ничего особо примечательного в плешивой голове и круглых очках, обращенных прямо к лицу секретаря во время чтения приведенных выше резолюций, но для тех, кто знал, что под этим черепом работает гигантский мозг Пиквика, а за этими стеклами сверкают лучезарные глаза Пиквика, зрелище представлялось поистине захватывающим. Восседал муж, проникший до самых истоков величественных Хэмстедских прудов, ошеломивший весь ученый мир своей Теорией Колюшки, восседал спокойный и недвижимый, как глубокие воды этих прудов в морозный день или как одинокий представитель этого рода рыб на самом дне глиняного кувшина. А сколь захватывающим стало зрелище, когда знаменитый муж, вдруг преисполнившись жизни и воодушевления, лишь только единодушный призыв: «Пик-



Какой сюжет для художника являет Пиквик, одна рука коего грациозно заложена под фалды фрака, другая размахивает в воздухе в такт пламенной речи.

вик!» — исторгся из груди его последователей, медленно взобрался на уиндзорское кресло, в котором перед тем восседал, и обратился к членам им же основанного клуба! Какой сюжет для художника являет Пиквик, одна рука коего грациозно заложена под фалды фрака, другая размахивает в воздухе в такт пламенной речи; занятая им возвышенная позиция, позволяющая лицезреть туго натянутые панталоны и гетры, которые — облекая они человека заурядного — не заслуживали бы внимания, но, когда в них облекся Пиквик, вдохновляли, если

можно так выразиться, на невольное благоговение и почтение: Пиквик в кругу мужей, которые добровольно согласились делить с ним опасности его путешествий и коим предназначено разделить славу его открытий. По правую от него руку сидит мистер Треси Тапмен, слишком впечатлительный Тапмен, сочетавший с мудростью и опытом зрелых лет юношеский энтузиазм и горячность в самой увлекательной и наиболее простительной человеческой слабости — в любви. Время и аппетит увеличили объем этой некогда романтической фигуры; размеры черного шелкового жилета становились более и более внушительными; дюйм за дюймом золотая цепь от часов исчезала из поля зрения Тапмена; массивный подбородок мало-помалу переползал через край белоснежного галстука, но душа Тапмена не ведала перемены: преклонение перед прекрасным полом оставалось его преобладающей страстью. По левую руку от своего великого вождя сидит поэтический Снодграсс, а рядом с ним — спортсмен Уинкль; первый поэтически закутан в таинственный синий плащ с собачьей опушкой, второй придает своей персоне невиданный блеск повой зеленой охотничьей куртке, клетчатому галстуку и светло-серым панталонам в обтяжку.

Торжественная речь мистера Пиквика по данному поводу, равно как и дебаты, вошла в протоколы клуба. И то и другое обнаруживает сильное сходство с дискуссиями других прославленных корпораций; а так как всегда интересно провести параллель между деятельностью великих людей, мы переносим протокольную запись на эти страницы.

«Мистер Пиквик заметил (говорит секретарь), что слава любезна сердцу каждого. Слава поэта любезна сердцу его друга Снодграсса; слава победителя в равной мере любезна его другу Тапмену, а жажда добиться славы во всех видах спорта на суше, на море и в воздухе обуревают его друга Уинкля. Он (мистер Пиквик) не может отрицать, что беззащитен перед человеческими страстями, человеческими чувствами (одобрение), быть может, и человеческими слабостями (громкие крики: «Нет!»); но вот что он хочет сказать: если когда-нибудь и вспыхивал в его груди огонь тщеславия — жажда принести пользу роду человеческому брала верх, и этот огонь угасал. Похвала людей для него угроза поджога¹, любовь к человечеству — страхование от огня. (Бурные рукоплескания.) Да, он испытал некую гордость — он открыто признает это, и пусть этим воспользуются его враги, — он испытал некую гордость, даруя миру свою Теорию Колюшки, стяжала она ему славу или не стяжала. (Возглас: «Стяжала!» Шумное одобрение.) Да,

¹ *Похвала людей для него — угроза поджога...* — Диккенс прибегает к исторической идиоме «Суинг», означающей «угроза»; этим вымышленным именем «капитан Суинг» в Англии нередко подписывались письма с угрозой поджога имений; письма рассылались помещикам от имени сельскохозяйственных рабочих во время аграрных волнений. Эта идиома — пример анахронизма в романе, так как протокол Пиквикского клуба помечен 1827 годом, а «суинговские» письма относятся к более позднему времени — к началу 30-х годов.

он готов согласиться с почтенным пиквикистом, чей голос он только что слышал: она стяжала славу; но, если славе этого трактата суждено было проникнуть в самые дальние углы земного шара, его авторская гордость не может сравниться с той гордостью, с какою он взирает вокруг себя в сей знаменательный момент своей жизни. (Рукоплекскания.) Он — человек незначительный. («Нет! Нет!») Все же он не может не чувствовать, что избран сочленами на дело почетное, хотя и сопряженное с некоторыми опасностями. Путешествия протекают очень беспокойно, и умы кучеров неуравновешенны. Пусть джентльмены бросят взгляд в дальние края и присмотрятся к тому, что совершается вокруг них. Повсюду пассажирские кареты¹ опрокидываются, лошади пугаются и несут, паровые котлы взрываются, суда тонут. (Рукоплекскания, голос: «Нет!») Нет?.. (Аплодисменты.) Пусть почтенный пиквикист, произнесший так громко «нет», выступит и попробует это отрицать. (Одобрения.) Кто произнес «нет»? (Овации.) Какой-нибудь тщеславный и оскорбленный в своем самолюбии человек... чтобы не сказать — галантерейщик (овации), завидующий тем похвалам, каких удостоились — пусть незаслуженно — его (мистера Пиквика) ученые исследования, и уязвленный порицаниями, коими встречены были жалкие его попытки соперничества, прибегает к этому презренному и клеветническому способу...

Мистер Блоттон (из Олдгета) говорит к порядку заседания. Не на него ли намекает почтенный пиквикист? («К порядку!», «Председатель!», «Да!», «Нет!», «Продолжайте!», «Довольно!», «Довольно!»)

Мистер Пиквик не дает смутить себя криками. Он намекал именно на почтенного джентльмена. (Сильное возбуждение.)

Мистер Блоттон хочет только отметить, что он с глубоким презрением отвергает непристойное и лживое обвинение почтенного джентльмена. (Громкое одобрение.) Почтенный джентльмен — хвостун! (Полное смятение, громкие крики: «Председатель!», «К порядку!».)

Мистер Снодграсс говорит к порядку заседания. Он обращается к председателю. («Слушайте!») Он хочет знать, неужели не положат конец недостойной расправе между членами клуба? («Правильно!»)

Председатель вполне уверен, что почтенный пиквикист возьмет назад свое выражение.

Мистер Блоттон заверяет, что, при всем уважении к председателю, не возьмет своего выражения назад.

Председатель считает своим непреложным долгом спросить почтенного джентльмена, надлежит ли понимать выражение, которое у него сорвалось, в общепринятом смысле.

Мистер Блоттон, не колеблясь, отвечает отрицательно — он употребил выражение в пиквикистском смысле. («Правильно! Правильно!»)

¹ *Пассажирские кареты.* — В эпоху Диккенса междугородные пассажирские кареты вмещали четыре «внутренних» пассажира и, если багажа было мало, десять-двенадцать «наружных» на плоской крыше; один из них мог сидеть впереди на козлах, рядом с кучером, и другой — позади, с кондуктором.

но!») Он вынужден заявить, что персонально он питает глубочайшее уважение к почтенному джентльмену и считает его хвастуном исключительно с пиквикистской точки зрения. («Правильно! Правильно!»)

Мистер Пиквик считает себя вполне удовлетворенным этим искренним, благородным и исчерпывающим объяснением своего почтенного друга. Он просит принять во внимание, что его собственные замечания надлежит толковать только в пиквикистском смысле. (Рукоплекскания.)»

На этом протокол заканчивается, как заканчиваются, мы не сомневаемся, и дебаты, раз они завершились столь удовлетворительно и вразумительно.

Официального изложения фактов, предлагаемых вниманию читателя в следующей главе, у нас нет, но они тщательно проверены на основании писем и других рукописных свидетельств, подлинность которых настолько не подлежит сомнению, что оправдывает изложение их в повествовательной форме.

ГЛАВА II

Первый день путешествия и приключения первого вечера с вытекающими из них последствиями

Солнце — этот исполнительный слуга — едва только взошло и озарило утро тринадцатого мая тысяча восемьсот двадцать седьмого года, когда мистер Сэмюэл Пиквик наподобие другого солнца воспрянул ото сна, открыл окно в комнате и воззрился на мир, распростертый внизу. Госуэлл-стрит лежала у ног его, Госуэлл-стрит протянулась направо, теряясь вдаль, Госуэлл-стрит простиралась налево и противоположная сторона Госуэлл-стрит была перед ним.

«Таковы, — размышлял мистер Пиквик, — и узкие горизонты мыслителей, которые довольствуются изучением того, что находится перед ними, и не заботятся о том, чтобы проникнуть в глубь вещей к скрытой там истине. Могу ли я удовольствоваться вечным созерцанием Госуэлл-стрит и не приложить усилий к тому, чтобы проникнуть в неведомые для меня области, которые ее со всех сторон окружают?» И мистер Пиквик, развив эту прекрасную мысль, начал втискивать самого себя в платье и свои вещи в чемодан. Великие люди редко обращают большое внимание на свой туалет. Сбритьем, одеванием и кофе покончено было быстро; не прошло и часа, как мистер Пиквик с чемоданом в руке, с подзорной трубой в кармане пальто и записной книжкой в жилетном кармане, готовый принять на свои страницы любое открытие, достойное внимания, — прибыл на стоянку карет Сент-Мартенс-Ле-Гранд.

— Кэб! — окликнул мистер Пиквик.

— Пожалуйте, сэр! — заорал странный образчик человеческой породы, облаченный в холщовую блузу и такой же передник, с медной

бляхой и номером на шее, словно был занумерован в какой-то коллекции диковинок. Это был уотермен¹.

— Пожалуйте, сэр! Эй, чья там очередь?

«Очередной» кэб был извлечен из трактира, где он курил свою очередную трубку, и мистер Пиквик со своим чемоданом ввалился в экипаж.

— «Золотой Крест», — приказал мистер Пиквик.

— Дел-то всего на один боб², Томми, — хмуро сообщил кэбмен своему другу уотермену, когда кэб тронулся.

— Сколько лет лошадке, приятель? — полюбопытствовал мистер Пиквик, потирая нос приготовленным для расплаты шиллингом.

— Сорок два, — ответил возница, искоса поглядывая на него.

— Что? — вырвалось у мистера Пиквика, схватившего свою записную книжку.

Кэбмен повторил. Мистер Пиквик испытующе воззрился на него, но черты лица возницы были недвижны, и он немедленно занес сообщенный ему факт в записную книжку.

— А сколько времени она ходит без отдыха в упряжке? — спросил мистер Пиквик в поисках дальнейших сведений.

— Две-три недели, — был ответ.

— Недели?! — удивился мистер Пиквик и снова вытащил записную книжку.

— Она стоит в Пентонвиле³, — заметил равнодушно возница, — но мы редко держим ее в конюшне, уж очень она слаба.

— Очень слаба! — повторил сбитый с толку мистер Пиквик.

— Как ее распряжешь, она и валится на землю, а в тесной упряжи да когда вожжи туго натянуты, она и не может так просто свалиться; да пару отменных больших колес приладили; как тронется, они катятся на нее сзади; и она должна бежать, ничего не поделаешь!

Мистер Пиквик занес каждое слово этого рассказа в свою записную книжку, имея в виду сделать сообщение в клубе об исключительном примере выносливости лошади в очень тяжелых жизненных условиях.

Едва успел он сделать запись, как они подъехали к «Золотому Кресту».

Возница соскочил, и мистер Пиквик вышел из кэба. Мистер Тапмен, мистер Снодграсс и мистер Уинкль, нетерпеливо ожидавшие прибытия своего славного вожда, подошли его приветствовать.

— Получите, — протянул мистер Пиквик шиллинг вознице.

¹ *Уотермен* — специальный слуга па стоянке пассажирских и почтовых карет; на его обязанности — поить лошадей («уотер» — вода) и следить за очередностью посадки пассажиров; наименование пришлось сохранить, ибо у нас в прошлом на почтовых станциях не было слуг с таким кругом обязанностей.

² *Боб* — шиллинг на лондонском диалекте.

³ *Пентонвил* — лондонский пригород, в который вливалась Госуэлл-стрит, где жил мистер Пиквик.

Каково же было удивление ученого мужа, когда этот загадочный субъект швырнул монету на мостовую и в образных выражениях высказал пожелание доставить себе удовольствие — рассчитаться с ним (мистером Пиквиком).

— Вы с ума сошли, — сказал мистер Снодграсс.

— Или пьяны, — сказал мистер Уинкль.

— Вернее, и то и другое, — сказал мистер Тапмен.

— А ну, выходи! — сказал кэбмен и, как машина, завертел перед собой кулаками. — Выходи... все четверо на одного.

— Ну, и потеха! За дело, Сэм! — поощрительно закричали несколько извозчиков и, бурно веселясь, обступили компанию.

— Что за шум, Сэм? — любопытствовал джентльмен в черных коленкорových нарукавниках.

— Шум! — повторил кэбмен. — А зачем понадобился ему мой номер?

— Да ваш номер мне совсем не нужен! — отозвался удивленный мистер Пиквик.

— А зачем вы его занесли? — не отставал кэбмен.

— Я никуда его не заносил! — возмутился мистер Пиквик.

— Подумайте только, — апеллировал возница к толпе, — в твой кэб залезает шпион и заносит не только твой номер, но и все, что ты говоришь, в придачу. (Мистера Пиквика осенило: записная книжка.)

— Да ну! — воскликнул какой-то другой кэбмен.

— Верно говорю! — подтвердил первый. — А потом распалил меня так, что я в драку полез, а он и призвал трех свидетелей, чтобы меня поддеть. Полгода просижу, а проучу его! Выходи!

И кэбмен швырнул шляпу оземь, обнаруживая полное пренебрежение к личной собственности, сбил с мистера Пиквика очки и, продолжая атаку, нанес первый удар в нос мистеру Пиквику, второй — в грудь мистеру Пиквику, третий — в глаз мистеру Снодграссу, четвертый, разнообразия ради, — в жилет мистеру Тапмену, затем прыгнул сперва на мостовую, потом назад, на тротуар, и в заключение вышиб весь временный запас воздуха из груди мистера Уинкля — все это в течение нескольких секунд.

— Где полисмен?! — закричал мистер Снодграсс.

— Под насос их! — посоветовал торговец горячими пирожками.

— Вы оплатитесь за это, — задыхался мистер Пиквик.

— Шпионы!! — орала толпа.

— А ну, выходи! — кричал кэбмен, не переставая вертеть перед собой кулаками.

До этого момента толпа оставалась пассивным зрителем, но, когда пронеслось, что пиквикисты — шпионы, в толпе начали с заметным оживлением обсуждать вопрос, не осуществить ли им в самом деле предложение разгоряченного пирожника, и трудно сказать, на каком

¹ *Шпион* — так лондонские горожане называют полицейского осведомителя.



И кэбмен швырнул шляпу оземь, обнаруживая полное пренебрежение к личной собственности, сбил с мистера Пиквика очки.

насилии над личностью решили бы остановиться, если бы скандал не был прерван неожиданным вмешательством нового лица.

— Что за потеха? — спросил довольно высокий худощавый молодой человек в зеленом фраке, вынырнувший внезапно из каретного двора гостиницы.

— Шпионы! — снова заревела толпа.

— Мы не шпионы! — завопил мистер Пиквик таким голосом, что человек беспристрастный не мог бы усомниться в его искренности.

— Так, значит, не шпионы? Нет? — обратился молодой человек к мистру Пиквику, уверенным движением локтей раздвигая физиономии собравшихся, чтобы проложить себе дорогу сквозь толпу.

Ученый муж торопливо изъяснил истинное положение вещей.

— Идемте! — проговорил зеленый фрак, силою увлекая за собой мистера Пиквика и не переставая болтать. — Номер девятьсот двадцать четвертый, возьмите деньги, уберите — почтенный джентльмен — хорошо его знаю — без глупостей — сюда, сэр, — а где ваши друзья? — сплошное недоразумение — не придавайте значения — с каждым может случиться — в самых благопристойных семействах — не падайте духом — не повезло — засадить его — заткнуть ему глотку — узнает, чем пахнет, — ну и каналы!

И, продолжая нанизывать подобного рода бессвязные фразы, извергаемые с чрезвычайной стремительностью, незнакомец прошел в зал для пассажиров, куда непосредственно за ним последовал мистер Пиквик со своими учениками.

— Лакей! — зарорл незнакомец, неистово потрясая колокольчиком. Стаканы — грог¹ горячий, крепкий, сладкий, на всех — глаз подбит, сэр? — лакей! — сырой говядины джентльмену на глаз — сырая говядина — лучшее средство от синяков, сэр, — холодный фонарный столб — очень хорошо — но фонарный столб неудобно — чертовски глупо стоять полчаса на улице, приложив глаз к фонарному столбу, — ха-ха! — не так ли? — отлично!

И незнакомец, не переводя дыхания, одним глотком опорожнил полпинты грога и бросился в кресло с такой непринужденностью, как будто ничего необычайного не произошло.

Пока трое его спутников осыпали изъявлениями благодарности своего нового знакомого, у мистера Пиквика было достаточно времени рассмотреть его внешность и костюм.

Он был среднего роста, но благодаря худобе и длинным ногам казался значительно выше. В эпоху «ласточкиных хвостов» его зеленый фрак был щегольским одеянием, но, по-видимому, и в те времена облакал джентльмена куда более низкорослого, ибо сейчас грязные и выцветшие рукава едва доходили незнакомцу до запястья. Фрак был застегнут на все пуговицы до самого подбородка, грозя неминуемо лопнуть на спине; шею незнакомца прикрывал старомодный галстук, на воротничок рубашки не было и намека. Его короткие черные панталоны со штрипками были усеяны теми лоснящимися пятнами, которые свидетельствовали о продолжительной службе, и были туго натянуты на залатанные и перелатанные башмаки, дабы скрыть грязные белые чулки, которые тем не менее оставались на виду. Из-под его из-

¹ Грог — ром, разбавленный наполовину водой; происхождение этого наименования относится к середине XVIII века, когда адмирал Вернон отдал приказ выдавать матросам разбавленный ром. Верхней одеждой Вернону обычно служил грубый шерстяной плащ (грозгрэм); моряки прозвали Вернона «Старый грог» и перенесли эту кличку на напиток.

мятой шляпы с обеих сторон выбивались прядями длинные черные волосы, а между обшлагами фрака и перчатками виднелись голые руки. Худое лицо его казалось изможденным, но от всей его фигуры веяло полнейшей самоуверенностью и неопишуемым нахальством.

Таков был субъект, на которого мистер Пиквик взирал сквозь очки (к счастью, он их нашел); и когда друзья мистера Пиквика исчерпали запас признательности, мистер Пиквик в самых изысканных выражениях поблагодарил его за только что оказанную помощь.

— Пустяки! — сразу прервал его незнакомец. — Не о чем говорить — ни слова больше — молодчина этот кэбмен — здорово работал пятерней — но будь я вашим приятелем в зеленой куртке — черт возьми — свернул бы ему шею — ей-богу — в одно мгновение — да и пирожнику вдобавок — зря не хвалюсь.

Этот набор слов прерван был появлением рочестерского кучера, объявившего, что Комодор¹ сейчас отойдет.

— Комодор? — воскликнул незнакомец, вскакивая с места. — Моя карета — место заказано — наружное — можете заплатить за грог — нужно менять пять фунтов — серебро фальшивое — брамеджемские пуговицы² — не таковский — не пройдет.

И он лукаво покачал головой.

Случилось так, что мистер Пиквик и его спутники решили сделать в Рочестере³ первую остановку; сообщив новоявленному знакомому, что они едут в тот же город, они заняли наружные задние места, чтобы сидеть всем вместе.

— Наверху вместе с вами, — проговорил незнакомец, подсаживая мистера Пиквика на крышу со стремительностью, которая грозила нанести весьма существенный ущерб степенности этого джентльмена.

— Багаж, сэр? — спросил кучер.

— Чей? Мой? Со мною вот пакет в оберточной бумаге, и только — остальной багаж идет водой — ящики заколоченные — величиной с дом — тяжелые, чертовски тяжелые! — отвечал незнакомец, стараясь засунуть в карман пакет в оберточной бумаге, внушавший подозрение, что содержимым его были рубашка и носовой платок. — Головы, головы! Берегите головы! — кричал болтливый незнакомец, когда они проезжали под низкой аркой, которая в те дни служила въездом в каретный двор гостиницы. — Ужасное место — страшная опасность — недавно — пятеро детей — мать — женщина высокая, ест сэндвич — об арке забыла — кррак — дети оглядываются — мать без головы —

¹ *Комодор* — звание в английском военном флоте, среднее между капитаном 1-го ранга и контр-адмиралом. В эпоху Диккенса пассажирские кареты, в отличие от почтовых, часто носили это название.

² *Брамеджемские пуговицы* — фальшивые серебряные монеты, искаженное «бирмингемские», названные так потому, что во времена Диккенса город Бирмингем, центр металлообрабатывающей промышленности, еще с XVII века пользовался дурной славой поставщика фальшивой монеты.

³ *Рочестер* — древний городок на правом берегу реки Медуэй, впадающей в Темзу.

в руке сэндвич — нечем есть — глава семьи обезглавлена — ужасно, ужасно! — Рассматриваете Уайтхолл¹, сэр? Прекрасное место — маленькое окно — там тоже кое-кому голову сняли — а, сэр? — он тоже зазевался — а, сэр? а?

— Я размышлял, — сказал мистер Пиквик, — о странной превратности человеческой судьбы.

— О! Понимаю! Сегодняходишь во дворец через дверь, завтра вылетаешь в окно. Сэр — философ?

— Наблюдатель человеческой природы, сэр, — ответил мистер Пиквик.

— Ну? Я — тоже. Как и большинство людей, у которых мало дела и еще меньше дохода. Сэр — поэт?

— У моего друга мистера Снодграсса большая склонность к поэзии, ответил мистер Пиквик.

— Как и у меня, — сказал незнакомец. — Эпическая поэма — десять тысяч строк — июльская революция — сочинил на месте происшествия — Марс днем, Аполлон ночью — грохот орудий, бряцание лиры...

— Вы были свидетелем этого замечательного события, сэр? — спросил мистер Снодграсс.

— Свидетелем? Еще бы² — заряжаю мушкет — заряжаюсь идеей — бросился в винный погребок — записал — назад — бац! бац! — новая идея — слова в погребок — перо и чернила — снова назад — режь, руби — славное время, сэр.

Он неожиданно повернулся к мистеру Уинклю:

— Спортсмен, сэр?

— Немного, сэр, — ответил этот джентльмен.

— Прекрасное занятие, сэр, — превосходное занятие — собаки, сэр?

— Сейчас нет.

— Что вы! Займитесь собаками — прекрасные животные — умные твари — был у меня пес — пойнтер — удивительное чутье — однажды вышли на охоту — огороженное место — свистнул — собака ни с места — снова свистнул — Понто! — ни с места: как вкопанная — зову — Понто! Понто! — не двигается — собака приросла к месту — устоялась на забор — взглянул и я — вижу объявление: «Сторожу приказано убивать собак, проникших за эту ограду», — не пошла — изумительный пес, редкий был пес — весьма!

¹ Уайтхолл — улица, ведущая от Чаринг-Кросс, главной площади Сити, центрального района Лондона; Джингль намекает на короля Карла I, которого вывели на эшафот из окна дворца, находившегося на этой улице и называемого также Уайтхолл; дворец сгорел в XVII веке и отстроен только в части, сохранившейся до нашего времени.

² Замечательный пример пророческой силы, отличавшей воображение мистера Джингля. Этот диалог происходил в 1827 году, а революция — в 1830 году. (Прим. автора.)



«Сторожу приказано убивать собак, проникших за эту ограду».

— Факт исключительный! — заметил мистер Пиквик. — Позвольте записать.

— Пожалуйста, сэр, сколько угодно. Сотни рассказов об этой собачке. Хорошенькая девочка, сэр? (Сие относилось к мистеру Треси Тапмену, расточавшему отнюдь не пиквикистские взгляды юной леди, стоявшей у дороги.)

— Очень! — согласился мистер Тапмен.

— Ну, англичанки не так хороши, как испанки, — прелестные создания — волосы — черные как смоль — глаза черные — стройные фигуры — чудные создания — красавицы!

— Вы были в Испании, сэр? — спросил мистер Тапмен.

— Жил там целую вечность.

— Много одержали побед, сэр? — допытывался мистер Тапмен.

— Побед? Тысячи! — Дон Болеро Фицгиг — гранд — единственная дочь — донна Христина — прелестное создание — любила меня до безумия — ревнивый отец — великодушная дочь — красивый англичанин — донна Христина в отчаянии — синильная кислота — у меня в чемодане желудочный зонд — сделали промывание — старик Болеро Фицгиг в восторге — соглашается на наш союз — руки соединены и море слез — и романтическая история — весьма!

— Эта леди теперь в Англии, сэр? — полюбопытствовал мистер Тапмен, на которого описание ее прелестей произвело сильнейшее впечатление.

— Умерла, сэр, умерла, — сказал незнакомец, прикладывая к глазу остаток древнего батистового платочка, — не могла оправиться после промывания — слабый организм — пала жертвой.

— А отец? — задал вопрос поэтический мистер Снодграсс.

— Угрызения совести и отчаяние — внезапное исчезновение — город только об этом и говорит — ищут повсюду — безуспешно — вдруг перестал бить фонтан на главной площади — недели идут — засорился — рабочие начинают чистить — вода выкачана — нашли тестя — застрял головой вперед в трубе — полная исповедь в правом сапоге — вытащили, и фонтан забил по-прежнему.

— Вы позволите мне записать эту романтическую историю, сэр? — спросил потрясенный мистер Снодграсс.

— Сколько угодно, сэр, сколько угодно, еще пятьдесят таких, если они вам по вкусу, — необыкновенная у меня жизнь — любопытная биография — ничего исключительного, но все же необычно.

В таком духе, — а в виде вводных предложений пропуская по стаканчику эля, когда меняли лошадей, — разглагольствовал незнакомец, пока они не достигли Рочестерского моста, и за это время записные книжки мистера Пиквика и мистера Снодграсса вместили немало его приключений.

— Величественные развалины! — воскликнул мистер Огастес Снодграсс с отличавшим его поэтическим пылом, когда перед ними открылся вид красивого старого замка.

— Какая находка для любителя древности! — вырвалось из уст мистера Пиквика, когда он приставил к глазу подзорную трубу.

— Прекрасное место, — сказал незнакомец, — славная руина — хмурые стены — шаткие своды — темные закоулки — лестницы вот-вот рухнут — древний собор — затхлый запах — древние ступени стертые ногами пилигримов — маленькие саксонские двери¹ — исповедальни, словно будки театральных кассиров — чудной народ эти мо-

¹ *Саксонские двери* — двери так называемого «саксонского» стиля, которым характеризуется архитектура Англии до завоевания ее в XI веке нормандцами.

нахи — папы и лорды — казначеи и всякого рода старцы с толстыми, красными физиономиями и сломанными носами — колеты буйволо-вой кожи — кремневые ружья — саркофаг — прекрасное место — древние легенды — странные истории — чудесно!

И незнакомец продолжал монолог, пока они не подъехали к гостинице «Бык» на Хай-стрит, куда подкатила карета.

— Вы остановитесь здесь, сэръ? — спросил мистер Уинкль.

— Здесь? — Нет — вам советую — хорошее заведение — прекрасные постели — рядом гостиница Райта, дорого — очень дорого — только посмотришь на слугу, приписывается полкроны к счету — обедаете у друзей, насчитывают еще больше, чем если б вы обедали в гостинице, — странные типы — весьма!

Мистер Уинкль прошептал несколько слов мистеру Пиквику; шепот перешел от мистера Пиквика к мистеру Снодграссу, от мистера Снодграсса к мистеру Тапмену, и они обменялись знаками согласия. Мистер Пиквик обратился к незнакомцу:

— Сегодня утром, сэръ, вы оказали нам важную услугу. Разрешите хоть как-нибудь вас отблагодарить. Мы просим оказать нам честь отобедать с нами.

— С большим удовольствием — не смею распоряжаться, но жареная курица с грибами — превосходная вещь! В котором часу?

— Позвольте, — вытаскивая часы, ответил мистер Пиквик. — Сейчас около трех. Назначим на пять?

— Очень удобно, — сказал незнакомец, — ровно в пять — а пока всего хорошего.

И, приподняв на несколько дюймов помятую шляпу и небрежно надев се набекрень, незнакомец, с торчащим из кармана пакетом в оберточной бумаге, быстро прошел по двору и свернул на Хай-стрит.

— Очевидно, он изъездил много стран и пристально наблюдал людей и события, — сказал мистер Пиквик.

— Мне бы хотелось взглянуть на его поэму, — сказал мистер Снодграсс.

— А мне бы очень хотелось видеть эту собаку, сказал мистер Уинкль.

Мистер Тапмен не сказал ничего. По думал он о донне Христине, о зонде для промывания желудка и о фонтане. Слезы навернулись у него на глазах.

Заняв отдельную гостиную, осмотрев спальни, заказав обед, они все вместе отправились обозревать город и ближайшие окрестности.

Внимательно читая заметки мистера Пиквика о четырех городах — Страуде, Рочестере, Четеме и Бромтоне, мы не нашли, чтобы его впечатления существенно отличались от впечатлений других путешественников, побывавших в тех же городах. Мы слегка сокращаем его описание.

«Главное, что водится в этих городах, — пишет мистер Пиквик, — это, по-видимому, солдаты, матросы, евреи, мел, креветки, офицеры

и портовые чиновники. На более людных улицах выставлены на продажу: разная рухлядь, леденцы, яблоки, камбала и устрицы. Улицы имеют оживленный вид, чему главным образом способствует веселый нрав военных. Для ума, вдохновленного любовью к человечеству, является истинным наслаждением созерцать этих храбрецов, бродящих по улицам и пошатывающихся от избытка жизненных сил и горячительных напитков, особенно если мы вспомним, что следовать за ними и обмениваться с ними шутками доставляет дешевое и невинное развлечение подрастающего поколения. Ничто (добавляет мистер Пиквик) не может нарушить их добродушия. За день до моего приезда один из них был оскорблен самым грубым образом в трактире. Буфетчица наотрез отказалась отпустить ему новую порцию напитков, в ответ на что он (разумеется, шутя) извлек свой штык и ранил ее в плечо. И все же славный малый сам пришел на следующее утро в трактир и выразил готовность не придавать значения этому делу и позабыть то, что произошло.

Потребление табаку в этих городах, — продолжает мистер Пиквик, — должно быть, очень значительно. Улицы пропахли табачным дымом, и этот запах, вероятно, чрезвычайно приятен любителям курения. Поверхностный наблюдатель обратит, пожалуй, внимание на грязь, отличающую эти города; но тот, для кого она свидетельствует об уличном движении и о расцвете торговли, будет вполне удовлетворен».

Ровно в пять часов явился незнакомец, а немного спустя и обед. Со своим пакетом в оберточной бумаге незнакомец расстался, но никаких перемен в его внешности не произошло; и говорлив он был еще больше, если это только возможно.

— А тут что? — спросил он, когда слуга снял крышку с одного из блюд.

— Камбала, сэр.

— А, камбала! — превосходная рыба — идет из Лондона — владельцы пассажирских карет устраивают политические обеды — доставка камбалы — десятками корзин — ловкие ребята — стаканчик вина, сэр?

— С удовольствием, — согласился мистер Пиквик; и незнакомец выпил сперва за его здоровье, затем за здоровье мистера Снодграсса, затем за здоровье мистера Тапмена, затем за здоровье мистера Уинкля и, наконец, за всех вместе; и все это проделал так же стремительно, как болтал.

— Чертовская сутолока на лестнице, — лакей, — сказал он. — Скамейки наверх — плотники вниз — лампы, стаканы, арфы. Что-нибудь готовится?

— Бал, сэр, — ответил слуга.

— Ассамблея, а?

— Нет, сэр, не ассамблея, сэр. Бал с благотворительной целью, сэр.

— Не знаете ли, сэр, много в этом городе хорошеньких женщин? — с великим интересом спросил мистер Тапмен.

— Блистательны! — Превосходны! Кент¹, сэр! — Кто не знает Кента! — Яблоки, вишни, хмель и женщины. Стаканчик вина, сэр?

— С большим удовольствием, — согласился мистер Тапмен.

Незнакомец налил и выпил.

— Мне бы очень хотелось посетить, — молвил мистер Тапмен, подразумевая бал. — Очень бы хотелось.

— Билеты в буфете, полгинеи, сэр, — вернул слуга.

Мистер Тапмен снова выразил горячее желание побывать на балу; но, не встретив сочувствия в помутившихся глазах мистера Снодграсса и в отсутствующем взгляде мистера Пиквика, он утешился, отдав должное портвейну и десерту, появившимся на столе.

Слуга удалился, и компания осталась наслаждаться приятным послеобеденным препровождением времени.

— Прошу прощения, сэр, — начал незнакомец, — бутылка оплачена — пустите — по кругу — по солнцу — пить до дна.

И он осушил стакан, который наполнил минуты две назад, и налил другой с видом человека, весьма к этому привычного.

Вино было выпито, потребовали еще. Гость говорил, пиквикисты слушали. С каждой секундой мистер Тапмен все пламенней мечтал о бале. Выражение всепоглощающей доброты разливалось на лице мистера Пиквика; а мистер Уинкль и мистер Снодграсс заснули крепким сном.

— А наверху уже началось, — сказал незнакомец. Слушайте — настраивают скрипки — арфу — поехали!

Звуки, доносившиеся сверху, возвестили о начале первой кадрили.

— Как бы мне хотелось пойти! — снова молвил мистер Тапмен.

— И я не прочь, — сказал незнакомец, — проклятый багаж — везут на баркасах — не в чем идти — досадно! — досадно!

Одним из основных начал пиквикистской теории была доброжелательность, и этому благородному принципу мистер Треси Тапмен следовал с большим рвением, чем кто бы то ни было. В протоколах клуба почти в невероятном количестве упоминаются случаи, когда этот превосходный джентльмен направлял объекты благотворительности к другим членам клуба за поношенным платьем или за денежным пособием.

— Я бы с удовольствием одолжил вам для этого дела свой костюм, — начал мистер Треси Тапмен, — но вы художавы, тогда как я...

— Толстоват — как Бахус в зрелом возрасте — снял листья, слез с бочки и облачался в сукно, а? — Ха-ха! Не валяно, а напялено? Переправьте бутылку.

Задел ли мистера Тапмена повелительный топ, каким было выражено требование переправить вино, с которым незнакомец тут же покончил, или он весьма справедливо почувствовал себя шокированным

¹ Кент — графство, граничащее на северо-западе с Мидлсексом, включающим Лондон.



Он передал бутылку, кашлянул дважды и несколько секунд пристально смотрел на незнакомца.

тем, что влиятельного члена Пиквикского клуба нагло сравнили с Бахусом, слезшим с бочки, — этот вопрос достаточно не выяснен. Он передал бутылку, кашлянул дважды и несколько секунд пристально смотрел на незнакомца; но, так как этот субъект оставался вполне спокойным и совершенно безмятежным под его испытующим взглядом, он постепенно смягчился и снова вернулся к теме о бале.

— Я хотел сказать, сэръ, — начал он, — если мой костюм вам широк, то костюм моего друга мистера Уинкля, пожалуй, будет впору.

Незнакомец взглядом снял мерку с мистера Уинкля и, просяив, удовлетворенно бросил:

— В самую пору!

Мистер Тапмен огляделся вокруг. Вино, возымевшее снотворное действие на мистера Снодграсса и мистера Уинкля, отуманило мозг мистера Пиквика. Сей джентльмен постепенно проходил все те стадии, какие предшествуют летаргии, вызванной обедом. Он прошел все этапы, спускаясь с высот бурной веселости в глубины отчаяния, а из глубин отчаяния снова возносясь на вершины веселья. Подобно уличному газовому фонарю, когда ветер задувает в трубку, он на момент вспыхнул неестественно ярким светом, затем потускнел так, что едва можно было его различить, после короткого перерыва снова разгорелся, опять замигал и замерцал и, наконец, угас окончательно. Голова его поникла на грудь: и только непрерывный храп да наступавшие время от времени короткие вдохи, напоминавшие припадки удушья, оставались единственными доступными слуху указаниями на присутствие великого мужа.

Желание попасть на бал и оценить красоту кентских леди томило мистера Тапмена. Желание захватить с собой нового знакомого было не менее сильно. Города и его обитателей он не знал, а новый приятель настолько был в курсе дела, что казалось, жил в этих краях с самого детства. Мистер Уинкль спал, а мистер Тапмен был достаточно опытен в таких делах и знал, что в момент пробуждения тот — согласно природе вещей — способен только на одно — рухнуть в постель. Он пребывал в нерешительности.

— Налейте себе и передайте бутылку, — напомнил неутомимый гость.

Мистер Тапмен совершил то, что от него требовалось, И добавочный стимул последнего стакана подсказал ему решение.

— К Уинклю можно попасть через мою спальню, — сказал он, — если я его сейчас разбужу, все равно он не поймет, что мне от него нужно; но я знаю, что у него в саквояже есть фрачная пара, и если вы ее наденете на бал, а затем, когда мы вернемся, снимете, я уложу ее в саквояж, вовсе не беспокоя его по этому поводу.

— Превосходно, — одобрил гость, — великолепный план — глупейшее положение — четырнадцать костюмов в багаже, а приходится надевать чужой — замечательная идея — весьма!

— Нужно купить билеты, — решил мистер Тапмен.

— Не стоит дробить гинею — бросим жребий, кому платить за обоих — я называю; вы пускайте — раз — женщина, женщина, очаровательная женщина! И соверен упал кверху драконом¹ (из любезности наименованным женщиной).

¹ *Дракон* — то есть изображение дракона, поверженного наземь святым Георгием, на одной из сторон соверена (английской золотой монеты в один фунт стерлингов — 20 шиллингов или 240 пенсов); в игре в орлянку эта сторона монеты называется также «женщина»; происхождение этого жаргонного английского названия неизвестно, почему Диккенс и предположил, что Джингль так называл дракона «из любезности».

Мистер Тапмен позвонил, купил билеты и приказал подать свечи. Через четверть часа новый знакомец был полностью облачен во фракную пару мистера Натэниела Уинкля.

— Это новый фрак, — объяснил мистер Тапмен, пока гость с большим удовлетворением разглядывал себя в стенное зеркало. — Первый фрак со значком нашего клуба! — И он обратил внимание приятеля на большой позолоченный значок, в центре которого красовался бюст мистера Пиквика, а по сторонам его инициалы П. К.

— П. К.? — спросил тот. — Странное украшение — портрет этого старикана и П. К.? Что это значит П. К.? Прескверный костюм, а?

Мистер Тапмен с важностью и не без раздражения раскрыл таинственные инициалы.

— Талия коротковата? — сказал новый знакомец, вертясь перед зеркалом, чтобы разглядеть пуговицы на талии, которые пришлось чуть не на середину спины. Как у почтальона — смешные у них кафтаны — одного размера — без примерки — таинственное предопределение — малорослым достаются длинные кафтаны — высоким короткие.

Болтая без умолку, новый приятель мистера Тапмена оправил свой фрак, вернее фрак мистера Уинкля, и в сопровождении мистера Тапмена поднялся по лестнице, ведущей в зад.

— Ваши фамилии, сэр? — спросил лакей у двери.

Только что мистер Тапмен собрался сообщить свое имя, как вмешался его товарищ.

— Никаких имен! — И затем зашептал мистеру Тапмену: — Не надо имен — не известны — славные имена, но широкой публике не известны — для маленькой вечеринки превосходные имена, но на балу не произведут впечатления — инкогнито, вот что надо! — Джентльмены из Лондона — знатные путешественники — вот!

Дверь распахнулась, и мистер Треси Тапмен с незнакомцем вошли в зал. Это была длинная комната со скамьями, обтянутыми малиновой материей, и со стеклянными люстрами, в которых торчали восковые свечи. Музыканты были тщательно спрятаны на закрытой эстраде, и несколько пар отплясывало по всем правилам кадрили. В соседней комнате расставлено было два ломберных стола, за которыми сражались в вист четыре пожилых леди и соответствующее число толстых джентльменов.

Кадриль кончилась, танцующие стали прогуливаться по залу, и мистер Тапмен с приятелем поместились в углу, чтобы обозреть собравшихся.

— Очаровательные женщины! — заметил мистер Тапмен.

— Погодите минутку, — сказал незнакомец. — Сейчас здесь забавные типы, — которые познатней, еще не пришли, — странное местечко — портовые чиновники, которые повыше рангом, знать не хотят портовых чиновников рангом пониже — чиновники рангом пониже

знать не хотят мелких помещиков — мелкие помещики знать не хотят купцов — начальник порта знать не хочет никого.

— Кто этот мальчишка с красными глазками, блондин, в маскарадном костюме? — спросил мистер Тапмен.

— Тсс! — Красные глазки — маскарадный костюм — мальчишка — чепуха — прапорщик Девяносто седьмого полка — почтенный Уилмот Снайпс — благородная фамилия — Снайпс — весьма!

— Сэр Томас Клаббер, леди Клаббер и мисс Клаббер! — громовым голосом провозгласил лакей.

По залу прошел шепот, когда показались высокий джентльмен в синем фраке с блестящими пуговицами, объемистая леди в синем шелковом платье и две молодые леди, столь же объемистые, в модных платьях того же цвета.

— Правительственный комиссар — начальник порта — важная особа — весьма важная особа, — зашептал новый знакомый в ухо мистеру Тапмену, пока благотворительный комитет провожал сэра Томаса Клаббера с семейством в почетный угол зала.

Почтенный Уилмот Снайпс и другие избранные джентльмены бросились приветствовать двух мисс Клаббер, а сэр Томас Клаббер стоял прямой, как палка, и величественно взирал поверх своего черного галстука на собравшееся общество.

— Мистер Смити и миссис Смити с дочерьми, — доложил лакей.

— Кто такой мистер Смити? — прошептал мистер Тапмен.

— Служит в порту, — ответил новый знакомец.

Мистер Смити почтительно поклонился сэру Томасу Клабберу, а сэр Томас Клаббер с подчеркнутой снисходительностью ответил на поклон. Леди Клаббер бросила через лорнет высокомерный взгляд на миссис Смити с семейством, а миссис Смити в свою очередь пронзила миссис Как-ее-бишь, чей муж вовсе не служил в порту.

— Полковник Балдер, миссис Балдер и мисс Балдер! — так возвестили о вновь прибывших.

— Начальник гарнизона, — шепнул приятель мистера Тапмена в ответ на вопрошающий взгляд последнего.

Две мисс Клаббер радостно встретили мисс Балдер; с чрезвычайной горячностью приветствовали друг друга полковница Балдер и леди Клаббер; полковник Балдер и сэр Томас Клаббер позаимствовались друг у друга понюшкой табаку и при этом очень походили на двух Александров Селькирков¹ «повелителей всего, что объемлет глаз».

¹ *Александр Селькирк* — английский матрос, шотландец, проживавший в одиночестве на необитаемом острове Хуан Фернандец в Тихом океане; на этот остров, в четырехстах километрах от берегов Чили, он был высажен в виде наказания капитаном корабля «Пять портов» во время плавания и прожил на острове с 1704 по 1709 год, когда был снят с острова проходившим кораблем. Судовой журнал Вудса Роджерса, капитана этого корабля, опубликованный в 1712 году, послужил основой для «Робинзона Крузо» Дефо и для романа французского беллетриста Х. Сентина «Один!» (1857).

Пока городская знать — Балдеры, Клабберы, Снайпсы — блюла свое достоинство в почетном конце зала, другие классы общества подражали ее примеру в других частях зала. Менее аристократические офицеры 97-го полка уделяли свое внимание менее важным семьям портовых чиновников. Жены законовевов и жена винного торговца возглавляли общество рангом пониже (супруга пивовара бывала у Балдеров); а миссис Томлинсон, содержательница почтовой конторы, казалось, с общего согласия предводительствовала купечеством.

Одним из самых популярных членов своего кружка был маленький толстый джентльмен с бахромой торчащих черных волос, окаймлявших большую плешь, доктор Слеммер, военный врач 97-го полка. Доктор угощался табачком из всех табакерок, со всеми болтал, хохотал, танцевал, шутил, играл в вист — всюду поспевал. Ко всем своим многообразным занятиям маленький доктор присовокуплял еще одно, более важное: он, не щадя сил, оказывал самое неослабное внимание маленькой пожилой вдове, чье роскошное платье и обилие украшений обещали лакомое добавление к скромному докторскому жалованью.

Именно на доктора и на вдову устремлены были взгляды мистера Тапмена и его приятеля, когда последний прервал молчание.

— Денег тьма — старуха — надутый доктор — прекрасная идея — чертовски весело, — срывались с его уст маловразумительные словосочетания.

Мистер Тапмен испытующе посмотрел на него.

— Пойду танцевать со вдовой, — заявил тот.

— Кто она? — спросил мистер Тапмен.

— Понятия не имею — вижу первый раз в жизни — отгеснить доктора — попробуем.

И незнакомец пересек комнату и, облокотившись о каминную доску, устремил на толстую физиономию старой леди взор, полный почтительного и меланхолического восхищения.

Мистер Тапмен взирал безгласно и удивленно. Его приятель быстро преуспевал; маленький доктор танцевал с какой-то другой леди; вдова уронила веер, приятель поднял его и вручил ей — улыбка — поклон — реверанс несколько слов. Затем он смело подошел к распорядителю и вернулся вместе с ним к вдове; краткая пантомима представления; новый знакомец мистера Тапмена занял место в кадрили рядом с миссис Баджер.

Сколь ни велико было удивление мистера Тапмена перед этой стремительностью действий, изумление доктора было неизмеримо больше. Незнакомец был молод — вдова польщена. Она перестала замечать ухаживания доктора, а негодование последнего не производило на его невозмутимого соперника ни малейшего впечатления. Доктор Слеммер остолбенел. Он, доктор Слеммер 97-го полка, вытеснен мгновенно, и кем? — субъектом, которого никто раньше не видел и которого никто здесь не знал. Доктор Слеммер — доктор Слеммер

97-го полка — отвергнут! Неслыханно! Быть не может! Но — увь! — это так. Что это? Представляет своего приятеля? Глазам не верится!

Он посмотрел снова и с горечью убедился, что зрение его не обманывает: миссис Баджер танцевала с мистером Треси Тапменом — ошибиться было невозможно; вдова с необычайной живостью носилась по залу, а мистер Треси Тапмен приплясывал около нее. Лицо его выражало необычайную торжественность. Он танцевал так (как танцуют многие), словно кадриль — не веселая забава, а жестокое испытание для наших чувств, требующее непреклонной выдержки.

Терпеливо и молча доктор выносил и это и все, что последовало: угощение нигесом¹, заботу о стаканах, добывание печенья и кокетничанье; но через несколько секунд после того, как незнакомец исчез, чтобы проводить миссис Баджер до кареты, доктор молниеносно вылетел из комнаты, и долго сдерживаемое негодование изошло потом, проступившим сквозь каждую пору его физиономии.

Незнакомец вернулся, мистер Тапмен был с ним. Незнакомец что-то ему шептал и смеялся. Маленький доктор жаждал его крови. Он ликует! Он одержал победу!

— Сэр, — произнес он грозно, протягивая свою визитную карточку и отступая в угол вестибюля, — меня зовут Слеммер, доктор Слеммер, сэр, Девяносто седьмого полка, Четемские казармы... Моя карточка, сэр... — Он хотел еще что-то прибавить, но задохнулся от бешенства.

— Слеммер? — холодно переспросил незнакомец. — Очень рад — вы внимательны — но я не болен, Слеммер — когда заболею — позову вас.

— Вы... вы проходимец, сэр! — задыхался взбешенный доктор. — Трус! Лгун! Э... Э.. потрудитесь дать мне свою карточку, сэр!

— А, понимаю, — бормотал незнакомец, — здесь слишком крепкий нигес — щедрый хозяин — весьма неблагоразумно — весьма — лимонад лучше — в комнатах жарко — пожилые джентльмены — утром будет голова трещать — прискорбно — прискорбно...

И он слегка попятился.

— Вы остановились в этой гостинице, сэр, — бесновался маленький доктор, — сейчас вы пьяны, сэр, утром вы обо мне услышите. Я разыщу вас, сэр! Разыщу, где бы вы ни были!

— Скорей всего, где меня не будет, — невозмутимо ответил незнакомец.

Доктор Слеммер бросил на него кровожадный взгляд и, негодуя, напялил на себя с размаху шляпу. Мистер Тапмен с приятелем поднялись в спальню мистера Тапмена, дабы вернуть одеяние ничего не подозревавшему мистеру Уинклю.

Этот джентльмен спал непробудным сном, и костюм скоро был водворен на место. Незнакомец пребывал в крайне веселом расположе-

¹ *Нигес* — напиток, названный так по имени составителя его: портвейн с сахаром и лимоном.

нии духа, а мистеру Треси Тапмену, возбужденному вином, нигесом, огнями и лицемерием леди, все происшедшее казалось изысканной шуткой; после попыток отыскать в своем ночном колпаке отверстие, предназначенное для головы, мистер Треси Тапмен, надевая ночной колпак, опрокинул подсвечник и, совершив ряд сложных эволюций, добрался до постели и моментально погрузился в сон.

Едва только пробило на следующее утро семь часов, как всеобъемлющий дух мистера Пиквика был выведен из бессознательного состояния, в которое погрузил его ночной сон, громким стуком в дверь.

— Кто там? — приподнимаясь на постели, спросил мистер Пиквик.

— Коридорный, сэр.

— Что нужно?

— Сэр, не можете ли вы сказать, кто из ваших знакомых джентльменов носит светло-синий фрак с золоченым значком и с буквами П. К. на нем?

«Должно быть, он взял почистить платье и позабыл, чье оно», — подумал мистер Пиквик и ответил:

— Мистер Уинкль, третья комната направо.

— Благодарю вас, сэр, — ответил коридорный, удаляясь.

— В чем дело? — закричал мистер Тапмен, когда громкий стук в дверь пробудил его от глубокого сна.

— Мне нужен мистер Уинкль! — послышался голос коридорного.

— Уинкль! Уинкль! — крикнул мистер Тапмен мистеру Уинклю, который спал в соседней комнате.

— Алло! — отозвался слабый голос с постели.

— Вас кто-то спрашивает... там у двери... — С трудом выдавив из себя эти слова, мистер Тапмен повернулся на другой бок и снова заснул.

— Спрашивает? — повторил мистер Уинкль, прыгивая с постели и натягивая на себя необходимые принадлежности туалета. — Спрашивает? Кто бы это мог спрашивать меня так далеко от Лондона?

— Джентльмен ждет в столовой. — сказал коридорный, когда мистер Уинкль открыл дверь. — Джентльмен говорит, что ему обязательно нужно вас видеть и задержит он вас недолго.

— Странно, — пробормотал мистер Уинкль. — Я сейчас приду.

Он поспешно надел халат, закутался в плед и спустился по лестнице. Старуха и двое служителей занимались уборкой в столовой, у окна стоял офицер в мундире. Он повернулся при входе мистера Уинкля и чопорно поклонился. Приказав слугам выйти и плотно прикрыв за ними дверь, он сказал:

— Мистер Уинкль, если не ошибаюсь?

— Да, меня зовут Уинкль, сэр.

— Надеюсь, вас не удивит, сэр, если я скажу, что пришел к вам по поручению моего друга, доктора Слеммера Девяносто седьмого полка.

— Доктора Слеммера? — переспросил мистер Уинкль.

— Доктора Слеммера. Он поручил мне довести до вашего сведения его мнение, что вы вели себя вчера вечером не по-джентльменски и (добавил он) что ни один джентльмен не может позволить себе такого поведения по отношению к другому джентльмену.

Удивление мистера Уинкля было столь непритворным и очевидным, что не ускользнуло от внимания друга доктора Слеммера; поэтому он продолжал:

— Мой друг, доктор Слеммер, просил меня прибавить, что, по его убеждению, вчера вечером вы были и состоянии опьянения и, может быть, не отдаете себе отчета в степени оскорбления, вами нанесенного. Он поручил мне также заявить, что в случае ссылки на это обстоятельство, как на оправдание вашего поведения, он согласен принять ваше письменное извинение, которое я вам продиктую.

— Письменное извинение? — повторил мистер Уинкль в крайнем возбуждении.

— Разумеется, последствия отказа вам ясны, — холодно добавил посетитель.

— Вы уверены, что это поручение относится именно ко мне? — спросил мистер Уинкль, чей рассудок пребывал в результате этого необычайного объяснения в самом безнадежном смятении.

— Я сам не присутствовал при этом, — ответил посетитель, — но так как вы наотрез отказались вручить свою визитную карточку доктору Слеммеру, этот джентльмен просил меня установить личность владельца не совсем обычного фрака — светло-синего, с позолоченным значком, на котором изображен бюст и литеры П. К.

Мистер Уинкль, услышав столь детальное описание своего фрака, вздрогнул от изумления. Друг доктора Слеммера продолжал:

— Из расспросов в гостинице я узнал, что владелец этого фрака прибыл вчера днем вместе с тремя другими джентльменами. Я тотчас же послал слугу к джентльмену, который, по-видимому, возглавляет компанию, а он указал на вас.

Если бы башня Рочестерского замка вдруг снялась с места и осталась против окна, у которого стоял мистер Уинкль, его удивление было бы ничтожно по сравнению с тем глубоким изумлением, какое он испытывал, слушая приведенные выше слова. Вдруг ему пришло на ум, что фрак украден.

— Будьте добры, подождите одну секунду, — проговорил он.

— Пожалуйста, — ответил непрощенный посетитель.

Мистер Уинкль мигом взлетел по лестнице и дрожащими руками открыл саквояж. Фрак покоился на своем месте, но после тщательного осмотра оказалось, что кто-то несомненно надевал его прошлой ночью.

— Так и есть! — пролепетал мистер Уинкль, роняя фрак. — Я выпил после обеда слишком много вина, и мне смутно помнится, я выходил на улицу и курил сигару. Факт налицо — я был очень пьян; ве-

роятно, я переделся... куда-нибудь вышел... и кого-то оскорбил... Да, конечно, так оно и есть, и ужасные последствия — этот посетитель.

Вслед за сим мистер Уинкль направился в столовую с мрачной и страшною решимостью принять вызов воинственного доктора Слеммера и приготовился к наихудшему...

К этому решению мистера Уинкля вынуждали различные соображения, главным из коих была его репутация в клубе. Всегда он считался высшим авторитетом по всем вопросам спорта и физической тренировки, преследующей цели наступательные, оборонительные и просто безобидные; и если он уклонится от этого первого испытания — на глазах вождя, — авторитет его будет потерян навсегда. Кроме того, он не раз слышал от лиц, в эти дела посвященных, что благодаря уговору секундантов пистолеты редко заряжались пулями; и, наконец, он решил, что, если он обратится к мистеру Снодграссу с просьбой быть секундантом и в пламенных выражениях нарисует ему опасность положения, этот джентльмен, по всей вероятности, сообщит обо всем мистеру Пиквику, который тотчас же поставит в известность местные власти и спасет своего ученика от смерти или увечья.

С этими мыслями он вернулся в столовую и заявил о своем намерении принять вызов доктора.

— Угодно вам назвать одного из ваших друзей, с которыми я мог бы условиться о времени и месте встречи? — спросил офицер.

— Это совершенно излишне, — возразил мистер Уинкль, — назначьте время и место, и я явлюсь туда в сопровождении своего друга.

— Скажем... сегодня вечером, на закате? — предложил офицер небрежным тоном.

— Очень хорошо, — ответил мистер Уинкль, думая про себя, что это очень плохо.

— Вы знаете форт Питта?¹

— Да, видел вчера.

— Потрудитесь тогда выйти в поле, которое тянется вдоль рва, и свернуть по тропинке влево, пока не дойдете до угла форта, затем идите прямо, пока не увидите меня. Я провожу вас в уединенное место, где мы завершим все дело, не боясь никакой помехи.

«Не боясь помехи!» — пронеслось в голове мистера Уинкля.

— Кажется, все, — сказал офицер.

— Думаю, что так, — согласился мистер Уинкль.

— Честь имею кланяться.

— Честь имею кланяться.

И офицер, весело насвистывая, вышел.

Завтрак прошел не слишком оживленно. Мистер Тапмен после непривычной для него беспутной ночи был не в состоянии подняться с

¹ *Форт Питта* — одно из укреплений города Четема (на правом берегу впадающей в Темзу реки Медуэй), где находится и в настоящее время одна из главных военных баз Англии.

постели; мистер Снодграсс, казалось, пребывал в поэтическом унынии, и даже мистер Пиквик проявил необычную любовь к молчанию и содовой воде. Мистер Уинкль с нетерпением ждал удобного случая. Долго ждать не пришлось. Мистер Снодграсс предложил осмотреть замок, и так как, кроме мистера Уинкля, никто не изъявил желания, то они и отправились вдвоем.

— Снодграсс, — проговорил мистер Уинкль, когда они оставили за собой людную улицу, — милый Снодграсс, можете ли вы хранить тайну?

Говоря это, он крепко надеялся, что тот не может.

— Могу! — был ответ. — Я могу дать клятву...

— Нет, нет! — воскликнул Уинкль, пришедший в ужас при мысли, что его друг поклянется не выдавать его. — Не клянитесь, в этом нет необходимости.

Мистер Снодграсс опустил руку, в поэтическом порыве воздетую было к облакам, которые он хотел призвать в свидетели, и приготовился внимательно слушать.

— Дорогой друг, мне нужна ваша помощь в деле чести, — вымолвил мистер Уинкль.

— Рассчитывайте на меня!

И мистер Снодграсс стиснул руку друга.

— С доктором — с доктором Слеммером Девяносто седьмого полка, — продолжал мистер Уинкль, стараясь изо всех сил говорить торжественно, — дуэль с офицером, у которого секундант тоже офицер... Сегодня на закате, в пустынном месте, за фортом Питта.

— Я к вашим услугам, — был ответ мистера Снодграсса.

Он был удивлен, но несколько не огорчен. Поразительно, какое хладнокровие проявляют в таких случаях все, кроме дуэлянтов! Об этом мистер Уинкль позабыл. О чувствах приятеля он судил по своим.

— Последствия могут быть ужасны, — сказал мистер Уинкль.

— Надеюсь, что нет, — отозвался мистер Снодграсс.

— Доктор, по-видимому, хороший стрелок.

— Да, эти военные хорошо стреляют, — спокойно согласился мистер Снодграсс. — Но ведь и вы тоже, не так ли?

Мистер Уинкль ответил утвердительно. Установив, что мистер Снодграсс не слишком встревожен, он изменил тактику.

— Снодграсс, — продолжал он, и голос его задрожал, — если я паду мертвым, вы найдете в пакете, который я вам вручу, письмо к моему... моему отцу.

И этот путь не годился. Мистер Снодграсс был тронут, но взял на себя доставку письма с такой готовностью, словно был двухпенсовым письмоноосцем¹.

¹ *Двухпенсовый письмоносец* — почтальон, разносивший в лондонском Сити городские письма, доставка которых во времена Диккенса оплачивалась двумя пенсами.

— Если я паду мертвым, — продолжал мистер Уинкль, — или если доктор падет мертвым, вы, мой друг, окажетесь соучастником в этом деле. Могут ли вы обречь своего друга на ссылку... быть может, на вечную ссылку!

Мистер Снодграсс колебался только один момент, но героизм его выдержал испытание.

— Во имя дружбы я готов подвергнуть себя любым опасностям! — воскликнул он восторженно.

О, как мистер Уинкль мысленно проклинал его дружескую преданность, пока они молча шагали рядом, погружившись каждый в свои размышления! Время шло, и мистер Уинкль начал приходить в отчаяние.

— Снодграсс! — сказал он, вдруг остановившись. — Не вздумайте обмануть меня... Не сообщайте об этом властям... Не помышляйте обращаться к констеблям, чтобы они арестовали меня или доктора Слеммера Девяносто седьмого полка, квартирующего в настоящее время в Четемских казармах, и тем самым помешали дуэли. Заклинаю вас, не делайте этого!

Мистер Снодграсс с жаром схватил руку друга и с энтузиазмом воскликнул:

— Ни за что на свете!

Дрожь прошла по телу мистера Уинкля, когда он проникся убеждением, что у него нет надежды вызвать какие-либо опасения у своего друга и что он обречен стать живой мишенью.

После того как мистеру Снодграссу были объяснены все формальности и ящик с дуэльными пистолетами был взят напрокат у рочестерского оружейника совокупно с достаточным запасом пороха, пуль и пистонов, оба друга вернулись в гостиницу — мистер Уинкль, дабы поразмыслить о предстоящем поединке, а мистер Снодграсс — привести в порядок смертоносное оружие, чтобы можно было им воспользоваться.

Был унылый и душный вечер, когда они снова вышли из дому для свершения трудного дела. Не желая обращать на себя внимание прохожих, мистер Уинкль задрапировался в широкий плащ, а мистер Снодграсс под своим плащом скрыл орудия смертоубийства.

— Все захватили с собой? — взволнованно спросил мистер Уинкль.

— Все, — ответил мистер Снодграсс. — Боевых запасов вполне достаточно, на случай если первые выстрелы будут безрезультатны. В ящике четверть фунта пороха, а в кармане у меня две газеты для пыхей.

Такие дружеские заботы могли вызвать только признательность. Надо думать, что благодарность мистера Уинкля действительно была слишком глубока, чтобы найти себе подходящее выражение, ибо он ни слова не проронил и продолжал идти... не слишком спеша.

— Мы пришли как раз вовремя, — заметил мистер Снодграсс, когда они перелезли через забор первого поля, — солнце на закате.

Мистер Уинкль взглянул на опускавшийся солнечный диск и горестно подумал о том, что, быть может, и сам он скоро «закатится».

— А вот и офицер! — воскликнул он через несколько минут.

— Где? — спросил мистер Снодграсс.

— Вот... джентльмен в синем плаще.

Мистер Снодграсс посмотрел туда, куда указывал перстом его друг, и увидел фигуру в плаще. Офицер дал понять жестом, что их увидел. Друзья следовали по его стопам в нескольких шагах от него.

Вечер с каждой минутой становился более унылым, ветер печально свистел в пустынном поле, словно где-то далеко великан свистом звал собаку. Мрачная картина удручающе подействовала на мистера Уинкля. Когда они шли мимо рва, он вздрогнул — ров казался огромной могилой.

Внезапно офицер свернул с тропинки, перелез через частокол, пробрался сквозь живую изгородь и очутился в пустынном поле. Там ждали два джентльмена: один — маленький, толстый, с черными волосами, другой представительный мужчина в сюртуке, обшитом тесьмой, хладнокровно восседавший на складном стуле.

— Наш противник и врач, — предположил мистер Снодграсс. — Глотните бренди.

Мистер Уинкль жадно схватил протянутую плетеную фляжку и проглотил изрядную порцию укрепляющего напитка.

— Мой друг, сэр, мистер Снодграсс, — представил приятеля мистер Уинкль, когда офицер подошел к ним.

Друг доктора Слеммера отвесил поклон и вытащил ящик, весьма похожий на тот, который нес с собой мистер Снодграсс.

— Полагаю, что нам говорить не о чем, сэр, — холодно заметил он, открывая ящик, — предложение извиниться было вами решительно отклонено.

— Не о чем, сэр, — отвечал мистер Снодграсс, которому становилось как-то не по себе.

— Приступим! — сказал офицер.

— Конечно, — согласился мистер Снодграсс.

Отмерив дистанцию, с приготовлениями покончили.

— Эти пистолеты лучше ваших, — сказал секундонт противника, протягивая принесенное оружие. — Вы видели, как я их заряжал. Не возражаете?

— Что вы! — воскликнул мистер Снодграсс.

Это предложение вывело его из немаловажного затруднения, ибо сведения мистера Снодграсса о том, как заряжают пистолеты, были довольно туманны и неопределенны.

— Ну, теперь мы можем их расставить по местам, — продолжал офицер равнодушным тоном, словно дуэлянты были шахматными фигурами, а секунданты игроками.

— Конечно, конечно! — подхватил мистер Снодграсс. Он согласился бы на любое предложение, ибо ничего не смыслил в подобного рода делах.

Офицер направился к доктору Слеммеру, а мистер Снодграсс подошел к мистери Уинклю.

— Все готово! — сказал он, протягивая мистери Уинклю пистолет. — Дайте ваш плащ.

— Мой пакет у вас, дорогой друг? — прошептал бедный Уинкль.

— Да, все в порядке. Будьте хладнокровны и цельте ему в плечо.

Мистери Уинклю показалось, что этот совет ничем не отличается от тех, которые неизменно дают уличные зрители малышу, ввязавшемуся в драку: «Смелей, поколоти его!» — совет превосходный, если только знаешь, как им воспользоваться. Молча мистер Уинкль снял свой плащ — этот плащ всегда приходилось долго расстегивать — и взял пистолет. Секунданты отступили в сторону, то же самое сделал джентльмен, сидевший на складном стуле, и противники начали приближаться друг к другу.

Мистер Уинкль всегда отличался крайним человеколюбием. И можно предположить, что, достигнув роковой черты, он закрыл глаза именно потому, что не хотел сознательно искалечить существо себе подобное; то обстоятельство, что глаза его были закрыты, помешало ему заметить очень странное и непонятное поведение доктора Слеммера. Сей джентльмен выступил вперед, вытаращил глаза, отступил назад, протер глаза, снова вытаращил их и, наконец, крикнул:

— Стойте, стойте!

— Что это значит? — спросил доктор Слеммер, когда его приятель и мистер Снодграсс подбежали к нему. — Это не тот.

— Не тот? — сказал секундант доктора Слеммера.

— Не тот? — сказал мистер Снодграсс.

— Не тот? — сказал джентльмен со складным стулом под мышкой.

— Конечно, не тот, — ответил маленький доктор. — Это не то лицо, которое оскорбило меня вчера вечером.

— Странная вещь! — воскликнул офицер.

— Очень! — подтвердил джентльмен со стулом. — Вопрос только в том, не должны ли мы формально считать этого джентльмена, раз он начал поединок, тем самым субъектом, который оскорбил вчера вечером нашего друга, доктора Слеммера, независимо от того, действительно ли он является этим субъектом, или нет.

Высказав такую мысль с видом весьма загадочным и мудрым, джентльмен со стулом запустил в нос большую понюшку и окинул присутствующих глубокомысленным взглядом человека, авторитетного в подобных делах.

Мистер Уинкль сразу открыл глаза, а также наострил уши, лишь только услышал, что противник призывает к прекращению враждебных действий; уловив из последующих слов противника, что, несомненно, произошла ошибка, он моментально сообразил, сколь выгод-

но для его репутации скрыть истинные причины, побудившие его выйти на дуэль. Поэтому он храбро выступил вперед и заявил:

— Я — не то лицо, которое вы имеете в виду. Я это знаю.

— С таком случае это оскорбление для доктора Слеммера, — решил джентльмен со стулом, — достаточное основание немедленно продолжать дуэль.

— Успокойтесь, Пейн, — перебил секундант доктора. — Отчего же, сэр, вы не сказали мне об этом сегодня утром?

— Ну конечно... конечно! — с негодованием подхватил джентльмен со стулом.

— Прошу вас, Пейн, успокойтесь, — снова вмешался секундант. — Итак, сэр, могу я повторить свой вопрос?

— Потому, сэр, — ответил мистер Уинкль, успевший обдумать ответ, — потому, сэр, что вы мне сказали, будто тот невоспитанный и пьяный субъект был одет во фрак, который я не только имею честь носить, но и сам изобрел, предложив его для членов Пиквикского клуба в Лондоне. Я считаю своим долгом защищать честь мундира — вот почему я без всяких объяснений принял вызов.

— Уважаемый сэр, — сказал маленький доктор, подходя и протягивая руку, — я высоко ценю вашу храбрость. И позвольте мне сказать, сэр, что я восхищен вашим поведением и крайне сожалею, что напрасно потревожил вас, пригласив сюда.

— О, не стоит говорить об этом, сэр! — воскликнул мистер Уинкль.

— Я польщен знакомством с вами, сэр, — продолжал маленький доктор.

— Мне доставляет величайшее наслаждение познакомиться с вами, сэр, — отвечал мистер Уинкль.

Тут доктор и мистер Уинкль пожали друг другу руку, затем мистер Уинкль пожал руку лейтенанту Теплону (секунданту доктора), затем мистер Уинкль пожал руку джентльмену со стулом, и, наконец, мистер Уинкль пожал руку мистеру Снодграссу. Сей последний джентльмен был восхищен геройским поведением своего доблестного друга.

— Теперь, мне кажется, мы можем разойтись, — сказал лейтенант Теплон.

— Разумеется, — согласился доктор.

— Если мистер Уинкль, — вставил джентльмен со стулом, — не считает себя оскорбленным вызовом; в противном случае, я думаю, он имеет право на удовлетворение.

Мистер Уинкль самоотверженно заявил, что считает себя полностью удовлетворенным.

— А может быть, секундант мистера Уинкля почитает себя обиженным моими замечаниями, сделанными в начале нашей встречи, — в таком случае я буду счастлив дать ему немедленно удовлетворение, — заключил джентльмен со стулом.

Мистер Снодграсс поспешил признать, что крайне обязан джентльмену за столь любезное предложение, которое должен, однако, от-

клонить, ибо совершенно удовлетворен всем происшедшим. Секунданты заперли свои ящики, и вся компания, покидая место поединка, была более оживлена, чем в момент прибытия сюда.

— Вы предполагаете долго прожить здесь? — спросил доктор Слеммер мистера Уинкля, когда они дружески двинулись вместе в путь.

— Думаю, уедем послезавтра, — последовал ответ.

— Вы и ваш друг доставили бы мне большое удовольствие, если бы посетили меня, и мы провели бы приятный вечерок после этой досадной ошибки. Сегодня вечером вы свободны? — спросил маленький доктор.

— У нас здесь есть друзья, — ответил мистер Уинкль, — и мне бы не хотелось расставаться с ними на вечер. Может быть, вы со своим другом присоединитесь к нам в «Быке»?

— Охотно! — согласился тот. — Не будет ли слишком поздно, если часов в десять мы зайдем на полчаса?

— Что вы! Конечно нет! Я буду счастлив познакомить вас с моими друзьями, мистером Пиквиком и мистером Тапменом.

— Вы меня крайне обяжете, — сказал доктор, нимало не подозревая, кто такой мистер Тапмен.

— Значит, вы придете? — спросил мистер Снодграсс.

— Непременно!

Тем временем они вышли на большую дорогу, обменялись сердечными приветствиями, и компания разделилась. Доктор Слеммер с друзьями направился к казармам, а мистер Уинкль, в сопровождении своего друга, мистера Снодграсса, возвратился в гостиницу.

ГЛАВА III

Новое знакомство. Рассказ странствующего актера. Досадная помеха и неприятная встреча

У мистера Пиквика возникли некоторые опасения, вызванные необычным отсутствием двух его друзей, чье таинственное поведение в течение целого утра отнюдь не давало повода к уменьшению его тревоги. Тем с большей радостью встал он, чтобы поздороваться с ними, когда они вошли, и тем с большим интересом осведомился, что могло их задержать. В ответ на его вопросы мистер Снодграсс собрался дать исторический обзор событий, только что изложенных, как вдруг запнулся, заметив, что здесь присутствуют не только мистер Тапмен и вчерашний их товарищ по пассажирской карете, но еще какой-то незнакомец, не менее странного вида. Это был изможденный человек с желтоватым лицом и глубоко запавшими глазами, которые казались еще более странными, чем создала их природа, благодаря прямым черным волосам, ниспадавшим ему на лицо. Глаза у него отличались

почти неестественным блеском и пронзительной остротой, скулы торчали, а челюсти выдавались так, что наблюдатель мог бы предположить, будто каким-то сокращением мускулов он вдруг втянул щеки, если бы полуоткрытый рот и неподвижная физиономия не свидетельствовали о том, что такова была обычная его внешность. Шею он обмотал зеленым шарфом, длинные концы которого спускались ему на грудь и виднелись сквозь обтрепанные петли старого жилета. Верхней одеждой служил ему длинный черный сюртук, под которым были широкие темные панталоны и высокие сапоги, быстро приближавшиеся к стадии полного разрушения.

На этом странном субъекте остановился взгляд мистера Уинкля, и на него указал рукой мистер Пиквик, проговорив:

— Друг нашего друга. Сегодня утром мы узнали, что наш друг связан со здешним театром, хотя и не имеет желаний доводить это до всеобщего сведения, а этот джентльмен является представителем той же профессии. Когда вы вошли, он как раз собирался развлечь нас связанным с нею небольшим рассказом.

— Масса рассказов, — сказал вчерашний незнакомец в зеленом фраке, приближаясь к мистеру Уинклю и говоря тихо и конфиденциально. — Чудак — выполняет тяжелую работу — не актер — странный человек — всякие бедствия — «мрачный Джимми» — мы так его называем.

Мистер Уинкль и мистер Снодграсс вежливо приветствовали джентльмена, носившего изысканное прозвище «мрачный Джимми», и по примеру остальной компании заказали глот и уселись за стол.

— А теперь, сэр, — сказал мистер Пиквик, — не угодно ли вам будет приступить к обещанному повествованию?

Мрачный субъект вынул из кармана грязную, свернутую в трубку рукопись и, обращаясь к мистеру Снодграссу, который только что извлек свою записную книжку, произнес глухим голосом, вполне соответствовавшим его внешности:

— Вы — поэт?

— Я... я... до некоторой степени, — ответил мистер Снодграсс, слегка смущенный неожиданным вопросом.

— А! Для жизни поэзия — то же, что музыка и свет для сцены; у одной отнимите мишурные ее украшения, у другой — ее иллюзии, и останется ли хоть что-нибудь ценное в жизни и на сцене, ради чего стоило бы жить и волноваться?

— Совершенно верно, сэр! — отозвался мистер Снодграсс.

— Находиться перед рампой, — продолжал мрачный субъект, — то же, что присутствовать на приеме при дворе и восхищаться шелковыми платьями пестрой толпы; находиться за рампой — значит превратиться в тех, кто создает это великолепие, — заброшенных и никому не ведомых, — тех, кому предоставляется право по произволу судьбы утонуть или выплыть, умереть с голоду или жить.

— Верно! — произнес мистер Снодграсс, ибо ввалившиеся глаза мрачного субъекта устремлены были на него, и он почитал нужным что-нибудь сказать.

— Начинайте, Джимми, — сказал испанский путешественник, — как черноокая Сьюзен¹ — весь в Даунсе — нечего каркать — выскажитесь — смотрите веселей.

— Не приготовите ли вы себе еще стакан, сэр, прежде чем начать? — предложил мистер Пиквик.

Мрачный субъект последовал совету и, смешав в стакане бренди с водою, выпил не спеша половину, развернул рукопись и начал излагать, то читая, то рассказывая, нижеследующее происшествие, сообщение о котором мы находим в протоколах клуба под названием «Рассказ странствующего актера».

«Рассказ странствующего актера»

— Нет ничего чудесного в том, что я собираюсь рассказать, — начал мрачный субъект, — нет в этом и ничего из ряда вон выходящего. Нужда и болезнь — явления столь заурядные на многих этапах жизни, что заслуживают не больше внимания, чем принято уделять самым обыкновенным изменениям в человеческой природе. Эти заметки я набросал потому, что объектом их является человек, которого я хорошо знал в течение многих лет. Я следил, как он постепенно опускался, пока наконец не впал в крайнюю нищету, из которой уже не выкарабкался.

Человек, о котором я говорю, был маленький пантомимный актер и горький пьяница, как многие представители этой профессии. В лучшие дни, когда беспутная жизнь еще не лишила его сил и болезнь не изнурила, получал он хорошее жалованье и, будь он осторожен и благоразумен, пожалуй, продолжал бы его получать в течение еще нескольких лет — немногих, ибо люди эти или рано умирают, или, чрезмерно расходуя энергию, теряют преждевременно физические силы, от которых всецело зависит их существование. Однако порочная его склонность приобрела такую власть над ним, что оказалось невозможным давать ему те роли, в которых он действительно был полезен театру. Трактир имел для него притягательную силу, и с нею он не мог бороться. Запущенная болезнь и безысходная бедность должны были выпсть ему на долю неизбежно, как сама смерть, если бы он продолжал идти упорно этим путем; он и в самом деле упорствовал, и о последствиях можно догадаться. Он не мог получить ангажемент и нуждался в куске хлеба.

Каждый, кто хоть сколько-нибудь знаком с театральной жизнью, знает, какая орава оборванных бедняков толчется за кулисами любого

¹ Черноокая Сьюзен — героиня баллады Джона Гея, автора известной «Оперы нищего».

большого театра, это не актеры, получившие ангажемент, — это кордебалет, статисты, акробаты — словом, те, которых принимают для выступления в пантомимах или в пасхальном спектакле, а затем увольняют, пока снова не понадобятся их услуги для какой-нибудь постановки, требующей много участников. Таковую же жизнь вынужден был вести этот человек; подвизаясь каждый вечер в каком-нибудь маленьком театре, он зарабатывал несколько лишних шиллингов в неделю и имел возможность удовлетворять старую наклонность. Но и этот источник вскоре для него иссяк. Безалаберность его была слишком велика, он лишился даже такого ничтожного заработка, дошел до того, что ему буквально грозила голодная смерть, и лишь изредка выпрашивал какую-нибудь мелочь взаймы у старых товарищей или добивался выступления в уличных театриках; и когда случалось ему что-нибудь заработать, деньги он тратил по-старому.

Больше года никто не знал, как ухитряется он сводить концы с концами. Приблизительно в это время я был приглашен для нескольких выступлений в одном из театров на Сарийской стороне¹ Темзы, и здесь я увидел этого человека, которого потерял было из виду, так как я разъезжал по провинции, а он прозябал где-то в закоулках Лондона. Я уже оделся, чтобы идти домой, и шел по сцене, направляясь к выходу, когда он хлопнул меня по плечу. Никогда не забуду того отталкивающего зрелища, какое представилось моим глазам, когда я оглянулся. Он был одет для выступления в пантомиме в нелепейший костюм клоуна. Призрачные фигуры в «Пляске смерти», чудовищные образы, запечатленные на холсте искуснейшим художником, не были столь жуткими. Раздувшееся его тело и сухопарые ноги — уродство их увеличивалось во сто раз от фантастического костюма, — мутные глаза, резко выделявшиеся на фоне белил, которые густым слоем покрывали его лицо, трясущаяся голова в причудливом уборе и длинные костлявые руки, натертые мелом, — все это придавало ему отвратительный и неестественный вид, о котором никакой описание не даст полного представления и который я и по сей день вспоминаю с содроганием. Голос его звучал глухо и дрожал, когда он отвел меня в сторону и отрывисто сообщил длинный перечень болезней и лишений, закончив, по обыкновению, настойчивой просьбой ссудить ничтожную сумму. Я сунул ему в руку несколько шиллингов и, уходя, слышал взрыв смеха, которым встречен был первый его трюк на сцене.

Спустя несколько дней какой-то мальчик вручил мне грязный обрывок бумаги, где было нацарапано несколько слов карандашом; меня уведомили, что человек этот опасно заболел и просит, чтобы я зашел к нему на квартиру на такой-то улице — не припомню сейчас ее названия, — находящейся неподалеку от театра. Я обещал исполнить

¹ *Сарийская сторона* — лондонский приречный район, к югу от Темзы, называемый также Саутуорк.

просьбу, как только освобожусь, и, когда опустился занавес, отправился в свое печальное путешествие.

Было поздно, так как я играл в последней пьесе; а по случаю бенефиса представление тянулось дольше, чем обычно. Была темная холодная ночь с пронизывающим, сырым ветром, под напором которого дождь тяжело стучал в окна и стены домов. В узких и безлюдных улицах стояли лужи, а так как от резкого ветра потухло большинство многочисленных фонарей, то прогулка эта была не только неприятной, но и весьма рискованной. Однако мне посчастливилось не сбиться с дороги и без особых затруднений отыскать дом, который был указан в записке, — угольный сарай, над которым был надстроен один этаж, где в задней комнате лежал тот, кого я разыскивал.

На лестнице меня встретила жалкая женщина, жена этого человека, и, сообщив, что он только что впал в забытие, ввела меня тихонько в комнату и поставила для меня стул у кровати. Больной лежал, повернувшись лицом к стене, и, так как на мой приход он не обращал ни малейшего внимания, у меня было время осмотреть место, куда я попал.

Он лежал на старой откидной кровати. У изголовья висела рваная клетчатая занавеска, служившая защитой от ветра, который проникал в эту убогую комнату сквозь многочисленные щели в двери, и занавеска все время развевалась. На заржавленной поломанной решетке камина тлели угли; перед ним был выдвинут старый, покрытый пятнами треугольный стол, на котором стояли склянки с микстурой, треснутый стакан, какие-то мелкие домашние вещи. На полу, на импровизированной постели, спал ребенок, а возле него на стуле сидела женщина. На полке были расставлены тарелки и чашки с блюдцами; под нею висели балетные туфли и пара рапир. Больше ничего не было в комнате, кроме каких-то лохмотьев и узлов, валявшихся по углам.

Я успел рассмотреть все эти мелкие детали и заметить тяжелое дыхание и лихорадочную дрожь больного, прежде чем он обратил внимание на мое присутствие. В беспоконных попытках улечься поудобнее он свесил руку с кровати, и она коснулась моей руки. Он вздрогнул и тревожно заглянул мне в лицо.

— Джон, это мистер Хатли, — сказала его жена. — Мистер Хатли, за которым ты посылаешь сегодня, помнишь?

— А... — протянул больной, проводя рукою по лбу. — Хатли... Хатли... Дайте вспомнить. — В течение нескольких секунд он, казалось, старался собраться с мыслями, потом крепко схватил меня за руку и сказал: — Не бросайте меня, старина, не бросайте. Она меня убьет, я знаю, что убьет.

— Давно он в таком состоянии? — спросил я у его плачущей жены.

— Со вчерашнего вечера, — ответила она. — Джон, Джон, неужели ты меня не узнаешь?

— Не подпускайте ее ко мне! — содрогнувшись, сказал больной, когда она склонилась к нему. — Уведите ее, я не могу ее видеть. —



Он лежал на старой откидной кровати. У изголовья висела рваная клетчатая занавеска, служившая защитой от ветра.

В смертельном испуге он не спускал с нее дикого взгляда, потом стал шептать мне на ухо: — Я колотил ее, Джем... вчера ее побил, да и раньше бил не раз. Я морил голодом и ее и мальчика, а теперь, когда я слаб и беспомощен, она меня убьет за это, Джем... знаю, что убьет. Вы бы убедились в этом, если бы видели, как она плакала. Не подпускайте ее ко мне!

Он разжал руку и в изнеможении откинулся на подушку.

Я слишком хорошо понимал, что это значит. Если бы хоть на секунду возникли у меня какие-нибудь сомнения, один взгляд, брошенный на бледную и изможденную женщину, объяснил бы мне истинное положение вещей.

— Отойдите лучше, — сказал я этой несчастной. — Ему вы помочь не можете. Пожалуй, он успокоится, если не будет вас видеть.

Она отошла. Через несколько секунд он открыл глаза и тревожно осмотрелся по сторонам.

— Она ушла? — взволнованно осведомился он.

— Да, да, — ответил я. — Она вас не обидит.

— А я вам говорю, Джем, что она обижает меня, — тихо сказал он. — Глаза у нее такие, что меня охватывает смертельный страх, я чуть с ума не схожу. Всю прошлую ночь ее большие, широко раскрытые глаза и бледное лицо преследовали меня, я отворачивался, они были передо мною, и каждый раз, когда я просыпался, она сидела у кровати и смотрела на меня. — Он притянул меня к себе и прошептал глухо и тревожно: — Джем, должно быть, это злой дух... дьявол. Тише! Я это знаю. Будь она женщиной, она бы давным-давно умерла. Ни одна женщина не вынесла бы того, что вынесла она.

С болью в сердце подумал я о том, как жесток и черств был этот человек в течение многих лет, если могла им овладеть такая мысль. Мне нечего было ему ответить, да и кто мог бы принести надежду или утешение жалкому существу, находившемуся передо мной?

Я просидел у него больше двух часов, а он все время метался, тихонько вскрикивая от боли или волнения, тревожно размахивая руками и ворочаясь с боку на бок. Наконец, он погрузился в то полубессознательное состояние, когда память в смятении переходит от картины к картине и с места на место, ускользя от контроля разума, но не освободившись от неопишуемого ощущения испытываемых страданий. Убедившись в этом на основании бессвязного бреда и зная, что в ближайшее время лихорадка вряд ли усилится, я расстался с ним, обещав несчастной его жене вернуться завтра к вечеру и, в случае необходимости, провести всю ночь с больным.

Я сдержал слово. За последние сутки произошла потрясающая перемена. Глаза, хотя и глубоко запавшие, с тяжелыми веками, сверкали, и жутко было видеть этот блеск. Губы запеклись и потрескались; от жара высохла и стала шершавой кожа, и дикий, нечеловеческий страх отражался на его лице, еще резче подчеркивая гибельное действие недуга. Жар был у него очень сильный.

Я занял то же место, что и накануне, и просидел несколько часов, прислушиваясь к звукам, которые могли потрясти сердце самого бесчувственного человека, к ужасному бреду умирающего. Я слышал мнение врача и понимал, что надежды нет никакой: я сидел у смертного одра. Я видел, как в мучительном жару извивалось это исхудавшее тело, которое несколько часов назад корчило на потеху буйной галерки, я слышал пронзительный смех клоуна, переходивший в тихий шепот умирающего.

Тяжело и трогательно следить за тем, как память обращается к повседневным занятиям и обязанностям здорового человека, когда перед вами лежит его слабое и беспомощное тело; но, если характер этих занятий резко противоречит всему, что мы связываем с представлением о могиле или с возвышенными идеями о смерти, впечатление создается бесконечно более сильное. Театр и трактир — вот о чем бредил

несчастный. Чудилось ему — был вечер, он должен играть в вечернем спектакле, поздно, он торопится выйти из дому. Зачем его удерживают, не дают уйти?.. Он лишится заработка... Ему нужно идти. Нет! Его не пускают. Он закрыл лицо горячими руками и тихо сетовал на собственную свою слабость и жестокость преследователей. Короткая пауза, и он выкрикнул какие-то вирши — последние им заученные. Он приподнялся на кровати, вытянул тощие ноги, вертелся, принимая нелепые позы; он играл роль — он был на сцене. Минутное молчание — и он тихо затянул припев разухабистой песни. Наконец-то добрался он до старого пристанища: как жарко в зале! Он был болен, очень болен, ну а сейчас он здоров и счастлив. Наполните ему стакан. Кто выбил у него стакан из рук? Опять тот же, кто и раньше его преследовал. Он упал на подушку и громко застонал. Краткий период забытья, а затем начались его скитания по нескончаемому лабиринту низких сводчатых комнат таких низких, что иногда приходилось пробираться на четвереньках; было душно и темно, и куда бы он ни сворачивал — всюду натыкался на препятствия. Вот какие-то насекомые, мерзкие извивающиеся твари, тарашат на него глаза и кишат в воздухе, жутко поблескивая в глубоком мраке. Стены и потолок словно движутся — так много на них пресмыкающихся... склеп раздвигается до необъятных размеров... мелькают страшные тени, а среди них люди, которых он когда-то знал, но лица их отвратительно искажены усмешками и гримасами; они прижигают его раскаленным железом, стягивают ему голову веревками, пока не хлынула кровь; он отчаянно боролся за жизнь.

После одного из таких пароксизмов, когда я с великим трудом удерживал его в постели, он погрузился, по-видимому, в дремоту. Устав от бессонницы и напряжения, я на несколько минут закрыл глаза, как вдруг почувствовал, что кто-то вцепился мне в плечо. Я мгновенно проснулся. Он приподнялся, стараясь сесть в постели, — лицо его страшно изменилось, но сознание вернулось к нему, так как он, очевидно, узнал меня. Ребенок, которого давно уже разбудил его бред, вскочил с постели и, закричав от испуга, бросился к отцу; мать поспешила схватить его на руки, чтобы отец в припадке безумия не ушиб его, но в ужасе от происшедшей с больным перемены остановилась, остолбенев, у кровати. Он судорожно сжал мне плечо и, ударя себя другою рукою в грудь, сделал отчаянную попытку заговорить. Попытка не удалась; он простер к ним руки и снова попробовал заговорить. Из горла вырвались хрипы... глаза расширились... короткий приглушенный стон... и он упал навзничь мертвый!»

С величайшим удовольствием сообщили бы мы мнение мистера Пиквика о вышеизложенной истории. Мы нимало не сомневаемся в том, что нам представилась бы возможность познакомить с ним наших читателей, если бы не одно злополучное обстоятельство.

Мистер Пиквик поставил на стол стакан, который он к концу повествования держал в руке, и только что собрался заговорить, — ссы-

лаясь на записную книжку мистера Снодграсса, мы смеем утверждать, что он уже рот открыл, — как вдруг в комнату вошел лакей и доложил:

— Какие-то джентльмены, сэр.

Можно думать, что мистер Пиквик в тот момент, когда его прервали, готовился высказать замечания, которые если и не зажгли бы Темзы, то во всяком случае озарили бы мир, ибо он сурово воззрился на физиономию лакея, а затем окинул взглядом всю компанию, словно требовал сведений о вновь прибывших.

— О! — воскликнул мистер Уинкль, вставая. — Это мои приятели. Просите их! Очень симпатичные люди, — добавил мистер Уинкль, когда лакей удалился. Офицеры Девяносто седьмого полка, сегодня утром я с ними познакомился при довольно странных обстоятельствах. Вам они очень понравятся.

Мистер Пиквик немедленно обрел утраченное спокойствие.

Лакей вернулся и ввел в комнату трех джентльменов.

— Лейтенант Теплтон, — сказал мистер Уинкль. — Лейтенант Теплтон — мистер Пиквик; доктор Пейн — мистер Пиквик; мистер Снодграсс — с ним вы уже знакомы; мой друг мистер Тапмен — доктор Пейн; доктор Слеммер — мистер Пиквик; мистер Тапмен — доктор Сле...

Тут мистер Уинкль запнулся, ибо на физиономиях как мистера Тапмена, так и доктора отразилось сильное волнение.

— Этого джентльмена я уже встречал, — с удивлением сказал доктор.

— Вот как! — воскликнул мистер Уинкль.

— И... и этого человека тоже, если не ошибаюсь, добавил доктор, устремив испытующий взгляд на незнакомца в зеленом фраке. — Вчера вечером я сделал этому субъекту одно весьма настоятельное предложение, которое он счел уместным отклонить.

С этими словами доктор грозно посмотрел на незнакомца и шепнул что-то своему другу, лейтенанту Теплтону.

— Не может быть! — воскликнул этот джентльмен, когда замер шепот.

— Я утверждаю! — возразил доктор Слеммер.

— Вы обязаны рассчитаться с ним сейчас же! — внушительно пробормотал владелец складного стула.

— Не волнуйтесь, Пейн, — вмешался лейтенант. — Разрешите вас спросить, сэр, — обратился он к мистери Пиквику, который был весьма озадачен этой неучливой интермедией, — разрешите вас спросить, принадлежит ли этот человек к вашей компании?

— Нет, сэр, — ответил мистер Пиквик. — Он — наш гость.

— Если не ошибаюсь, он состоит членом вашего клуба? — осведомился лейтенант.

— Никоим образом, — сказал мистер Пиквик.

— И он не носит значка вашего клуба? — продолжал лейтенант.

— Нет! — отвечал изумленный мистер Пиквик.

Лейтенант Теплтон круто повернулся к своему другу доктору Слеммеру, слегка пожав плечами, словно не совсем доверял его памяти. У маленького доктора вид был гневный, но озадаченный, а мистер

Пейн злобно взирал на лучезарную физиономию ничего не подозревавшего мистера Пиквика.

— Сэр! — сказал доктор, внезапно обратившись к мистеру Тапмену, таким тоном, что этот джентльмен вздрогнул, как будто ему в икру коварно воткнули булавку. — Вчера вечером вы были здесь на балу?

Мистер Тапмен слабо прошептал «да», не спуская в то же время глаз с мистера Пиквика.

— Этот человек вас сопровождал? — продолжал доктор, указывая на незнакомца, оставшегося невозмутимым.

Мистер Тапмен подтвердил этот факт.

— Итак, сэр, — сказал доктор незнакомцу, — я вас спрашиваю еще раз, в присутствии этих джентльменов, угодно ли вам вручить мне вашу визитную карточку и дать мне возможность обращаться с вами, как с джентльменом, или вы вынудите меня расправиться с вами самолично и незамедлительно?

— Позвольте, сэр! — сказал мистер Пиквик. — Не получив некоторых объяснений, я не могу допустить дальнейшего развития этой истории. Тапмен, расскажите, в чем дело.

После такого торжественного призыва к нему лично мистер Тапмен вкратце изложил суть дела; слегка коснулся вопроса о позаимствованном фраке; распространился на тему о том, что все произошло «после обеда»; в заключение добавил несколько покаянных слов и предоставил незнакомцу оправдываться по мере собственных сил и умения.

Тот, казалось, готов был приступить к делу, как вдруг лейтенант Теплтон, посматривавший на него с большим любопытством, спросил, не скрывая презрения:

— Не видал ли я вас в театре, сэр?

— Несомненно, — ответил незнакомец, нимало не смутясь.

— Это странствующий актер! — презрительно сказал лейтенант, обращаясь к доктору Слеммеру. — Он играет в пьесе, которая идет завтра вечером в Рочестерском театре для офицеров Пятьдесят второго полка. Вы не можете требовать от него удовлетворения, Слеммер... это невозможно!

— Никак! — с достоинством заметил Пейн.

— Сожалею, что поставил вас в такое неприятное положение, — обратился лейтенант Теплтон к мистеру Пиквику. — Разрешите вам сказать, что во избежание повторения подобных сцен следует быть более осмотрительным в выборе друзей. Прощайте, сэр! — И лейтенант быстро вышел из комнаты.

— А мне разрешите сказать, сэр, — произнес вспльчивый доктор Пейн, — что, будь я Теплтоном или будь я Слеммером, я дернул бы за нос вас, сэр, и всех ваших друзей. Да, сэр, всех. Меня зовут Пейн, сэр, доктор Пейн Сорок третьего полка. Прощайте, сэр.

Закончив свою речь и произнеся последние два слова на высокой ноте, он величественно прошествовал вслед за своим другом; за ним

по пятам шел доктор Слеммер, который не сказал ничего и удовольствовался лишь тем, что испепелил компанию одним взглядом.

В продолжение вышеизложенных вызывающих речей крайнее недоумение и ярость распирали благородную грудь мистера Пиквика, грозя разорвать его жилет. Он стоял окаменевший и смотрел в пространство. Стук захлопнувшейся двери заставил его опомниться. Ярость была написана на его лице, и глаза пылали, когда он ринулся вперед. Уже рука его коснулась дверной ручки; еще секунда — и она впилась бы в горло доктора Пейна 43-го полка, если бы мистер Снодграсс не ухватил своего высокочтимого наставника за фалды фрака и не оттащил от двери.

— Держите его! — кричал мистер Снодграсс. — Уинкль, Тапмен! Он не смеет из-за этого подвергать опасности свою драгоценную жизнь.

— Пустите меня! — сказал мистер Пиквик.

— Держите его крепко! — кричал мистер Снодграсс, и соединенными усилиями всей компании мистер Пиквик был водружен в кресло.

— Оставьте его в покое, — сказал незнакомец в зеленом фраке. — Грогу — забавный старый джентльмен — какой вздор — проглотите-ка этого — ах! — отличное лекарство.

Проверив предварительно доброкачественность смеси, приготовленной мрачным субъектом, незнакомец поднес стакан к губам мистера Пиквика, и остаток содержимого быстро исчез.

Наступила короткая пауза; грог сделал свое дело; добродушная физиономия мистера Пиквика быстро обрела свойственное ей выражение.

— Они недостойны вашего внимания, — сказал мрачный гость.

— Вы правы, сэр, — ответил мистер Пиквик. — Я стыжусь, что так погорячился. Придвигайтесь к столу, сэр.

Мрачный субъект с готовностью повиновался; круг снова сомкнулся за столом, и гармония восстановилась. Какая-то затаенная досада, пожалуй, нашла себе пристанище в груди мистера Уинкля, вызванная, быть может, временным захватом его фрака, хотя вряд ли разумно будет предположить, что такое пустячное обстоятельство могло возбудить хотя бы и мимолетное раздражение в груди пиквикиста. Во всех же остальных отношениях благодушие было вновь обретоено полностью, и вечер закончился так же весело, как начался.

ГЛАВА IV

Полевые маневры и бивуак; еще новые друзья и приглашение поехать за город

Многие писатели проявляют не только неразумное, но и поистине постыдное нежелание отдавать должное тем источникам, из которых они черпают ценный материал. Нам такое нежелание чуждо. Мы

лишь стремимся честно исполнить ответственную обязанность, вытекающую из наших издательских функций; и сколь бы при других обстоятельствах честолюбие ни побуждало нас притязать на авторство по отношению к этим приключениям, уважение к истине воспрещает нам претендовать на что-либо большее, чем заботливое приведение их в порядок и беспристрастное изложение. Пиквикские документы являются нашим Нью-Риверским водоемом¹, а нас можно было бы сравнить с Нью-Риверской компанией. Трудом других создан для нас огромный резервуар существеннейших фактов. Мы же только подаем их и пускаем чистой и легкой струей при помощи этих выпусков² — на благо людей, жаждущих пиквикской мудрости.

Действуя в таком духе и твердо опираясь на принятое нами решение воздать должное тем источникам, к коим мы обращались, заявляем открыто, что записной книжке мистера Снодграсса обязаны мы фактами, занесенными в эту и последующую главы, — фактами, к изложению которых, очистив ныне свою совесть, мы приступаем без дальнейших комментариев.

На следующее утро жители Рочестера и примыкающих к нему городов рано поднялись с постели в состоянии крайнего волнения и возбуждения. На линии укреплений должен был состояться большой военный смотр. Орлиное око командующего войсками будет наблюдать маневры полудюжины полков; были возведены временные фортификации, будет осаждена и взята крепость и взорвана мина.

Мистер Пиквик был восторженным поклонником армии, о чем, быть может, догадались наши читатели, основываясь на тех кратких выдержках, какие даны нами из его описания Четема. Ничто не могло привести его в такое восхищение, ничто не могло так гармонировать с чувствами каждого из его спутников, как предстоящее зрелище. Вот почему они вскоре тронулись в путь и направились к месту действия, куда уже со всех сторон стекались толпы народа.

Вид плаца свидетельствовал о том, что предстоящая церемония будет весьма величественной и торжественной. Были расставлены часовые, охранявшие плацдарм, и слуги на батареях, охранявшие места для леди, и бегали по всем направлениям с книгами в кожаных переплетах под мышкой, и полковник Балдер в полной парадной форме верхом галопировал с места на место, и осаживал свою лошадь, врзавшись в толпу, и заставлял ее гарцевать и прыгать, и кричал весьма грозно, и довел себя до того, что сильно охрип и сильно раскраснелся без всякой видимой причины или повода. Офицеры бегали взад и вперед, сначала переговаривались с полковником Балдером, затем отдавали распоряжения сержантам и, наконец, исчезли; и даже солдаты выглядывали из-за своих лакированных кожаных воротников с ви-

¹ *Нью-Риверский водоем* — резервуар для снабжения водой северного Лондона.

² Первоначально роман выходил ежемесячно отдельными выпусками.

дом загадочно-торжественным, который ясно указывал на исключительный характер события.

Мистер Пиквик со своими тремя спутниками поместился в первом ряду толпы и терпеливо ждал начала церемонии. Толпа росла с каждой секундой; и в течение следующих двух часов внимание их было поглощено теми усилиями, какие приходилось им делать, чтобы удерживать завоеванную позицию. Иногда толпа вдруг напирала сзади, и тогда мистера Пиквика выбрасывало на несколько ярдов вперед с быстротой и эластичностью, отнюдь не соответствовавшими его степенной важности; иногда раздавался приказ «податься назад», и приклад ружья либо опускался на большой палец на ноге мистера Пиквика, напоминая об отданном распоряжении, либо упирался ему в грудь, обеспечивая этим немедленное выполнение приказа. Какие-то веселые джентльмены слева, напирая гуртом и придавив мистера Снодграсса, претерпевавшего нечеловеческие муки, желали узнать, «куда он прет», а когда мистер Уинкль выразил крайнее свое негодование при виде этого ничем не вызванного натиска, кто-то из стоявших сзади нахлобучил ему шляпу на глаза и спросил, не соблаговолит ли он спрятать голову в карман. Все эти остроумные шуточки, а также непонятное отсутствие мистера Тапмена (который внезапно исчез и обрелся неведомо где) создали для пиквикистов ситуацию в целом скорее незавидную, чем приятную или желательную.

Наконец, по толпе пробежал тот многоголосый гул, который обычно возвещает наступление ожидаемого события. Все взоры обратились к форту — к воротам для вылазки. Несколько секунд напряженного ожидания — и в воздухе весело затрепетали знамена, ярко засверкало оружие на солнце: колонна за колонной вышли на равнину. Войска остановились и выстроились; команда пробежала по шеренге, звякнули ружья, и войска взяли на караул; командующий в сопровождении полковника Балдера и свиты офицеров легким галопом поскакал к фронту. Заиграли все военные оркестры; лошади встали на дыбы, галопом поскакали назад и, размахивая хвостами, понеслись по всем направлениям; собаки лаяли, толпа вопила, солдаты взяли ружья к ноге, и на всем пространстве, какое мог охватить глаз, ничего не видно было, кроме красных мундиров и белых штанов, застывших в неподвижности.

Мистер Пиквик, путаясь в ногах лошадей и чудесным образом выбираясь из-под них, был столь этим поглощен, что не располагал досугом созерцать разыгрывающуюся сцену, пока она не достигла стадии, только что нами описанной. Когда, наконец, он получил возможность утвердиться на ногах, радость его и восторг были беспредельны.

— Может ли быть что-нибудь восхитительнее? — спросил он мистера Уинкля.

— Нет, не может, — ответил этот джентльмен, только что освободившийся от низкорослого субъекта, который уже с четверть часа стоял у него на ногах.

— Это поистине благородное и ослепительное зрелище, — сказал мистер Снодграсс, в чьей груди быстро разгоралась искра поэзии: — Доблестные защитники страны выстроились в боевом порядке перед мирными ее гражданами; их лица выражают не воинственную жестокость, но цивилизованную кротость, в их глазах вспыхивает не злобный огонь грабежа и мести, но мягкий свет гуманности и разума!

Мистер Пиквик вполне оценил дух этой похвальной речи, но не мог до конца с нею согласиться, ибо мягкий свет разума горел слабо в глазах воинов, так как после команды «смирно!» зритель видел только несколько тысяч пар глаз, уставившихся прямо перед собой и лишенных какого бы то ни было выражения.

— Теперь мы занимаем превосходную позицию, — сказал мистер Пиквик, осматриваясь по сторонам.

Толпа вокруг них постепенно рассеялась, и поблизости не было почти никого.

— Превосходную! — подтвердили и мистер Снодграсс и мистер Уинкль.

— Что они сейчас делают? — осведомился Пиквик, поправляя очки.

— Я... я склонен думать, — сказал мистер Уинкль, меняясь в лице, — я склонен думать, что они собираются стрелять.

— Вздор! — поспешно проговорил мистер Пиквик.

— Я... я, право же, думаю, что они хотят стрелять, — настаивал мистер Снодграсс, слегка встревоженный.

— Не может быть, — возразил мистер Пиквик.

Едва произнес он эти слова, как все шесть полков прицелились из ружей, словно у всех была одна общая мишень — и этой мишенью были пиквикисты, — и раздался залп, самый устрашающий и оглушительный, какой когда-либо потрясал землю до самого ее центра или пожилого джентльмена до глубины его существа.

При таких затруднительных обстоятельствах мистер Пиквик — под градом холостых залпов и под угрозой атаки войск, которые начали строиться с противоположной стороны, — проявил полное хладнокровие и самообладание, каковые являются неотъемлемыми принадлежностями великого духа. Он схватил под руку мистера Уинкля и, поместившись между этим джентльменом и мистером Снодграссом, настойчиво умолял их вспомнить о том, что стрельба не грозит им непосредственной опасностью, если исключить возможность оглохнуть от шума.

— А... а что, если кто-нибудь из солдат по ошибке зарядил ружье пулей? — возразил мистер Уинкль, бледнел при мысли о такой возможности, им же самим измышленной. — Я только что слышал — что-то просвистело к воздуху, и очень громко: под самым моим ухом.

— Не броситься ли нам ничком на землю? — предложил мистер Снодграсс.

— Нет, нет... все уже кончено, — сказал мистер Пиквик.

Быть может, губы его дрожали и щеки побледнели, но ни одно слово, свидетельствующее об испуге или волнении, не сорвалось с уст этого великого человека.

Мистер Пиквик был прав: стрельба прекратилась. Но едва он успел поздравить себя с тем, что догадка его правильна, как вся линия пришла в движение: хрипло пронеслась команда, и, раньше чем кто-нибудь из пиквикистов угадал смысл этого нового маневра, все шесть полков с примкнутыми штыками перешли в наступление, стремительно бросившись к тому самому месту, где расположился мистер Пиквик со своими друзьями.

Человек смертен, и есть предел, за который не может простираться человеческая храбрость. Мистер Пиквик глянул сквозь очки на приближающуюся лавину, а затем решительно повернулся к ней спиной, — не скажем — побежал: во-первых, это выражение пошло; во-вторых, фигура мистера Пиквика была отнюдь не приспособлена к такому виду отступления. Он пустился рысцой, развив такую скорость, на какую только способны были его ноги, такую скорость, что затруднительность своего положения мог оценить в полной мере, когда было уже слишком поздно.

Неприятельские войска, чье появление смутило мистера Пиквика несколько секунд назад, выстроились, чтобы отразить инсценированную атаку войск, осаждающих крепость; и в результате мистер Пиквик со своими приятелями внезапно очутился между двумя длиннейшими шеренгами, из коих одна быстрым шагом приближалась, а другая в боевом порядке ждала столкновения.

- Эй! — кричали офицеры надвигающейся шеренги.
- Прочь с дороги! — орали офицеры неподвижной шеренги.
- Куда нам идти? — вопили вполосившиеся пиквикисты.
- Эй-эй-эй! — было единственным ответом.

Секунда сматения, тяжелый топот ног, сильное сотрясение, заглушенный смех... С полдюжины полков уже удалились на полтысячи ярдов, а подошвы мистера Пиквика продолжали мелькать в воздухе.

Мистер Снодграсс и мистер Уинкль совершили вынужденные курбеты с замечательным проворством, и первое, что увидел этот последний, сидя на земле и вытирая желтым шелковым носовым платком животворную струю, лившуюся из носа, был его высокочтимый наставник, преследовавший свою собственную шляпу, которая, шаловливо подпрыгивая, уносилась вдаль.

Погоня за собственной шляпой является одним из тех редких испытаний, смешных и печальных одновременно, — которые вызывают мало сочувствия. Значительное хладнокровие и немалая доза благоразумия требуются при поимке шляпы. Не следует спешить — иначе вы перегоните ее; не следует впадать в другую крайность — иначе окончательно ее потеряете. Наилучший способ — бежать полегоньку, не от-



Ветер пыхтел, и мистер Пиквик пыхтел, а шляпа резво катилась и катилась.

ставая от объекта преследования, быть осмотрительным и осторожным, ждать удобного случая, постепенно обгоняя шляпу, затем быстро нырнуть, схватить ее за тулью, нахлобучить на голову и все время благодушно улыбаться, как будто вас это забавляет не меньше, чем всех остальных.

Дул приятный ветерок, и шляпа мистера Пиквика весело катилась вдаль. Ветер пыхтел, и мистер Пиквик пыхтел, а шляпа резво катилась и катилась, словно проворный дельфин на волнах прибоя, и она укатилась бы далеко от мистера Пиквика, если бы по воле Провидения не появилось на ее пути препятствие как раз в тот момент, когда этот джентльмен готов был бросить ее на произвол судьбы.

Мистер Пиквик был в полном изнеможении и хотел уже отказаться от погони, когда порыв ветра отнес шляпу к колесу одного из экипажей, стоявших на том самом месте, к которому он устремлялся. Мистер Пиквик, оценив благоприятный момент, быстро рванулся вперед, завладел своей собственностью, водрузил ее на голову и остановился, чтобы перевести дух. Не прошло и полминуты, как он услышал голос, нетерпеливо окликавший его по имени, и тотчас же узнал голос мистера Тапмена, а подняв голову, увидел зрелище, преисполнившее его удивлением и радостью.

В четырехместной коляске, из которой по случаю тесноты были выпряжены лошади, стоял дородный пожилой джентльмен в синем сюртуке с блестящими пуговицами, в плисовых штанах и в высоких сапогах с отворотами, затем две юных леди в шарфах и перьях, молодой джентльмен, по-видимому влюбленный в одну из юных леди в шарфах и перьях, леди неопределенного возраста, по всей видимости тетка упомянутых леди, и мистер Тапмен, державшийся столь непринужденно и развязно, словно с первых дней младенчества был членом этой семьи. К задку экипажа была привязана внушительных размеров корзина — одна из тех корзин, которые всегда пробуждают в созерцательном уме мысли о холодной птице, языке и бутылках вина, а на козлах сидел жирный краснолицый парень, погруженный в дремоту. Каждый мыслящий наблюдатель с первого взгляда мог определить, что его обязанностью является распределение содержимого упомянутой корзины, когда настанет для его потребления подходящий момент.

Мистер Пиквик торопливо окидывал взглядом эти интересные детали, когда его снова окликнул верный ученик.

— Пиквик! Пиквик! — восклицал мистер Тапмен. Залезайте сюда! Поскорей!

— Пожалуйте, сэр, милости просим, — сказал дородный джентльмен. — Джо! Несносный мальчишка... Он опять заснул... Джо, опусти подножку.

Жирный парень не спеша скатился с козел, опустил подножку и держал дверцу экипажа приветливо открытой. В этот момент подошли мистер Снодграсс и мистер Уинкль.

— Всем хватит места, джентльмены, — сказал дородный джентльмен. — Двое в экипаже, один на козлах. Джо, освободи место на козлах для одного из этих джентльменов. Ну, сэр, пожалуйста! — И дородный джентльмен протянул руку и втащил в коляску сперва мистера Пиквика, а затем мистера Снодграсса. Мистер Уинкль влез на козлы, жирный парень, переваливаясь, вскарабкался на тот же насест и мгновенно заснул.

— Очень рад вас видеть, джентльмены, — сказал дородный джентльмен. — Я вас очень хорошо знаю, хотя вы меня, быть может, и не помните. Прошлой зимой я провел несколько вечеров у вас в клубе...

Встретил здесь сегодня утром моего друга мистера Тапмена и очень ему обрадовался. Как же вы поживаете, сэр? Вид у вас цветущий.

Мистер Пиквик поблагодарил за комплимент и дружески пожал руку дородному джентльмену в сапогах с отворотами.

— Ну, а вы как себя чувствуете, сэр? — продолжал дородный джентльмен, с отеческой заботливостью обращаясь к мистеру Снодграссу. — Прекрасно, да? Ну, вот и отлично, вот и отлично. А вы, сэр? (Обращаясь к мистеру Уинклю.) Очень рад, что вы хорошо себя чувствуете, очень и очень рад. Джентльмены, эти девицы — мои дочери, а это моя сестра, мисс Рейчел Уордль. Она — мисс, хотя и не так понимает свою миссию... Что, сэр, как? — И дородный джентльмен игриво толкнул мистера Пиквика локтем в бок и от души расхохотался.

— Ах, братец! — с укоризненной улыбкой воскликнула мисс Уордль.

— Да ведь я правду говорю, — возразил дородный джентльмен, — никто не может это отрицать. Прошу прощенья, джентльмены, вот это мой приятель мистер Трандль. Ну-с, а теперь, когда все друг с другом знакомы, я предлагаю располагаться без всяких стеснений, и давайте-ка посмотрим, что там такое происходит. Вот мой совет.

С этими словами дородный джентльмен надел очки, мистер Пиквик взял подзорную трубу, и все находящиеся в экипаже встали и через головы зрителей начали созерцать военные эволюции.

Это были изумительные эволюции: одна шеренга палила над головами другой шеренги, после чего убежала прочь, затем эта другая шеренга палила над головами следующей и в свою очередь убежала; войска построились в каре, а офицеры поместились в центре; потом спустились по лестницам в ров и вылезли из него с помощью тех же лестниц; сбили баррикады из корзин и проявили величайшую доблесть. Инструментами, напоминающими гигантские швабры, забили снаряды в пушки; и столько было приготовлений к пальбе и так оглушительно прогремел залп, что воздух огласился женскими воплями. Юные мисс Уордль так перепугались, что мистер Трандль буквально вынужден был поддержать одну из них в экипаже, в то время как мистер Снодграсс поддерживал другую, а у сестры мистера Уордля нервическое возбуждение достигло столь ужасных размеров, что мистер Тапмен счел совершенно необходимым обвить рукой ее стан, дабы она не упала. Все были взволнованы, кроме жирного парня; он же спал сладким сном, словно рев пушек с детства заменял ему колыбельную.

— Джо! Джо! — кричал дородный джентльмен, когда крепость была взята, а осаждающие и осажденные уселись обедать. — Несносный мальчишка, он опять заснул! Будьте так добры, ущипните его, сэр... пожалуйста, за ногу, иначе его не разбудишь... очень вам благодарен. Развяжи корзину, Джо!

Жирный парень, которого мистер Уинкль успешно разбудил, ущемив большим и указательным пальцами кусок ляжки, снова скатился

с козел и начал развязывать корзину, проявляя больше расторопности, чем можно было ждать от него, судя по его пассивности до сего момента.

— А теперь придется немного потесниться, — сказал дородный джентльмен.

Посыпались шутки по поводу того, что в тесноте у леди изомнутся рукава платьев, послышались шуточные предложения, вызвавшие яркий румянец на щеках леди, — посадить их к джентльменам на колени, и, наконец, все разместились в коляске. Дородный джентльмен начал передавать в экипаж различные вещи, которые брал из рук жирного парня, поднявшегося для этой цели на задок экипажа.

— Ножи и вилки, Джо!

Ножи и вилки были поданы; леди и джентльмены в коляске и мистер Уинкль на козлах были снабжены этой полезной утварью.

— Тарелки, Джо, тарелки!

Повторилась та же процедура, что и при раздаче ножей и вилок.

— Теперь птицу, Джо. Несносный мальчишка — он опять заснул! Джо! Джо! (Несколько ударов тростью по голове, и жирный парень без труда очнулся от летаргии.) Живей, подавай закуску!

В этом последнем слове было что-то, заставившее жирного парня встрепенуться. Он вскочил; его оловянные глаза, поблескивавшие из-за раздувшихся щек, жадно впились в съестные припасы, когда он стал извлекать их из корзины.

— Ну-ка, пошевеливайся, — сказал мистер Уордль, ибо жирный парень любовно склонился над каплуном и, казалось, не в силах был с ним расстаться.

Парень глубоко вздохнул и, бросив пламенный взгляд на аппетитную птицу, неохотно передал ее своему хозяину.

— Правильно... смотри в оба. Давай язык... пахнет из голубей. Осторожнее, не урони телятину и ветчину... Не забудь омары... Вынь салат из салфетки... Давай соус.

Эти распоряжения срывались с уст мистера Уордля, пока он вручал упомянутые блюда, переправляя всем тарелки в руки и на колени.

— Чудесно, не правда ли? — осведомился сей жизнерадостный джентльмен, когда процесс уничтожения пищи начался.

— Чудесно! — подтвердил мистер Уинкль, сидя на козлах и разрезая птицу.

— стакан вина?

— С величайшим удовольствием.

— Возьмите-ка бутылку к себе на козлы.

— Вы очень любезны.

— Джо!

— Что прикажете, сэръ? (На сей раз он не спал, ибо только что ухитрился стянуть пирожок с телятиной.)

— Бутылку вина джентльмену на козлах. Очень рад нашей встрече, сэръ.

— Благодарю вас. — Мистер Уинкль осушил стакан и поставил бутылку подле себя на козлы.

— Разрешите, сэр, выпить за ваше здоровье? — обратился мистер Грандль к мистеру Уинклю.

— Очень приятно, — ответил мистер Уинкль, и оба джентльмена выпили.

Затем выпили по стаканчику все, не исключая и леди.

— Как наша милая Эмили кокетничала с чужим джентльменом! — шепнула своему брату, мистеру Уордлю, тетка, старая дева, со всей завистью, на которую способна тетка и старая дева.

— Ну, так что же? — отозвался веселый пожилой джентльмен. — Мне кажется, это очень естественно... ничего удивительного. Мистер Пиквик, не угодно ли вина, сэр?

Мистер Пиквик, глубокомысленно исследовавший начинку паштета, с готовностью согласился.

— Эмили, дорогая моя, — покровительственно сказала пребывающая в девичестве тетушка, — не говори так громко, милочка.

— Ах, тетя!

— Тетка и этот старенький джентльмен разрешают себе все, а другим ничего, — шепнула мисс Изабелла Уордль своей сестре Эмили.

Молодые леди весело засмеялись, а старая попыталась скроить любезную мину, но это ей не удалось.

— Молодые девушки так бойки, — сказала мисс Уордль мистеру Тапмену таким соболезнующим тоном, словно оживление являлось контрабандой, а человек, не скрывавший его, совершал великое преступление и грех.

— О да! — отозвался мистер Тапмен, не уяснив себе, какого ответа от него ждут. — Это очаровательно.

— Гм... — недоверчиво протянула мисс Уордль.

— Разрешите? — самым слащавым тоном сказал мистер Тапмен, прикасаясь одной рукой к пальцам очаровательной Рейчел, а другой приподнимая бутылку. Разрешите?

— О, сэр!

Мистер Тапмен имел весьма внушительный вид, а Рейчел выразила опасение, не возобновится ли пальба, ибо и таком случае ей придется еще раз прибегнуть к его поддержке.

— Как вы думаете, можно ли назвать моих милых племянниц хорошенькими? — шепотом спросила мистера Тапмена любящая тетушка.

— Пожалуй, если бы здесь не было их тетушки, — ответил находчивый пиквикист, сопровождая свои слова страстным взглядом.

— Ах, шалун... но серьезно... Если бы цвет лица у них был чуточку лучше, они могли бы показаться хорошенькими... при вечернем освещении?

— Да, пожалуй, — равнодушным тоном проговорил мистер Тапмен.

— Ах, какой вы насмешник... Я прекрасно знаю, что вы хотели сказать.

— Что? — осведомился мистер Тапмен, который ровно ничего не хотел сказать.

— Вы подумали о том, что Изабелла горбится... да, да, подумали! Вы, мужчины, так наблюдательны! Да, она горбится, этого нельзя отрицать, и уж, конечно, ничто так не уродует молодых девушек, как эта привычка горбиться. Я ей часто говорю, что пройдет несколько лет и на нее страшно будет смотреть. Да и насмешник же вы!

Мистер Тапмен ничего не имел против такой репутации, приобретенной по столь дешевой цене, он приосанился и загадочно улыбнулся.

— Какая саркастическая улыбка! — с восхищением сказала Рейчел. — Право же, я вас боюсь.

— Бойтесь меня?

— О, вы от меня ничего не скроете, я прекрасно знаю, что значит эта улыбка.

— Что? — спросил мистер Тапмен, который и сам этого не знал.

— Вы хотите сказать, — понизив голос, продолжала симпатичная тетка, вы хотели сказать, что сутулость Изабеллы не такое уж большое несчастье по сравнению с развязностью Эмили. А Эмили очень развязна! Вы не можете себе представить, до чего это меня иногда огорчает! Я часами плачу, а мой брат так добр, так доверчив, он ничего не замечает, я совершенно уверена, что это разбило бы ему сердце. Быть может, всему виной только манера держать себя — хотелось бы мне так думать... Я утешаю себя этой надеждой... (Тут любящая тетушка испустила глубокий вздох и уныло покачала головой.)

— Ручаюсь, что тетка говорит о нас, — шепнула мисс Эмили Уордль своей сестре, — я в этом уверена, у нее такая злющая физиономия.

— Ты думаешь? — отозвалась Изабелла. — Гм... Дорогая тетя!

— Что, милочка?

— Тетя, я так боюсь, что вы простудитесь... пожалуйста, наденьте платок, закутайте вашу милую старую голову... право же, нужно беречь себя в ваши годы!

Хотя расплата была произведена той же монетой и по заслугам, но вряд ли можно было придумать месть более жестокую. Неизвестно, в какой форме излила бы тетка свое негодование, не вмешайся мистер Уордль, который, ничего не подозревая, переменял тему разговора, энергически окликнув Джо.

— Несносный мальчишка, — сказал пожилой джентльмен, — он опять заснул!

— Удивительный мальчик! — произнес мистер Пиквик. — Неужели он всегда так спит?

— Спит! — подтвердил старый джентльмен. — Он всегда спит. Во сне исполняет приказания и храпит, прислуживая за столом.

— В высшей степени странно! — заметил мистер Пиквик.

— Да, очень странно, — согласился старый джентльмен. — Я горжусь этим парнем... ни за что на свете я бы с ним не расстался. Это чудо природы! Эй, Джо, Джо, убери посуду и откупоришь еще одну бутылку, слышишь?

Жирный парень привстал, открыл глаза, проглотил огромный кусок пирога, который жевал в тот момент, когда заснул, и не спеша исполнил приказание своего хозяина: собрал тарелки и уложил их в корзинку, пожирая глазами остатки пиршества. Была подана и распита еще одна бутылка; опять привязали корзину, жирный парень занял свое место на козлах, очки и подозрительная труба были извлечены. Тем временем маневры возобновились. Свист, стрельба, испуг леди, а затем, ко всеобщему удовольствию, была взорвана и мина. Когда дым от взрыва рассеялся, войска и зрители последовали этому примеру и тоже рассеялись.

— Не забудьте, — сказал пожилой джентльмен, пожимая руку мистера Пиквику и заканчивая разговор, начатый во время заключительной стадии маневров, — завтра вы у нас в гостях.

— Непременно, — ответил мистер Пиквик.

— Адрес у вас есть?

— Менор Фарм, Дингли Делл¹, — отозвался мистер Пиквик, заглянув в записную книжку.

— Правильно, — подтвердил старый джентльмен. — И помните, я вас отпущу не раньше чем через неделю и позабочусь о том, чтобы вы увидели все достойное внимания. Если вас интересует деревенская жизнь, пожалуйста ко мне, и я дам вам ее в изобилии. Джо! Несносный мальчишка: он опять заснул! Джо, помоги Тому заложить лошадей!

Лошадей впрягли, кучер влез на козлы, жирный парень поместился рядом с ним, распрощались, и экипаж отъехал. Когда пиквикисты в последний раз оглянулись, заходящее солнце бросало яркий отблеск на лица сидевших в экипаже и освещало фигуру жирного парня. Голова его поникла на грудь, он спал сладким сном.

ГЛАВА V,

краткая, повествующая, между прочим, о том, как мистер Пиквик вызвался править, а мистер Уинкль — ехать верхом, и что из этого получилось

Ясным и чистым было небо, благоуханным — воздух, и все вокруг являлось во всей своей красе, когда мистер Пиквик облокотился о перила Рочестерского моста, созерцая природу и дожидаясь завтрака.

¹ *Менор Фарм, Дингли Делл* — измышленные Диккенсом названия поместья (первое название) и городского поселка (второе); в литературе о Диккенсе можно найти множество догадок о том, какую реальную помещичью усадьбу Диккенс избрал для прославленного описания Святков и приключений мистера Пиквика в английском поместье, но единого мнения у диккенсоведов нет.

Пейзаж в самом деле мог очаровать и менее созерцательную душу, чем та, перед которой он расстился.

Слева от наблюдателя находилась полуразрушенная стена, во многих местах пробитая и кое-где грузно нависавшая над узким берегом. Водоросли длинной бахромой повисли на зазубренных и острых камнях, трепеща при малейшем дуновении ветра, и зеленый плющ горестно обвился вокруг темных и разрушенных бойниц. За стеной вставал древний замок — башни его были без кровли, а массивные стены грозили рухнуть, но он горделиво возвещал нам о былой силе и мощи, когда лет семьсот назад он оглашался бряцанием оружия и шумом празднеств и оргий. По обеим сторонам тянулись, уходя вдаль, берега Медуэй, покрытые нивами и пастбищами, виднелись ветряные мельницы, церкви, и эта красочная панорама казалась еще прекраснее от изменчивых теней, которые быстро пробежали по ней, когда легкие и расплывчатые облачка таяли в лучах утреннего солнца. Река, отражая чистую синеву неба, сверкала и искрилась, бесшумно струясь, и с ясным прозрачным журчанием погружались в воду весла рыбаков, когда тяжелые, но живописные лодки медленно скользили вниз по течению.

От приятных грез, навеянных раскинувшимся перед ним пейзажем, мистера Пиквика пробудил глубокий вздох и прикосновение к плечу. Он оглянулся: возле него стоял мрачный субъект.

— Созерцаете картину природы? — осведомился мрачный субъект.

— Да, — сказал мистер Пиквик.

— И поздравляете себя с тем, что так рано встали?

Мистер Пиквик кивнул в знак согласия.

— Ах, следовало бы вставать пораньше, чтобы видеть солнце во всем его великолепии, ибо редко сияет оно так ослепительно в течение целого дня. Утро дня и утро жизни слишком сходны.

— Вы правы, сэ, — согласился мистер Пиквик.

— Говорят: «Утро слишком прекрасно, чтобы длиться», — продолжал мрачный субъект. — То же самое можно сказать и о повседневном нашем существовании. Боже! Чего бы я не сделал, чтобы вернуть дни детства или забыть о них навеки!

— Вы пережили много горя, сэ, — сочувственно заметил мистер Пиквик.

— Да, — поспешно подтвердил мрачный субъект. — Да, я пережил больше, чем могут себе представить те, кто видит меня теперь.

На секунду он умолк, потом отрывисто спросил:

— Не мелькала ли у вас мысль в такое утро, как сегодня, что было бы блаженством и счастьем броситься в воду и утонуть?

— Помилуй бог, нет! — ответил мистер Пиквик, отступая от перил, ибо у него возникло опасение, как бы мрачный субъект, эксперимента ради, не столкнул его вниз.

— А я часто об этом думал, — продолжал мрачный субъект, не задев его движения. — Тихая прохладная вода как будто сулит мне от-

дых и покой. Прыжок, плеск, недолгая борьба, взбаламученные волны постепенно уступают место легкой ряби, вы погребены в водяной могиле, и вместе с вами погребены ваши горести и несчастья.

Ввалившиеся глаза мрачного субъекта ярко вспыхнули, но минутное возбуждение быстро угасло, он спокойно отвернулся и сказал:

— Довольно об этом. Мне бы хотелось обсудить с вами другой предмет. В тот вечер вы мне предложили прочесть рукопись и внимательно слушали чтение.

— Совершенно верно, — подтвердил мистер Пиквик, — и я несомненно полагаю...

— Мнения меня не интересуют, — перебил мрачный субъект, — и я в них не нуждаюсь. Вы путешествуете для собственного удовольствия и обогащения знаниями. Что вы скажете, если я вам пришлю занятную рукопись — заметьте, занятной я ее называю не потому, что она ужасна или невероятна, нет, она занята как романтическая страница подлинной жизни. Не огласите ли вы ее в клубе, о котором столь часто говорите?

— Конечно, если вы желаете, — ответил мистер Пиквик, — и она будет занесена в протоколы.

— Вы ее получите, — заявил мрачный субъект. — Ваш адрес? — И, узнав от мистера Пиквика предполагаемый маршрут, он старательно занес его в свою засаленную записную книжку, затем, отклонив настойчивое приглашение мистера Пиквика позавтракать вместе, расстался с ним у двери гостиницы и медленно побрел прочь.

Спутники мистера Пиквика поджидали его к завтраку, который был уже готов, и все блюда заманчиво расставлены. Уселись за стол, а засим поджаренная ветчина, яйца, чай, кофе и всякая всячина начали исчезать с быстротой, свидетельствовавшей как о превосходном качестве продуктов, так и о прекрасном аппетите всей компании.

— Ну-с, поговорим о Менор Фарм, — сказал мистер Пиквик. — Как мы туда поедem?

— Не посоветоваться ли нам со слугою? — предложил мистер Тапмен, после чего слуга был призван.

— Дингли Делл, джентльмены?.. Пятнадцать миль, джентльмены... по проселочной дороге... Дорожную коляску, сэр?

— В дорожной коляске могут поместиться только двое, — возразил мистер Пиквик.

— Совершенно верно, сэр, прошу прощения, сэр. Прекрасный четырехколесный экипаж, сэр, сиденье сзади для двух, одно место впереди для джентльмена, который правит. Ах, прошу прощения, сэр, — экипаж трехместный.

— Что же нам делать? — спросил мистер Снодграсс.

— Может быть, один из джентльменов пожелает ехать верхом, сэр? предложил слуга, поглядывая на мистера Уинкля. — Очень хороши верховые лошади, сэр, любой из слуг мистера Уордля может отвести лошадь назад, когда отправится в Рочестер.

— Отлично, — сказал мистер Пиквик. — Уинкль, хотите прокатиться верхом?

В тайниках души мистера Уинкля возникли серьезные опасения, касающиеся его умения ездить верхом, но ему во что бы то ни стало хотелось их скрыть, а посему он и ответил тотчас же и очень решительно:

— Конечно. Я буду в восторге.

Мистер Уинкль бросил вызов судьбе. Иного выхода у него не было.

— Велите подать лошадей к одиннадцати часам, — распорядился мистер Пиквик.

— Слушаю, сэр, — ответил слуга.

Слуга удалился, завтрак был окончен, и путешественники поднялись каждый в свою комнату, чтобы уложить костюмы, которые хотели взять с собой.

Мистер Пиквик покончил со всеми приготовлениями и из-за оконных занавесок столовой взирал на прохожих, когда вышел слуга и доложил, что лошади поданы. Сообщение это было подтверждено самим экипажем, который не замедлил появиться перед окнами вышеупомянутой столовой.

Это был диковинный зеленый ящик на четырех колесах, с низким двухместным сиденьем, напоминающим плетенку для винных бутылок, с высоким насестом спереди для одного человека, влекомый гигантской бурой лошадью, которая обнаруживала великолепный по своей симметрии костяк. Тут же стоял конюх, держа за повод оседланную для мистера Уинкля другую рослую лошадь, по-видимому, близкую родственницу животного, впряженного в экипаж.

— Господи помилуй! — воскликнул мистер Пиквик, когда они стояли на тротуаре и ждали, пока уложены будут в экипаж их вещи. — Господи помилуй, а кто ж будет править? Об этом я и не подумал.

— Вы, конечно, — сказал мистер Тапмен.

— Разумеется, — сказал мистер Снодграсс.

— Я! — воскликнул мистер Пиквик.

— Не извольте беспокоиться, сэр, — вмешался конюх. — Доверьтесь ей, сэр, спокойно: грудной младенец — и тот с ней справится.

— А она не пуглива? — осведомился мистер Пиквик.

— Пуглива, сэр? Покажите ей воз обезьян с обожженными хвостами — она и то не испугается.

Такой отзыв рассеивал все сомнения. Мистер Тапмен и мистер Снодграсс влезли в ящик, мистер Пиквик взобрался на насест и поставил ноги на обитую клеенкой подножку, приспособленную специально для этой цели.

— Ну, Блестящий Уильям, — сказал конюх своему подручному, — подай джентльмену вожжи.

Блестящий Уильям (должно быть, этим прозвищем он был обязан своим прилизанным волосам и лоснящейся физиономии) вложил вож-

жи в левую руку мистера Пиквика, а старший конюх сунул ему хлыст в правую руку.

— Тпру! — закричал мистер Пиквик, когда рослое животное попятилось, не скрывая своего намерения ввалиться через окно в столовую.

— Тпру! — отозвались из ящика мистер Тапмен и мистер Снодграсс.

— Ничего! Это ей порезвиться вздумалось, джентльмены, — ободряюще заметил старший конюх. — Придержи-ка ее, Уильям.

Подручный укротил буйный нрав животного, а конюх поспешил на помощь к мистеру Уинклю.

— С этой стороны пожалуйста, сэръ.

— Провалиться мне на этом месте, если джентльмен не собирался влезть не с той стороны, — ухмыляясь, шепнул форейтор на ухо официанту, веселившемуся от всей души.

Мистер Уинкль, следуя инструкции, уселся в седло, но с таким трудом, словно ему пришлось карабкаться на борт первоклассного военного судна.

— Все в порядке? — осведомился мистер Пиквик, предчувствуя в глубине души, что о порядке и речи быть не может.

— Все в порядке, — слабым голосом ответил мистер Уинкль.

— Пошел! — крикнул конюх. — Держите вожжи, сэръ.

И вот на потеху всего двора повозка и верховой конь помчались: одна — с мистером Пиквиком на козлах, другой — с мистером Уинклем на спине.

— Отчего это она идет как-то боком? — обратился мистер Снодграсс из ящика к мистеру Уинклю в седле.

— Понятия не имею, — ответил мистер Уинкль.

Его лошадь несло по улице самым загадочным образом: боком вперед, головой к одной стороне улицы и хвостом — к другой.

Мистер Пиквик этого не видел и не имел времени заметить что бы то ни было, так как все его внимание было сосредоточено на лошади, впряженной в повозку и проявлявшей своеобразные наклонности, весьма интересные для постороннего наблюдателя, но отнюдь не столь занимательные для лиц, сидевших в экипаже. Не говоря уже о весьма неприятной и раздражающей привычке задира́ть голову и натягивать вожжи так, что мистеру Пиквику великого труда стоило удерживать их в руке, лошадь проявляла странную склонность внезапно бросаться в сторону, останавливаться, а затем в течение нескольких минут мчаться вперед с быстротой, исключавшей всякую возможность управлять экипажем.

— Что она хочет показать этим? — спросил мистер Снодграсс, когда лошадь в двадцатый раз проделала этот маневр.

— Не знаю, — отозвался мистер Тапмен. — Я бы сказал, что она пуглива, а как по-вашему?



...едва схватил мистер Уинкль поводья, как лошадь перебросила их через голову и на всю их длину отскочила назад.

Мистер Снодграсс хотел что-то ответить, когда его прервал возглас мистера Пиквика.

— Тпру! — воскликнул сей джентльмен. — Я уронил хлыст.

— Уинкль! — сказал мистер Снодграсс, когда всадник на рослой лошади подъехал к ним рысцей, в шляпе, надвинутой на самые уши, и сотрясаясь всем телом от резких движений, словно вот-вот рассыплется на кусочки, — Уинкль, будьте добры, поднимите хлыст.

Мистер Уинкль натягивал поводья огромной лошади, пока лицо у него не почернело; ухитрившись, наконец, остановить лошадь, он слез, подал мистеру Пиквику хлыст и, схватив поводья, приготовился снова вскочить в седло.

Захотелось ли рослой лошади, отличавшейся природной игривостью, невинно пошалить с мистером Уинклем, или она сообразила, что не менее приятную прогулку может совершить и без всадника, — эти вопросы мы, конечно, не в силах разрешить окончательно и определенно. Какими бы мотивами ни руководствовалось животное, несомненным остается один факт: едва схватил мистер Уинкль поводья, как лошадь перебросила их через голову и на всю их длину отскочила назад.

— Милая скотинка, — вкрадчиво сказал мистер Уинкль, — милая скотинка, добрая старая лошадка!

Но «милая скотинка» презирала лесть: чем упорнее старался мистер Уинкль к ней подойти, тем настойчивее она отступала, и, несмотря на уговоры и улещиванье, мистер Уинкль и лошадь кружились на одном месте в течение десяти минут, а по прошествии этого времени расстояние между ними отнюдь не уменьшилось, — положение неприятное при любых обстоятельствах, а тем более на безлюдной дороге, где никто не придет на помощь.

— Что мне делать? — крикнул мистер Уинкль после длительного кружения на одном месте. — Что мне делать? Я не могу к ней подойти.

— Ведите ее на поводу, пока мы не доберемся до заставы, — ответил мистер Пиквик.

— Да она не хочет идти! — завопил мистер Уинкль. — Вылезайте и поддержите ее.

Мистер Пиквик — сама доброта и человеколюбие — бросил вожжи на спину своей лошади и, спустившись с козел, заботливо повернул повозку к придорожным кустам на тот случай, если кто проедет по дороге, после чего поспешил на помощь к своему злополучному спутнику, оставив мистера Тапмена и мистера Снодграсса в экипаже.

Едва завидев мистера Пиквика, приближавшегося с хлыстом в руке, лошадь перестала упорно кружиться на одном месте и начала отступать столь решительно, что потащила за собой мистера Уинкля, не выпускавшего поводьев, и заставила его бежать в ту сторону, откуда они только что приехали. Мистер Пиквик бросился на помощь, но чем быстрее устремлялся он вперед, тем быстрее бежала от него лошадь. Послышался топот копыт, за клубилась пыль, и мистер Уинкль, едва не вывихнувший руки, благоразумно бросил повод. Лошадь остановилась, посмотрела, тряхнула головой, повернулась и спокойно побежала рысью домой в Рочестер, предоставив мистеру Уинклю и мистеру Пиквику с немым отчаянием взирать друг на друга. Какой-то дребезжащий звук привлек их внимание. Они встрепенулись.

— Господи помилуй! — воскликнул несчастный мистер Пиквик. — И другая лошадь убегает!

Это была истинная правда. Шум испугал лошадь, а вожжи лежали у нее на спине. Результаты угадать нетрудно. Она сорвалась с места, увлекая за собой четырехколесный экипаж с мистером Тапменом и мистером Снодграссом. Скачка продолжалась недолго. Мистер Тапмен прыгнул в кусты, мистер Снодграсс последовал его примеру; лошадь разбила четырехколесную повозку о деревянный мост, — кузов отде-

лился от колес, ящик сорвался, и лошадь остановилась как вкопанная, созерцая произведенное ею разрушение.

Первой заботой двух уцелевших друзей было извлечь своих злополучных спутников из кустов, где они застряли, — процесс, который доставил им несказанное удовольствие, когда они убедились, что никто не получил никаких повреждений, если не считать нескольких дыр на платье и легких царапин, нанесенных колючками. Следующей их заботой было выпрячь лошадь. По окончании этой сложной операции компания медленно побрела вперед, ведя за собой лошадь, а повозку бросив на произвол судьбы.

Через час ходьбы путешественники увидели маленький придорожный трактир — перед домом два вяза, водопойная колода для лошадей и столб с вывеской, позади несколько бесформенных стогов сена, сбоку огород, а вокруг разбросанные в странном беспорядке ветхие сараи и надворные строения. На огороде работал рыжеволосый человек. Мистер Пиквик громко окликнул его:

— Эй! Послушайте!

Рыжеволосый выпрямился, заслонил глаза рукой и посмотрел пристально и холодно на мистера Пиквика и его спутников.

— Эй! Послушайте! — повторил мистер Пиквик.

— В чем дело? — отозвался рыжеволосый.

— Далеко отсюда до Дингли Делла?

— Добрых семь миль.

— Дорога хорошая?

— Плохая.

Дав сей краткий ответ и удовлетворив, по-видимому, свое любопытство еще одним пристальным взглядом, рыжеволосый снова принялся за работу.

— Мы бы хотели на время оставить здесь эту лошадь, — сказал мистер Пиквик. — Можно?

— Лошадь хотите здесь оставить? — повторил рыжеволосый, опираясь на лопату.

— Ну да, — ответил мистер Пиквик, который уже успел подойти вместе с лошадью к изгороди.

— Хозяйка! — заорал человек с рыжими волосами, выйдя из огорода и в упор глядя на лошадь. — Хозяйка!

На зов явилась высокая костлявая женщина, прямая, как палка, в грубой синей накидке, с талией под мышками.

— Скажите, любезная, можно оставить здесь эту лошадь? — вкрадчиво спросил мистер Тапмен, выступая вперед.

Женщина очень пристально разглядывала всю компанию, а рыжеволосый шепнул ей что-то на ухо.

— Нет, — ответила она, подумав. — Боюсь.

— Бойтесь! — воскликнул мистер Пиквик. — Чего может бояться эта женщина?

— Недавно мы из-за этого попали в беду, — сказала женщина, поворачивая к дому. — Не о чем тут толковать.

— В высшей степени странно! — воскликнул удивленный мистер Пиквик.

— Мне... мне кажется, — шепнул мистер Уинкль окружившим его друзьям, — мне кажется, они подозревают, что эту лошадь мы приобрели какими-то нечестными путями.

— Что?! — в порыве негодования воскликнул мистер Пиквик.

Мистер Уинкль смущенно повторил свою догадку.

— Эй, послушайте! — крикнул рассерженный мистер Пиквик. — Вы что, думаете — мы эту лошадь украли?

— Ясное дело украли, — ответил рыжеволосый, оскалив зубы так, что рот растянулся от одного слухового органа до другого. С этими словами он вошел в дом и захлопнул за собой дверь.

— Это похоже на сон! — кипятился мистер Пиквик. — На отвратительный сон. Тащиться целый день с ужасной лошадью, от которой не можешь отделаться!

Пиквикисты мрачно и уныло пошли прочь, а рослое четвероногое, к которому все они чувствовали безграничное отвращение, плелось за ними по пятам.

Уже наступал вечер, когда четверо друзей и их четвероногий спутник свернули на боковую дорогу, ведущую к Менор Фарм; и даже теперь, когда они были так близки к цели, удовольствие, которое могли бы они испытать при иных обстоятельствах, оказалось в значительной мере отравленным размышлениями о том, какой странный у них вид и сколь нелепо их положение. Изорванные костюмы, исцарапанные лица, запыленные ботинки, измученный вид и в довершение всего лошадь. О, как проклинал мистер Пиквик эту лошадь! Время от времени он бросал на благородное животное взгляды, горящие ненавистью и жадной мести; не раз принимался высчитывать, каковы будут издержки, если он перережет ей горло, и им овладевало с удесятеренной силой искушение убить ее или отпустить на все четыре стороны. От этих ужасных мыслей его отвлекли две фигуры, внезапно появившиеся за поворотом дороги. Это был мистер Уордль и верный его паж, жирный парень.

— Где же это вы запропалились? — спросил гостеприимный пожилой джентльмен. — Я вас весь день поджидал. Однако вид у вас потрепанный. Как! Царапины! Ничего серьезного, надеюсь, нет? Ну, я очень рад, очень рад это слышать. Так, значит, вы опрокинулись? Ничего! Обычная история в этих краях. Джо! — Он опять спит! — Джо, возьми у джентльмена лошадь и отведи ее в конюшню,

Жирный парень, тяжело ступая, поплелся за ними вместе с лошадью, а пожилой джентльмен добродушно выражал сочувствие своим гостям, узнав об их приключениях ровно столько, сколько они сочли нужным сообщить, и повел их прежде всего на кухню.

— Здесь мы вас приведем в порядок, — сказал пожилой джентльмен, — а затем я вас представлю обществу, собравшемуся в гостиной. Эмма, подай черри-бренди, Джейн, иголку с ниткой! Полотенец и воды, Мэри! Ну, девушки, пошевеливайтесь!

Три-четыре проворных девушки бросились отыскивать требуемые вещи, а два большеголовых круглолицых представителя мужского пола покинули свои места у очага (ибо, хотя вечер был майский, их тянуло к огоньку не меньше, чем на Святках) и нырнули в какие-то темные углы, откуда быстро извлекли вакуу и с полдюжины щеток.

— Пошевеливайтесь! — повторил пожилой джентльмен, но это приказание оказалось совершенно излишним, так как одна девушка уже наливала черри-бренди, другая принесла полотенца, а один из слуг, ухватив внезапно за ногу мистера Пиквика и подвергая его опасности потерять равновесие, чистил ему башмак, пока мозоли не раскалились докрасна, в то время как другой чистил мистера Уинкля тяжелой платяной щеткой, насвистывая при этом, как имеют обыкновенные насвистывать конюхи, отчищая лошадь скребницей.

Покончив с омовениями, мистер Снодграсс, стоя спиной к камину и с истинным наслаждением попивая черри-бренди, осматривал кухню. Он описывает ее как просторное помещение с красным кирпичным полом и вместительным очагом; потолок украшали окорока, свиная грудинка, связки луковиц. Стены были декорированы охотничьими хлыстами, несколькими уздечками, седлом и старым, заржавленным мушкетонном, под которым красовалась надпись, возвещавшая, что он «заряжен» — если верить свидетельству того же источника, — уже по крайней мере полстолетия. В углу важно тикали старинные часы с недельным заводом, отличавшиеся нравом степенным и уравновешенным, а на одном из многочисленных крючков, украшавших кухонный шкаф, висели серебряные карманные часы, не менее древние.

— Готовы? — осведомился пожилой джентльмен, когда его гости были вымыты, заштопаны, вычищены и подкреплены бренди.

— Вполне, — ответил мистер Пиквик.

— В таком случае идемте!

И компания, миновав несколько темных коридоров, где к ней присоединился мистер Тапмен, который замешкался, чтобы сорвать поцелуй у Эммы, должным образом вознаградившей его толчками и царапинами, приблизилась к двери гостиной.

— Добро пожаловать, джентльмены! — промолвил гостеприимный хозяин, распахивая дверь и проходя вперед, чтобы представить гостей. — Добро пожаловать в Менор Фарм!

ГЛАВА VI

Старомодная игра в карты. Стихи священника. Рассказ о возвращении каторжника

При входе мистера Пиквика с друзьями гости, собравшиеся в старой гостиной, встали им навстречу; и пока шла церемония представления, сопровождавшаяся всеми обязательными формальностями,

у мистера Пиквика было время рассмотреть лица и поразмыслить о характерах и стремлениях людей, его окружавших, — привычка, которой он, наряду со многими великими людьми, предавался с наслаждением.

Очень старая леди в величественном чепце и выцветшем шелковом платье — не кто иная, как мать мистера Уордля, — занимала почетное место в углу, справа от камина; стены были украшены предметами, свидетельствовавшими о том, что в молодости она была воспитана подобающим образом и о своем воспитании не забыла и на старости лет, — тут были весьма древние вышивки, шитые шерстью пейзажи такой же давности и алые шелковые покрывки на чайник более современного происхождения. Тетка, две юные леди и мистер Уордль соперничали друг с другом, ревностно и неустанно оказывая знаки внимания старой леди: одна держала ее слуховой рожок, другая — апельсин, третья флакон с нюхательной солью, а четвертый усердно поправлял и взбивал подушки, водруженные за ее спиной. Против нее, по другую сторону камина, восседал лысый, старый джентльмен с благожелательным и добродушным выражением лица — священник Дингли Делла, а рядом с ним — его жена, полная, румяная старая леди, у которой был такой вид, словно она не только постигла искусство и тайну домашнего изготовления ароматных настоек на благо и удовольствие ближним, но и сама при случае весьма не прочь была их отведать. В одном углу человек, с лицом пронизательным и похожим на рипстонский ранет¹, беседовал с толстым старым джентльменом, и еще два-три пожилых джентльмена, и еще две-три пожилых леди неподвижно сидели навытяжку, пристально разглядывая мистера Пиквика и его спутников.

— Мистер Пиквик, маменька! — заорал во весь голос мистер Уордль.

— А! — сказала старая леди, покачивая головой. — Ничего не слышу.

— Мистер Пиквик, бабушка! — дружно прокричали обе юные леди.

— А! — отозвалась старая леди. — Ну, да это не важно, полагаю, что ему никакого дела нет до такой старухи, как я.

— Уверю вас, сударыня, — начал мистер Пиквик, пожимая руку старой леди и говоря так громко, что добродушное лицо его приняло от напряжения барминный оттенок, — уверяю вас, сударыня, ничто не доставляет мне такого удовольствия, как знакомство с леди столь почтенного возраста, возглавляющей такую славную семью и имеющей столь молодежавый и цветущий вид.

— А... — сказала, помолчав, старая леди, — все это прекрасно, да только я его не слышу.

— Бабушка сейчас немного расстроена, — понизив голос, сообщила мисс Изабелла Уордль, — но потом она еще поговорит с вами.

¹ *Рипстонский ранет* — поздно созревающий сорт яблок.

Мистер Пиквик кивнул головой в знак готовности подчиниться капризу старческой немощи и вступил в общий разговор с другими членами кружка.

— Очаровательное местоположение! — сказал мистер Пиквик.

— Очаровательное! — откликнулись мистеры Снодграсс, Тапмен и Уинкль.

— Да, бесспорно, — согласился мистер Уордль.

— Во всем Кенте не найдется лучшего местечка, сэр, — заметил проницательный человек с лицом, похожим на ранет, — да, сэр, не найдется, уверен, что не найдется.

И проницательный человек торжествующе осмотрелся по сторонам, словно кто-то усиленно ему возражал, но он в конце концов одержал над ним верх.

— Лучшего местечка не найдется во всем Кенте, — повторил он, помолчав.

— За исключением Маллинс Медоус, — глубокомысленно заметил один толстяк.

— Маллинс Медоус! — с глубоким презрением воскликнул первый.

— Да, Маллинс Медоус! — повторил толстяк.

— Прекрасный участок, — вмешался другой толстяк,

— Совершенно верно, — подтвердил третий толстяк.

— Это всем известно, — согласился дородный хозяин.

Проницательный человек недоверчиво осмотрелся по сторонам, но, убедившись, что остается в меньшинстве, скроил соболезнующую физиономию и больше уже не проронил ни слова.

— О чем они говорят? — громко осведомилась старая леди у одной из своих внучек, ибо, как большинство глухих, она, казалось, не допускала возможности, что ее могут услышать.

— О наших местах, бабушка.

— А что с ними такое? Ничего ведь не случилось?

— Нет. Мистер Миллер говорил, что наш участок лучше, чем Маллинс Медоус.

— А что он в этом понимает? — вознегодовала старая леди. — Миллер — нахал и много о себе думает, можете передать ему мое мнение.

И старая леди, нимало не подозревая, что говорит отнюдь не шепотом, выпрямилась и пригвоздила взглядом проницательного преступника.

— Ну-ну, — засуетился хозяин, естественно желая переменить тему разговора. — А что, если бы нам сыграть роббер, мистер Пиквик?

— Я был бы очень рад, — ответил сей джентльмен, но прошу вас, не затевайте для меня одного.

— Уверяю вас, маменька с удовольствием разыграет роббер, — возразил мистер Уордль. — Не так ли, маменька?

Старая леди, которая при обсуждении этой темы оказалась менее глухой, чем в других случаях, ответила утвердительно.

— Джо, Джо! — крикнул старый джентльмен. — Джо... несносный... Ах, вот он! Разложи ломберные столы.

Летаргический юноша ухитрился без дальнейших понуканий разложить два ломберных стола, один для игры в «Папесса Иоанна», другой для виста. За вист сели мистер Пиквик и старая леди, мистер Миллер и толстый джентльмен; остальные разместились за другим столом.

Роббер разыгрывался со всей серьезностью и степенностью, какие приличествуют занятию, именуемому «вистом», — торжественному обряду, к коему, на наш взгляд, весьма непочтительно и неприлично применять слово «игра». А за другим столом, где шла «салонная» игра, веселились столь бурно, что мешали сосредоточиться мистеру Миллеру, который был поглощен вистом меньше, чем следовало, и ухитрился совершить немало серьезных преступлений и промахов, возбудивших в высокой степени гнев толстого джентльмена и в такой же степени улучшивших расположение духа старой леди.

— Ну вот! — с торжеством провозгласил преступный Миллер, беря левé к концу партии. — Лышу себя надеждой, что лучше сыграть невозможно, больше нельзя было взять ни одной взятки.

— Миллеру нужно было перекрыть бубны козырем, не правда ли, сэр? — заметила старая леди.

Мистер Пиквик кивнул в знак согласия.

— В самом деле? — спросил злополучный игрок, нерешительно обращаясь к своему партнеру.

— Несомненно, сэр, — грозно ответил толстый джентльмен.

— Очень сожалею, — сказал удрученный Миллер.

— Велика польза от ваших сожалений! — проворчал толстый джентльмен.

— Два онера, итого восемь у нас, — сказал мистер Пиквик.

Новая сдача.

— Есть у нас роббер? — осведомилась старая леди.

— Есть, — ответил мистер Пиквик. — Двойной, простой, и к робберу.

— Ну и везет! — сказал мистер Миллер.

— Ну и карты! — сказал толстый джентльмен.

Торжественное молчание: мистер Пиквик весел, старая леди серьезна, толстый джентльмен придирчив, а мистер Миллер запуган.

— Еще раз двойной, — сказала старая леди и с торжеством отметила это обстоятельство, положив под подсвечник шестипенсовик и стертую монету в полпенни.

— Двойной, сэр, — сказал мистер Пиквик.

— Я это вижу, сэр, — резко ответил ему толстый джентльмен.

Следующая игра с такими же результатами сопровождалась тем, что злополучный Миллер не снес требуемой масти, по каковому поводу толстый джентльмен пришел в состояние крайнего возбуждения, длившееся до конца игры, после чего он удалился в угол и в продолжение часа и двадцати семи минут не проронил ни слова; по истечении

этого времени он вышел из своего убежища и с видом человека, который готов по-христиански простить все обиды, предложил мистеру Пиквику понюшку табаку. Слух у старой леди значительно улучшился, а злополучный мистер Миллер чувствовал себя выброшенным из родной стихии, как дельфин, посаженный в караульную будку.

А за другим столом весело шла некоммерческая игра; Изабелла Уордль и мистер Грандль объявили себя партнерами, то же сделали Эмили Уордль и мистер Снодграсс, и даже мистер Тапмен и незамужняя тетушка организовали акционерное общество фишек и любезностей. Мистер Уордль был в ударе и так забавно вел игру, а пожилые леди так зорко следили за своими выигрышами, что смех не смолкал за столом. Была тут одна пожилая леди, которой аккуратнo каждую игру приходилось платить за полдюжины карт, что неизменно вызывало общий смех; а когда пожилая леди насупилась, раздался хохот, после чего лицо пожилой леди постепенно начало проясняться, и кончилось тем, что она захохотала громче всех. Затем, когда у незамужней тетушки оказался «марьяж» и юные леди снова расхохотались, незамужняя тетушка собиралась надуться, но, почувствовав, что мистер Тапмен пожимает ей руку под столом, тоже просияла и посмотрела столь многозначительно, словно для нее «марьяж» был не так недоступен, как думают некоторые особы. Тут все снова захохотали, и громче всех старый мистер Уордль, который наслаждался шуткой не меньше, чем молодежь.

Если говорить о мистере Снодграссе, то он только и делал, что нашептывал поэтические сентенции на ухо своей партнерше, что настроило одного старого джентльмена на шуточный лад по поводу партнеров за карточным столом и партнеров в жизни и заставило вышеупомянутого старого джентльмена сделать на этот счет несколько замечаний, сопровождаемых подмигиваниями и хихиканьем и развеселивших все общество, а в особенности жену старого джентльмена. Мистер Уинкль выступил с остротами, хорошо известными в городе, но вовсе не известными в деревне, и так как все от души смеялись и высказывали свое одобрение, то мистер Уинкль был весьма польщен и доволен. Добродушный священник взирал благосклонно, ибо при виде счастливых лиц за столом добрый старик тоже чувствовал себя счастливым; и хотя веселились, быть может, слишком бурно, зато от души, а не для виду. А в конце концов только такое веселье имеет цену.

В этих беззаботных развлечениях быстро промелькнул вечер, а когда было покончено с сытным, хотя и простым ужином и маленькое общество расположилось дружеским кружком у камелька, мистер Пиквик отметил, что никогда еще не был он так счастлив и никогда так полно не наслаждался ускользящими мгновениями.

— Да, да, это то, что я люблю, — сказал гостеприимный хозяин, торжественно восседавший рядом со старой леди, держа ее руку в своей. — Счастливейшие минуты моей жизни пролетели у этого старого камина,

и я так к нему привязан, что каждый вечер развожу в нем пылающий огонь, пока он не разгорится до невыносимого жара. И моя милая старая маменька, когда была девочкой, не раз сжививала вон на той скамеечке перед камином. Верно, маменька?

Непрощеная слеза, которую вызывают воспоминания о былом и о давно ушедшем счастье, скатилась по щеке старой леди, и она с меланхолической улыбкой кивнула головой.

— Не осудите меня, мистер Пиквик, за болтовню об этом старом камине, — помолчав, продолжал хозяин, я его горячо люблю и другого не знаю. Старые дома и поля кажутся мне живыми друзьями, так же как и наша маленькая церковь, обвитая плющом, о котором — к слову сказать — наш добрый друг сочинил стихотворение вскоре по приезде в наши края. Мистер Снодграсс, разрешите наполнить ваш стакан?

— Он полон, благодарю вас, — ответил этот джентльмен, чье поэтическое любопытство было весьма возбуждено последним замечанием хозяина. Простите, вы упомянули стихотворение о плюще?

— Об этом вы должны спросить вашего друга, — многозначительно ответил хозяин, кивнув в сторону священника.

— Мне бы очень хотелось услышать это стихотворение, сэр, — сказал мистер Снодграсс.

— Уверю вас, это так, пустячок, — ответил священник, — я был молод, когда сочинил его, и в этом единственное мое оправдание. Но если вам угодно, вы его услышите.

Разумеется, в ответ раздался шепот заинтересованных слушателей, и старый джентльмен — с помощью подсказывавшей ему жены — прочел следующие строфы.

— Я их назвал, — сказал он, —

ЗЕЛЕНЫЙ ПЛЮЩ

О причудлив ты, мой зеленый плющ,
 Проползая среди руин,
 За отборной пищей гонишься ты
 В невеселом своем дому.
 Камень должен сгнить, обветшать стена,
 И тогда ты возлюбишь их,
 А тончайшая вековая пыль
 Будет лакомством для тебя.
 Стелешься там, где жизни нет,
 Древний гость, мой зеленый плющ.

Быстро вьешься ты, хотя крыльев нет,
 Сердце верное у тебя.
 Как ты льнешь к нему, как туго обвил
 Друга милого — вечный дуб!
 Как влачишься ты по сырой земле
 И тихонько шуршишь в листе,

Когда, ласково обнимая, льнешь
К праху тучному у могил!
 Стелешься там, где прах и тлен,
 Древний гость, мой зеленый плющ.

Пронеслись века, память стерла их,
И народы ушли с земли,
Но не блекнет только зеленый плющ —
Он, как встарь, и сочен и свеж.
Одинокий, отважный древний плющ
Силу черпает в днях былых:
Для того же и возводится дом,
Чтобы плющ питать и растить.
 Стелешься, где прошли века,
 Древний гость, мой зеленый плющ.

Пока старый джентльмен вторично читал эти строки, чтобы дать мистеру Снодграссу возможность их записать, мистер Пиквик с величайшим интересом изучал черты его лица. Когда старый джентльмен кончил диктовать, а мистер Снодграсс спрятал записную книжку в карман, мистер Пиквик заговорил:

— Простите меня, сэр, если я, будучи столь мало с вами знаком, осмелюсь сделать одно замечание: я думаю, что такой человек, как вы, несомненно наблюдал за время своего служения церкви много сцен и событий, достойных запоминания.

— Кое-что я, конечно, имел случай наблюдать, — ответил старый джентльмен, — но поскольку сфера моей деятельности весьма ограничена, то события и действующие лица не представляли собой ничего из ряда вон выходящего.

— Однако вы сделали кое-какие записи, касающиеся Джона Эдмондса, не так ли? — осведомился мистер Уордль, которому явно хотелось продемонстрировать своего друга в назидание новым гостям.

Старый джентльмен слегка кивнул в знак согласия и хотел заговорить о другом, но мистер Пиквик сказал:

— Прошу прощения, сэр, разрешите спросить, кто был этот Джон Эдмондс?

— Я хотел задать тот же вопрос, — с жаром вставил мистер Снодграсс.

— Теперь уж вам не отвертеться, — сказал веселый хозяин. — Рано или поздно вы должны будете удовлетворить любопытство этих джентльменов, так воспользуйтесь же удобным случаем и сделайте это сейчас.

Старый джентльмен добродушно улыбнулся и выдвинулся вперед на своем стуле; остальные ближе сдвинули стулья, в особенности мистер Тапмен и незамужняя тетюшка, которые, быть может, были туговаты на ухо; старую леди вооружили слуховым рожком, а мистер Миллер (который заснул во время чтения стихов) очнулся от сна, получив

предостерегающий щипок под столом от бывшего своего партнера, степенного толстого джентльмена, после чего старый священник без всяких предисловий начал следующий рассказ, который мы берем на себя смелость озаглавить:

«Возвращение каторжника»

— Когда я ровно двадцать пять лет назад поселился в этой деревне, — заговорил старый джентльмен, — наихудшей репутацией среди моих прихожан пользовался некто Эдмондс, арендовавший неподалеку отсюда маленькую ферму. Он был угрюмым, злым, дурным человеком, жизнь вел праздную и распутную, нрав имел жестокий. За исключением нескольких ленивых и беспечных бродяг, с которыми он проводил время на полях либо пьянствовал в трактире, не было у него ни друзей, ни знакомых; никто не хотел разговаривать с этим человеком, которого боялись многие, а ненавидели все, — и все сторонились Эдмондса.

Когда я только что сюда приехал, у него была жена и единственный сын лет двенадцати. О жестоких страданиях этой женщины, о кротости и терпении, с которыми она их переносила, о трепетной заботливости, с какой воспитывала мальчика, никто и понятия не имеет. Да простит мне небо мою догадку, если она жестока, но в глубине души я твердо верю, что этот человек систематически, в течение многих лет старался разбить сердце своей жены. Но она переносила все ради сына и — многим это может показаться странным — ради отца своего ребенка, ибо хоть и был он зверем и обращался с ней жестоко, но когда-то она его любила, и воспоминание о том, кем он для нее был, пробуждало в ее груди чувство снисходительности и покорности перед лицом страдания — чувство, которое непонятно ни одному живому существу, кроме женщины.

Они были очень бедны — да и не могло быть иначе, раз муж вел такой образ жизни; но неустанное и неослабное прилежание жены, работавшей и в ранний и в поздний час, утром, в полдень и ночью, спасало их от крайней нужды. Труды ее вознаграждались плохо. Люди, проходившие мимо ее жилища вечером или в поздний час ночи, рассказывали, что до них доносились стоны и рыдания несчастной женщины и глухие удары, и не раз уже за полночь мальчик стучался в дверь соседа, к которому его посылали, чтобы спасти от пьяного, озверевшего отца.

Бедная женщина, которой часто не удавалось скрыть следы побоев, аккуратно посещала нашу маленькую церковь. Каждое воскресенье, утром и после полудня, она занимала вместе со своим мальчиком всегда одну и ту же скамью; и хотя оба были бедно одеты, — значительно хуже, чем большинство их соседей, нуждавшихся еще более, чем они, — одежда их всегда была чистой и опрятной. Все и каждый приветствовали добрым словом «бедную миссис Эдмондс», и, бывало,

измученное ее лицо освещалось чувством глубокой благодарности, когда по окончании службы она останавливалась в аллее вязов, ведущей к церкви, и перебрась несколькими словами с соседом либо, замешкавшись, смотрела с материнской гордостью и любовью на здорового мальчугана, резвившегося со своими приятелями. В такие минуты ее измученное лицо озарялось глубокой благодарностью, и она казалась если не беззаботной и счастливой, то по крайней мере спокойной и довольной.

Прошло пять-шесть лет, мальчик стал здоровым, рослым юношей. Годы, укрепившие хрупкое тело ребенка и влившие в него мужественную силу, согнули спину матери и отняли силу у ее ног; рука, которая должна была бы ее поддерживать, уже не сжимала ее руки, лицо, которое должно было радовать ее, уже не было обращено к ее лицу. Она сидела на старой своей скамье, но место подле нее оставалось незанятым. По-прежнему раскрывала она заботливо Библию, отыскивая нужные места и загибая страницы, но не было того, кто бы читал ее вместе с нею, и крупные слезы капали на книгу, и слова расплывались перед ее глазами. Соседи относились к ней так же ласково, как и встарь, но она отворачивалась, избегая их приветствий. Уже не замедляла она шагов в аллее старых вязов — не было у нее бодрой надежды на счастье. Безутешная женщина надвигала чепец на лицо и торопливо удалялась.

Нужно ли говорить вам о том, что юноша, который, оглядываясь на раннее свое детство, запечатленное в памяти, и пронося воспоминания сквозь жизнь, не мог припомнить ничего, что бы не было так или иначе связано с бесконечными добровольными лишениями, перенесенными матерью ради него, с обидами, оскорблениями и побоями, которые только ради него она претерпевала, — нужно ли говорить вам, что он, безрассудно пренебрегая разбитым ее сердцем, угрюмо, злобно забывая все, что она для него сделала и перенесла, связался с отъявленными негодяями и в безумии своем безудержно устремился по тропе, которая должна была привести его к смерти, ее — к позору? Горе человеческой природе! Мы давно уже это предвидели.

Вскоре должна была исполниться мера скорбей и страданий несчастной женщины. В окрестностях были совершены многочисленные преступления; виновных не нашли, и это придавало им смелости. Дерзкий грабеж, сопровождавшийся отягчающими вину обстоятельствами, побудил усилить бдительность и энергически приступить к розыскам, на что не рассчитывали преступники. Подозрение пало на молодого Эдмондса и его трех товарищей. Его арестовали, заключили в тюрьму, судили, приговорили к смерти.

По сей день звучит в моих ушах дикий, пронзительный женский вопль, раздавшийся в зале суда, когда был вынесен приговор. Этот вопль поразил ужасом сердце преступника, который оставался равнодушным к суду, к приговору, даже к неминуемой смерти. Губы, упрямо сжатые, задрожали и невольно раскрылись, лицо его стало пепель-

но-серым, когда из всех пор выступил холодный пот; дрожь пробежала по мускулистому телу преступника, и он, шатаясь, опустился на скамью.

В порыве душевной муки несчастная мать упала к моим ногам и страстно молила Всемогущего, который до сей поры помогал ей переносить все невзгоды, — молила взять ее из мира скорби и печали и пощадить жизнь единственного ее ребенка. За этим последовал взрыв отчаяния и мучительная борьба, какой, надеюсь, никогда я больше не увижу. Я знал, что в этот час разбилось ее сердце, но ни жалобы, ни ропота я от нее не слышал.

Грустно было видеть, как эта женщина изо дня в день приходила на тюремный двор, ревностно стараясь своей любовью и мольбами смягчить жестокое сердце упрямого сына. Все было тщетно. Он оставался угрюмым, непреклонным и равнодушным. Даже неожиданная замена смертной казни четырнадцатью годами ссылки на каторжные работы не сломила его озлобленного упрямства.

Но дух смирения и выносливости, который так долго поддерживал его мать, не мог побороть физическую слабость и недуги. Она заболела. Она заставила себя подняться с постели, чтобы еще раз навестить сына, но силы ей изменили, и в изнеможении она упала на землю.

Вот тогда-то подверглись испытанию хваленое хладнокровие и равнодушие юноши; его постигло тяжкое возмездие, и он едва не сошел с ума. День миновал, а мать его не навестила; пролетел второй день, третий, и она не пришла к нему; настал вечер, он не видел ее, а через двадцать четыре часа его увезут от нее — быть может, навеки. О, с какой силой захлестнули его давно забытые мысли о прошлом, когда он метался по узкому двору, как будто эти метания могли ускорить для него получение сведений о ней, с какою горечью почувствовал он свою беспомощность и одиночество, когда узнал наконец правду! Его мать, единственное родное ему существо, лежала больная — быть может, умирающая — на расстоянии мили от него. Будь он свободен, не закован в кандалы, через несколько минут он очутился бы подле нее. Он подбежал к воротам, вцепился руками в железную решетку, в отчаянии сотрясал ее так, что она гудела, потом бросился на толстую стену, будто хотел проложить путь сквозь камни, но прочная стена издевалась над жалкими его усилиями, и, заломив руки, он заплакал, как ребенок.

Я принес в тюрьму материнское прощение и благословение сыну, а ей, лежавшей на одре болезни, сообщил о его раскаянии и передал страстную мольбу о прощении. С жалостью и состраданием я прислушивался к словам раскаявшегося преступника, мечтавшего о том, как он по возвращении своем будет утешать и покоить мать. Я не сомневался, что мать его уйдет из этого мира значительно раньше, чем он доберется до места своего назначения.

Его увезли ночью. Спустя несколько недель душа бедной женщины вознеслась — я твердо верю и надеюсь — в обитель вечного бла-

женства и покоя. Над ее останками я совершил погребальную службу. Она лежит на нашем маленьком кладбище. На ее могиле нет плиты. Ее горести были известны людям, добродетели — Богу.

Перед отправкой каторжника было условлено, что он напишет матери, как только получит на это разрешение, и письмо адресует на мое имя. Отец решительно отказался увидеться с сыном с момента его ареста, ему было все равно, жив он или умер. Прошло много лет, и я не имел никаких сведений о каторжнике: истекло больше половины назначенного срока, и, не получив ни одного письма, я решил, что он умер, — пожалуй, хотелось мне на это надеяться.

По прибытии в колонию Эдмондс был отправлен далеко в глубь страны, и, быть может, этим-то и объясняется тот факт, что ни одно из отправленных им писем до меня не дошло. Там прожил он все четырнадцать лет. По истечении этого срока, оставаясь верным старому своему решению и клятве, данной матери, он вернулся в Англию, преодолев бесчисленные трудности, и пешком отправился в родную деревню.

Был ясный августовский воскресный вечер, когда Джон Эдмондс вошел в деревню, которую семнадцать лет назад покинул со стыдом и позором. Кратчайший путь лежал через кладбище. У него забилось сердце, когда он иступил за ограду. Высокие старые вязы, пропускающие сквозь листву яркий луч заходящего солнца, падавший на тенистую дорожку, воскресили воспоминания детства. Он увидел самого себя, цепляющегося за руку матери и мирно идущего в церковь. Вспомнил, как, бывало, заглядывал в ее бледное лицо и как часто у нее на глазах выступали слезы, когда она смотрела на него, слезы, обжигавшие ему лоб, когда она наклонялась, чтобы поцеловать его и он тоже начинал плакать, хотя в ту пору и не подозревал о том, какие это были горькие слезы. Он вспомнил, как часто бегал по этой дорожке вместе с веселыми товарищами, то и дело оглядываясь, чтобы увидеть улыбку матери, услышать ее кроткий голос. И тогда словно поднялась завеса над его воспоминаниями и всплыли в памяти ласковые слова, оставшиеся без ответа, забытые предостережения, нарушенные им обещания; мужество покинуло его, страдания его были невыносимы.

Он вошел в церковь. Вечерняя служба кончилась, прихожане разошлись, но церковь еще не была закрыта. Гулко раздавались шаги в невысоком здании, и здесь была такая тишина, что он почти испугался своего одиночества. Он осмотрелся по сторонам. Все было по-прежнему. Церковь показалась ему меньше, чем раньше, но остались те же старые памятники, на которые он столько раз смотрел с детским благоговением, маленькая кафедра с выцветшей подушкой, престол, перед которым он так часто повторял заповеди, почитаемые в детстве и забытые в годы зрелости. Он подошел к старой скамье; она казалась холодной и покинутой. Унесли подушку, исчезла Библия. Быть может, теперь его мать занимала другую скамью, для людей победнее, или хворала и не могла одна дойти до церкви. Он не смел подумать

о том, чего боялся. Холод пробежал у него по спине, он дрожал, направляясь к выходу.

В дверях он встретил старика, входившего в церковь. Эдмондс отшатнулся — он хорошо его знал, много раз видел он, как тот роет могилы на кладбище. Что скажет он вернувшемуся каторжнику?

Старик посмотрел на незнакомое ему лицо, сказал «добрый вечер» и медленно прошел дальше. Он забыл его.

Эдмондс спустился с холма и вошел в деревню. Было тепло, люди сидели у дверей своих домов или гуляли в маленьких садах, наслаждаясь ясным вечером и отдыхом от работы. Многие поглядывали на него, и он много раз боязливо озирался: узнают ли его, сторонятся ли? Чуть не в каждом доме были чужие лица. Некоторых он узнал. Это были его школьные товарищи — в последний раз он их видел мальчиками, — растолстевшие, окруженные ватагой веселых ребят; в слабом и немощном старике, сидевшем в кресле у двери коттеджа, узнал он человека, которого помнил здоровым и сильным работником; но все они его забыли, и он шел никем не узнанный.

Последние мягкие лучи заходящего солнца упали на землю, бросая яркий отблеск на желтые снопы пшеницы и удлиняя тени фруктовых деревьев, когда он остановился перед старым домом, где прошло его детство, — перед домом, к которому стремился с бесконечной любовью в течение долгих, томительных лет заключения и тоски. Часток был низкий, хотя он прекрасно помнил то время, когда этот же часток казался ему высокой стеной; он заглянул в старый сад. Огородных растений и ярких цветов было в нем больше, чем в прежние времена, но старые деревья уцелели, — вон то самое дерево, под которым он сотни раз лежал, устав от беготни на солнцепеке, и чувствовал, как подкрадывается к нему сладкий безмятежный сон — сон счастливого детства. В доме разговаривали. Он прислушался, но голоса показались ему чужими, он их не узнавал. И звучали они весело; а ведь он прекрасно знал, что в разлуке с ним его бедная старуха-мать не может веселиться, и он отошел. Открылась дверь, и шумно, с громкими криками выбежала группа детей, в дверях появился отец с маленьким мальчиком на руках, и дети окружили его, хлопая в ладоши, увлекая за собой, чтобы втянуть в веселую игру. Каторжник подумал о том, сколько раз на этом самом месте ежился он от страха при виде своего отца. Вспомнил, как часто он дрожа закрывался с головой одеялом и слышал грубые слова, удары и вопли матери. Уходя отсюда, он громко рыдался от душевной боли, но сжал кулаки и в безумной тоске стиснул зубы.

Так вот оно — возвращение, о котором он мечтал на протяжении многих мучительных лет, и ради этого перенес столько страданий! Ни одной приветственной улыбки, ни одного взгляда, несущего прощение, нет дома, где бы нашел он приют, нет руки, которая протянулась бы ему на помощь, — а ведь пришел он в свою родную деревню! По

сравнению с этим одиночеством что значило одиночество в диких дремучих лесах, где не встретишь человека!

Он понял, что там, в далекой стране изгнания и позора, представлял себе родную деревню такой, какую ее покинул, не думал о том, как изменится она за время его отсутствия. Печальная действительность больно его ударила, и глубокое уныние овладело им. У него не хватило мужества наводить справки или явиться к тому единственному человеку, который, по всей вероятности, встретит его ласково и сочувственно. Медленно побрел он дальше; словно чувствуя себя виноватым, он избегал проезжей дороги, свернул на луг, хорошо ему знакомый, закрыл лицо руками и бросился на траву.

Он не заметил, что возле него на насыпи лежит какой-то человек. Когда тот повернулся, чтобы украдкой взглянуть на пришельца, одежда его зашуршала, и Эдмондс поднял голову.

Человек уселся на земле. Это был горбленый старик, с морщинистым желтым лицом, обитатель работного дома. Если судить по одежде. Он казался очень старым, но дряхлостью своей был, по-видимому, обязан распутной жизни или болезням, а не прожитым годам. Он в упор смотрел на незнакомца, и через несколько секунд какой-то странный, тревожный огонек загорелся в его тусклых и сонных глазах, и казалось, они вот-вот выскочат из орбит. Эдмондс приподнялся, встал на колени и пристально стал вглядываться в лицо старика. Они молча смотрели друг на друга.

Старик смертельно побледнел. Задрожав всем телом, он с трудом поднялся. Эдмондс вскочил. Тот отступил на шаг. Эдмондс двинулся к нему.

— Я хочу услышать ваш голос, — хрипло, прерывисто сказал каторжник.

— Не подходи! — крикнул старик и присовокупил страшное проклятие.

Каторжник ближе подошел к нему.

Тот взвизгнул:

— Не подходи! — Обезумев от ужаса, он поднял палку и нанес Эдмондсу тяжелый удар по лицу.

— Отец... дьявол! — сквозь стиснутые зубы пробормотал каторжник. Он рванулся вперед, схватил старика за горло, — но это был его отец, и руки его бессильно опустились.

Старик громко завопил. Этот вопль пронесся над пустынными полями, словно завывание злого духа. Лицо его почернело; из носа и изо рта хлынула кровь и окрасила траву в густой, темно-красный цвет; он зашатался и упал. У него лопнул кровеносный сосуд, и он был мертв раньше, чем сын попытался его поднять.

В том уголке кладбища, — помолчав, сказал старый джентльмен, — в том уголке кладбища, о котором я упоминал выше, похоронен человек, служивший у меня в течение трех лет после этих событий и проявивший такое глубокое раскаяние и смирение, какие редко

приходится наблюдать. При его жизни никто, кроме меня, не знал, кто он такой и откуда пришел. Это был Джон Эдмондс, вернувшийся каторжник.

ГЛАВА VII

о том, как мистер Уинкль, вместо того чтобы метить в голубя и попасть в ворону, метил в ворону и ранил голубка; как клуб крикетистов Дингли Делла состязался с объединенным Магльтоном и как Дингли Делл давал обед в честь объединенных магльтонов, а также о других интересных и поучительных вещах

Утомительный ли день, полный приключений, или снотворное действие, вызванное рассказом священника, повлияли так сильно на мистера Пиквика, но, когда его провели в уютную спальню, не прошло и пяти минут, как он погрузился в крепкий сон без сновидений, из которого его вывело только утреннее солнце, укоризненно бросавшее яркие лучи в его комнату. Мистер Пиквик отнюдь не был лежебокой; он вскочил с постели, как выскакивает пылкий воин из своей палатки.

— Приятное, приятное местечко! — прошептал восторженный джентльмен, открывая окно. — Может ли тот, кто однажды почувствовал влияние подобного пейзажа, жить, созерцая изо дня в день кирпичи и черепицы? Можно ли влачить существование там, где петух встречается только в виде флюгера, где о Пане напоминает только панель и где зелень — только в зеленой лавке? Кто может вынести прозябание в таком месте? Кто, спрашиваю я, может это выдержать? — И, руководствуясь весьма похвальными прецедентами, мистер Пиквик долго вопрошал самого себя, после чего высунул голову из окна и огляделся по сторонам.

Густой сладкий запах сена, сложенного в стога, поднимался к окну его комнаты; цветочные клумбы под окном насыщали воздух своими ароматами; ярко-зеленые лужайки были покрыты утренней росой, которая сверкала на каждом листочке, трепетавшем под легким ветерком, а птицы пели так, словно каждая искрящаяся росинка была для них источником вдохновения.

Мистер Пиквик погрузился в упоительные и сладкие мечты.

— Эй, послушайте! — долетел до него чей-то оклик.

Он посмотрел направо, но никого там не увидел; его глаза обратились налево и пронизали далекое пространство; он возвел их к небу, но там в нем не нуждались, наконец, сделал то, с чего начал бы всякий заурядный человек, а именно посмотрел в сад и увидел мистера Уордля.

— Как поживаете? — осведомился добродушный хозяин, дыша полной грудью в предвкушении наслаждений. — Чудесное утро, не правда ли? Рад, что вы так рано встали. Спускайтесь-ка поживее и приходите сюда. Я буду вас ждать.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОЛИВЕРА ТВИСТА



ПРЕДИСЛОВИЕ

В свое время сочли грубым и непристойным, что я выбрал некоторых героев этого повествования из среды самых преступных и деградировавших представителей лондонского населения.

Не видя никакой причины, в пору писания этой книги, почему подонки общества (поскольку их речь не оскорбляет слуха) не могут служить целям моральным в той же мере, как его пена и сливки, — я дерзнул верить, что это самое «свое время» может и не означать «во все времена» или даже «долгое время». У меня были веские причины избрать подобный путь. Я читал десятки книг о ворах: славные ребята (большой частью любезные), одеты безукоризненно, кошелек туго набит, знатоки лошадей, держат себя весьма самоуверенно, преуспевают в галантных интригах, мастера петь песни, распить бутылку, сыграть в карты или кости — прекрасное общество для самых достойных. Но я нигде не встречался (исключая Хогарта¹) с жалкой действительностью. Мне казалось, что изобразить реальных членов преступной шайки, нарисовать их во всем их уродстве, со всей их гнусностью, показать убогую, нищую их жизнь, показать их такими, каковы они на самом деле, — вечно крадутся они, охваченные тревогой, по самым грязным тропам жизни, и куда бы ни взглянули, везде маячит перед ними большая черная страшная виселица, — мне казалось, что изобразить это — значит попытаться сделать то, что необходимо и что сослужит службе обществу. И я это исполнил в меру моих сил.

Во всех известных мне книгах, где изображены подобные типы, они всегда чем-то прельщают и соблазняют. Даже в «Опере нищего»²

¹ *Хогарт* Уильям (1697—1764) — замечательный английский живописец и график, основоположник нравоописательной сатиры в живописи, создавший несколько классических циклов гравюр, рисующих без прикрас быт и нравы английского общества XVIII века, чем и объясняется замечание Диккенса, что Хогарт является исключением среди бытописателей, идеализирующих преступников.

² «*Опера нищего*» — пародийная комедия поэта Джона Гея (1685—1732), прославившая имя автора, который в описании лондонского «дна» — нищих и преступных обитателей лондонских трущоб — дал сатиру на современное ему буржуазное общество Англии.

жизнь воров изображена так, что, пожалуй, ей можно позавидовать: капитан Макхит, окруженный соблазнительным ореолом власти и завоевавший преданную любовь красивейшей девушки, единственной безупречной героини в пьесе, вызывает у слабовольных зрителей такое же восхищение и желание ему подражать, как и любой обходительный джентльмен в красном мундире, который, по словам Вольтера, купил право командовать двумя-тремя тысячами человек и так храбр, что не боится за их жизнь. Вопрос Джонсона, станет ли кто-нибудь вором, потому что смертный приговор Макхиту был отменен, — кажется мне не относящимся к делу. Я же спрашиваю себя, помешает ли кому-нибудь стать вором то обстоятельство, что Макхит был приговорен к смерти и что существуют Пичум и Локит. И, вспоминая бурную жизнь капитана, его великолепную внешность, огромный успех и великие достоинства, я чувствую уверенность, что ни одному человеку с подобными же наклонностями не послужит капитан предостережением и ни один человек не увидит в этой пьесе ничего, кроме усыпанной цветами дороги, хоть она с течением времени и приводит почтенного честолюбца к виселице.

В самом деле, Грэй высмеивал в своей остроумной сатире общество в целом и, занятый более важными вопросами, не заботился о том, какое впечатление произведет его герой. То же самое можно сказать и о превосходном, сильном романе сэра Эдуарда Бульвера «Поль Клиффорд»¹, который никак нельзя считать произведением, имеющим отношение к затронутой мною теме; автор и сам не ставил перед собой подобной задачи.

Какова же изображенная на этих страницах жизнь, повседневная жизнь Вора? В чем ее очарование для людей молодых и с дурными наклонностями, каковы ее соблазны для самых тупоумных юнцов? Нет здесь ни скачек галопом по вересковой степи, залитой лунным светом, ни веселых пирушек в уютной пещере, нет ни соблазнительных нарядов, ни галунов, ни кружев, ни ботфортов, ни малиновых жилетов и рукавичков, нет ничего от того бахвальства и той вольности, какими с незапамятных времен приукрашивали «большую дорогу». Холодные, серые, ночные лондонские улицы, в которых не найти пристанища; грязные и вонючие логовища — обитель всех пороков; притоны голода и болезни; жалкие лохмотья, которые вот-вот рассыплются, — что в этом соблазнительного?

Однако иные люди столь утонченны от природы и столь деликатны, что не в силах созерцать подобные ужасы. Они не отворачиваются

¹ «Поль Клиффорд» — один из ранних романов (1830) Эдуарда Бульвера, лорда Литтона (1803—1873), автора многочисленных популярных, но не представляющих литературной ценности романов самых различных жанров. В упоминаемом Диккенсом романе автор рисует своего героя, Клиффорда, жертвой среды, толкнувшей его на путь преступлений; Бульвер «спасает» своего героя, заставляя его пройти через очистительную любовь, благодаря которой герой раскаивается и становится весьма уважаемым гражданином.

инстинктивно от преступления, нет, но преступник, чтобы прийти к им по вкусу, должен быть, подобно кушаньям, подан с деликатной приправой. Какой-нибудь Макарони в зеленом бархате — восхитительное создание, ну а Сайкс в бумазейной рубашке невыносим! Какая-нибудь миссис Макарони¹ — особа в короткой юбочке и маскарадном костюме — заслуживает того, чтобы ее изображали в живых картинах и на литографиях, украшающих популярные песенки; ну а Нэнси — существо в бумажном платье и дешевой шали — недопустима! Удивительно, как отворачивается Добродетель от грязных чулок и как Порок, сочетаясь с лентами и ярким нарядом, меняет, подобно замужним женщинам, свое имя и становится Романтикой.

Но одна из задач этой книги — показать суровую правду, даже когда она выступает в облике тех людей, которые столь превознесены в романах, а посему я не утаил от своих читателей ни одной дырки в сюртуке Плуто, ни одной папилютки в растрепанных волосах Нэнси. Я совсем не верил в деликатность тех, которым не под силу их созерцать. У меня не было ни малейшего желания завоевывать сторонников среди подобных людей. Я не питал уважения к их мнению, хорошему или плохому, не добивался их одобрения и не для их развлечения писал.

О Нэнси говорили, что ее преданная любовь к свирепому грабителю кажется неестественной. И в то же время возражали против Сайкса — довольно непоследовательно, как смею я думать, — утверждая, будто краски сгущены, ибо в нем нет и следа тех искупающих качеств, против которых возражали, находя их неестественными в его любовнице. В ответ на последнее возражение замечу только, что, как я опасуюсь, на свете все же есть такие бесчувственные и бессердечные натуры, которые окончательно и безнадежно испорчены. Как бы там ни было, я уверен в одном: такие люди, как Сайкс, существуют, и если пристально следить за ними на протяжении того же периода времени и при тех же обстоятельствах, что изображены в романе, они не обнаружат ни в одном своем поступке ни малейшего признака добрых чувств. То ли всякое, более мягкое человеческое чувство в них умерло, то ли заржавела струна, которой следовало коснуться, и трудно ее найти — об этом я не берусь судить, но я уверен, что дело обстоит именно так.

Бесполезно спорить о том, естественны или неестественны поведение и характер девушки, возможны или невозможны, правильны или нет. Они — сама правда. Всякий, кто наблюдал эти печальные тени жизни, должен это знать. Начиная с первого появления этой жалкой несчастной девушки и кончая тем, как она опускает свою окровавлен-

¹ *Макарони* — кличка английских щеголей в 70-х годах XVIII века, организовавших даже «Макаронический клуб» в Лондоне; эта кличка связана с литературным термином — с так называемой «макаронической поэзией» XVI века, которая характеризовалась смешением латыни с национальными языками и выродилась в словесную буффонаду.

ную голову на грудь грабителя, здесь нет ни малейшего преувеличения или натяжки. Это святая правда, ибо эту правду Бог оставляет в душах развращенных и несчастных; надежда еще тлеет в них; последняя чистая капля воды на дне заросшего тиной колодца. В ней заключены и лучшие и худшие стороны нашей природы — множество самых уродливых ее свойств, но есть и самые прекрасные; это — противоречие, аномалия, кажущиеся невозможными, но это — правда. Я рад, что в ней усомнились, ибо, если бы я нуждался в подтверждении того, что эту правду нужно сказать, последнее обстоятельство вдохнуло бы в меня эту уверенность.

В тысяча восемьсот пятидесятом году один чудак-олдермен во всеуслышание заявил в Лондоне, что острова Джекоба нет и никогда не было. Но и в тысяча восемьсот шестьдесят седьмом году остров Джекоба (по-прежнему место незавидное) продолжает существовать, хотя значительно изменился к лучшему.

ГЛАВА I

*повествует о месте, где родился Оливер Твист,
и обстоятельствах, сопутствовавших его рождению*

Среди общественных зданий в некоем городе, который по многим причинам благоразумнее будет не называть и которому я не дам никакого вымышленного наименования, находится здание, издавна встречающееся почти во всех городах, больших и малых, именно — рабочий дом¹. И в этом рабочем доме родился, — я могу себя не утруждать указанием дня и числа, так как это не имеет никакого значения для читателя, во всяком случае на данной стадии повествования, — родился смертный, чье имя предшествует началу этой главы.

Когда приходский врач² ввел его в сей мир печали и скорбей, долгое время казалось весьма сомнительным, выживет ли ребенок, чтобы получить какое бы то ни было имя; по всей вероятности, эти мемуары никогда не вышли бы в свет, а если бы вышли, то заняли бы не более двух-трех страниц и благодаря этому бесценному качеству являли бы собою самый краткий и правдивый образец биографии из всех сохранившихся в литературе любого века или любой страны.

Хотя я не склонен утверждать, что рождение в рабочем доме само по себе самая счастливая и завидная участь, какая может выпасть на долю человека, тем не менее я полагаю, что при данных условиях это было наилучшим для Оливера Твиста. Потому что весьма трудно было добиться, чтобы Оливер Твист взял на себя заботу о своем дыхании,

¹ *Рабочий дом* — дом призрения (приют) для бедняков в Англии. Нарисованная Диккенсом в романе картина реалистически воспроизводит организацию и порядки английских рабочих домов с их тюремным режимом.

² *Приходский врач* — врач, состоящий на службе в «приходе». В Англии раньше приходом назывался район, во главе которого церковные власти ставили священника с правом взимать с населения налоги в пользу государственной англиканской церкви. Но с течением времени приходом стал называться небольшой район в городах и сельской местности, хозяйственная жизнь которого была подчинена выборному совету граждан. В эпоху Диккенса в Англии было пятнадцать с половиной тысяч приходов. К управлению делами прихода рабочие и крестьяне не допускались, ибо правом голоса обладали только жители с высоким имущественным цензом. В круг ведения приходских властей входила также организация так называемой «помощи бедным», то есть рабочий дом, куда решались вступать только те жители прихода, которые потеряли всякую надежду на улучшение своих жизненных условий.

а это занятие хлопотливое, хотя обычай сделал его необходимым для нашего безболезненного существования. В течение некоторого времени он лежал, задыхающийся, на шерстяном матрасике, находясь в неустойчивом равновесии между этим миром и грядущим и решительно склоняясь в пользу последнего. Если бы на протяжении этого короткого промежутка времени Оливер был окружен заботливыми бабушками, встревоженными тетками, опытными сиделками и премудрыми докторами, он неизбежно и несомненно был бы загублен. Но так как никого поблизости не было, кроме нищей старухи, у которой голова затуманилась от непривычной порции пива, и приходского врача, исполнявшего свои обязанности по договору, Оливер и Природа вдвоем выиграли битву. В результате Оливер после недолгой борьбы вздохнул, чихнул и возвестил обитателям работного дома о новом бремени, ложившемся на приход, испустив такой громкий вопль, какой только можно было ожидать от младенца мужского пола, который три с четвертью минуты назад получил сей весьма полезный дар — голос.

Как только Оливер обнаружил это первое доказательство надлежащей и свободной деятельности своих легких, лоскутное одеяло, небрежно брошенное на железную кровать, зашевелилось, бледное лицо молодой женщины приподнялось с подушки и слабый голос невнятно произнес:

— Дайте мне посмотреть на ребенка — и умереть.

Врач сидел у камина, согревая и потирая ладони. Когда заговорила молодая женщина, он встал и, подойдя к изголовью, сказал ласковее, чем можно было от него ждать:

— Ну, вам еще рано говорить о смерти!

— Конечно, боже избавь! — вмешалась сиделка, торопливо засовывая в карман зеленую бутылку, содержимое которой она с явным удовольствием смаковала в углу комнаты. — Боже избавь! Вот когда она проживет столько, сколько прожила я, сэр, да произведет на свет тринадцать ребят, и из них останутся в живых двое, да и те будут с нею в работном доме, вот тогда она образумится и не будет принимать все близко к сердцу!.. Подумайте, милая, о том, что значит быть матерью! Какой у вас милый ребеночек!

По-видимому, эта утешительная перспектива материнства не произвела надлежащего впечатления. Больная покачала головой и протянула руку к ребенку.

Доктор передал его в ее объятия. Она страстно прижалась холодными, бледными губами к его лбу, провела рукой по лицу, дико осмотрелась вокруг, вздрогнула, откинулась назад... и умерла. Ей растирали грудь, руки и виски, но сердце остановилось навеки. Что-то говорили о надежде и успокоении. Но этого она давно уже не ведала.

— Все кончено, миссис Тингами! — сказал наконец врач.

— Да, все кончено. Ах, бедняжка! — подтвердила сиделка, подхватывая пробку от зеленой бутылки, упавшую на подушку, когда она наклонилась, чтобы взять ребенка. — Бедняжка!

— Вам незачем посылать за мной, если ребенок будет кричать, — сказал врач, медленно натягивая перчатки. — Очень возможно, что он окажется беспокойным. В таком случае дайте ему жидкой каши. — Он надел шляпу, направился к двери и, приостановившись у кровати, добавил: — Миловидная женщина... Откуда она пришла?

— Ее принесли сюда вчера вечером, — ответила старуха, — по распоряжению надзирателя. Ее нашли лежащей на улице. Она пришла издалека, башмаки у нее совсем истоптаны, но откуда и куда она шла — никто не знает.

Врач наклонился к покойнице и поднял ее левую руку.

— Старая история, — сказал он, покачивая головой. — Нет обручального кольца... Ну, спокойной ночи!

Достойный медик отправился обедать, а сиделка, еще раз приложившись к зеленой бутылке, уселась на низкий стул у камина и принялась облачать младенца.

Каким превосходным доказательством могущества одеяния явился юный Оливер Твист! Закутанный в одеяло, которое было доселе единственным его покровом, он мог быть сыном дворянина и сыном нищего; самый родовитый человек едва ли смог бы определить подобающее ему место в обществе. Но теперь, когда его облачили в старую колленкоровую рубашонку, пожелтевшую от времени, он был отмечен и снабжен ярлыком и сразу занял свое место — приходского ребенка, сироты из работного дома, смиренного колодного бедняка, проходящего свой жизненный путь под градом ударов и пощечин, презираемого всеми и нигде не встречающего жалости.

Оливер громко кричал. Если бы мог он знать, что он сирота, оставленный на милосердное попечение церковных старост и надзирателей, быть может, он кричал бы еще громче.

ГЛАВА II

*повествует о том, как рос, воспитывался и как был вскормлен
Оливер Твист*

В течение следующих восьми или десяти месяцев Оливер был жертвой системы вероломства и обманов. Его кормили из рожка. О голодном малютке-сироте, лишенном самого необходимого, власти работного дома доложили надлежащим образом приходским властям. Приходские власти с достоинством запросили властей работного дома о том, нет ли какой-нибудь особы женского пола, проживающей в доме, которая могла бы доставить Оливеру Твисту утешение и питание, столь для него необходимые. На это власти работного дома ответили, что такой особы нет. Тогда приходские власти великодушно и человечно порешили, что Оливера следует поместить «на ферму», или, иными словами, препроводить его в отделение работного дома,

находившееся на расстоянии примерно трех миль, где от двадцати до тридцати других юных нарушителей закона о бедных¹ копошились по целым дням на полу, не страдая от избытка пищи или одежды, под материнским надзором пожилой особы, которая принимала к себе этих преступников за семь с половиной пенсов с души. Семь с половиной пенсов в неделю — недурная сумма на содержание ребенка; немало можно приобрести на семь с половиной пенсов — вполне достаточно, чтобы переполнить желудок и вызвать неприятные последствия. Пожилая особа женского пола была человеком разумным и опытным — она знала, что идет на пользу детям. И она в совершенстве постигла, что идет на пользу ей самой. Поэтому большую часть еженедельной стипендии она оставляла себе, а подрастающему приходскому поколению уделяла значительно меньшую долю, чем та, которая была ему назначена. Иными словами, она открыла в бездонных глубинах еще большую глубину, проявив себя великим философом.

Всем известна история другого философа, который измыслил знаменитую теорию о том, что лошадь может существовать без пищи, и столь успешно доказал ее, что довел ежедневную порцию пищи, получаемую его собственной лошадей, до одной соломинки; несомненно, он сделал бы ее чрезвычайно горячим и резвым животным, если бы она не пала за сутки до того дня, как ей предстояло перейти на отменную порцию воздуха. К несчастью для экспериментальной философии той женщины, чьим заботам и покровительству был поручен Оливер Твист, к таким же результатам обычно приводило применение ее системы; потому что в ту самую минуту, когда дитя научалось поддерживать в себе жизнь ничтожной долей самой непитательной пищи, по превратности судьбы, в восьми с половиной случаях из десяти, оно или заболело от голода и холода, или по недосмотру падало в огонь, или погибало от удушья. В любом из этих случаев несчастный малютка отправлялся в иной мир, чтоб там соединиться со своими родителями, коих он не ведал в этом.

Иной раз, когда производилось особо строгое следствие о приходском ребенке, за которым недосмотрели, а он опрокинул на себя кровать, или которого неумышленно обварили насмерть во время стирки белья — впрочем, последнее случалось не часто, ибо все хоть сколько-нибудь напоминающее стирку было редким событием на ферме, — присяжным иной раз приходило в голову задавать неприятные вопросы, а прихожане возмущались и подписывали протест. Но эти дерзкие выступления тотчас же пресекались в корне после показания врача и

¹ *...юные нарушители закона о бедных...* — Диккенс имеет в виду закон 1834 года, по которому работный дом стоял в центре всей системы помощи бедным; приходским властям только в исключительных случаях разрешалось помещать сирот не в работном доме, а отдавать на фермы, где за ними, кстати сказать, не было никакого ухода, как и в работном доме. Таким образом, то, что Оливера отправили на ферму, являлось некоторым отступлением от закона 1834 года, и поэтому Диккенс называет младенцев, находящихся на ферме, «юными нарушителями закона».

свидетельства бидла¹; первый всегда вскрывал труп и ничего в нем не находил — это было в высшей степени правдоподобно, а второй неизменно показывал под присягой все, что было угодно приходу, — это было в высшей степени благочестиво. Вдобавок, члены совета регулярно посещали ферму и накануне всегда посылали бидла известить о своем прибытии. Когда они приезжали, дети были милы и опрятны, а можно ли требовать большего!

Нельзя ожидать, чтобы такая система воспитания на ферме давала какой-нибудь необычайный или богатый урожай. И в тот день, когда Оливеру Твисту исполнилось девять лет, он был бледным, чахлым ребенком, малорослым и несомненно тощим. Но природа заронила добрые семена в грудь Оливера, и они развивались себе на свободе, чему весьма способствовала скудная диета, принятая в учреждении. И, быть может, этому обстоятельству Оливер был обязан тем, что увидел день, когда ему минуло девять лет.

Как бы там ни было, но это был день его рождения, и он проводил его в погребе для угля — в избранном обществе двух юных джентльменов, которые, разделив с ним основательную порку, были посажены под замок за то, что дерзко осмелились заявить, будто они голодны, — как вдруг миссис Манн, славная леди, возглавляющая это учреждение, была потрясена внезапным появлением мистера Бамбла, бидла, который старался открыть калитку в воротах сада.

— Господи помилуй! Это вы, мистер Бамбл? — воскликнула миссис Манн, высовывая голову из окна и искусно притворяясь чрезвычайно обрадованной. — (Сьюзен, приведите наверх Оливера и тех двух мальчишек и сейчас же их вымойте!) Ах, боже мой! Мистер Бамбл, как я рада вас видеть!

Мистер Бамбл был человек дородный и раздражительный; вместо того чтобы должным образом ответить на это «чистосердечное» приветствие, он отчаянно тряхнул калитку, а затем угостил ее таким пинком, какого можно было ждать только от ноги бидла.

— Ах, боже мой! — вскричала миссис Манн, выбежав из дому, ибо три мальчика были к тому времени доставлены наверх. — Подумать только! Как же это я могла позабыть о том, что из-за наших милых ребят калитка заперта изнутри! Войдите, сэр, прошу вас, войдите, мистер Бамбл, войдите, сэр!

Хотя это приглашение сопровождалось реверансом, который мог растрогать сердце церковного старосты, оно отнюдь не смягчило бидла.

¹ *Бидл* — низшее должностное лицо в приходе. Первоначально бидл был курьером приходских собраний, а также простым исполнителем распоряжений чиновника, ведающего в приходе призрением бедных, но вскоре стал фактически заменять этого чиновника, присвоив его функции, — он по своему произволу решал вопрос о материальном положении неимущих, осуществляя полицейский надзор в работном доме, в церкви, а нередко и в пределах прихода. Диккенс часто изображает в своих произведениях этого чиновника (см. в особенности гл. I в «Очерках Боза») и всегда рисует его резко отрицательно, убедившись на опыте в том, что бидл обладал бесконтрольной властью над судьбой бедняков, нередко являющихся жертвой его произвола.

— Неужели, миссис Манн, вы считаете почтительным или пристойным, — осведомился мистер Бамбл, сжимая свою трость, — заставлять приходских должностных лиц ждать у садовой калитки, когда они являются сюда по приходским делам, связанным с приходскими сиротами? Известно ли вам, миссис Манн, что вы, так сказать, выборное лицо прихода и получаете жалованье?

— Право же, мистер Бамбл, я только сообщила кое-кому из наших милых деток, которые вас так любят, что это вы пришли, — с большим смирением ответила миссис Манн.

Мистер Бамбл был высокого мнения о своем ораторском даровании и о своей значительности. Он выказал первое и утвердил второе. Он смягчился.

— Ладно, миссис Манн, — ответил он более спокойным тоном, — быть может, и так. Войдемте в дом, миссис Манн. Я пришел по делу и должен вам кое-что сообщить.

Миссис Манн ввела бидла в маленькую гостиную с кирпичным полом, подала ему стул и услужливо положила перед ним на стол его треуголку и трость. Мистер Бамбл вытер со лба пот, выступивший после прогулки, бросил самодовольный взгляд на треуголку и улыбнулся. Да, он улыбнулся. Бидлы в конце концов тоже люди, и мистер Бамбл улыбнулся.

— А теперь не обижайтесь на то, что я вам скажу, — заметила миссис Манн с чарующей любезностью. — Вы совершили, знаете ли, большую прогулку, иначе я бы не стала об этом упоминать. Мистер Бамбл, не выпьете ли вы капельку?..

— Ни капли! Ни капли! — сказал мистер Бамбл, махнув правой рукой с достоинством, но благодушно.

— Я думаю, все-таки можно выпить, — сказала миссис Манн, отметив про себя тон отказа и жест, его сопровождавший. — Одну капельку, и немножко холодной воды и кусочек сахара.

Мистер Бамбл кашлянул.

— Только одну капельку, — убеждала миссис Манн.

— Капельку чего именно? — осведомился бидл.

— Того самого, что я обязана держать в доме для милых малюток, чтобы подбавлять в эликсир Даффи¹, когда они нездоровы, мистер Бамбл, — ответила миссис Манн, открывая буфет и доставая бутылку и стакан. — Это джин. Я не хочу вас обманывать, мистер Бамбл. Это джин.

— Вы даете детям Даффи, миссис Манн? — спросил Бамбл, следя глазами за интересной процедурой приготовления смеси.

— Да благословит их Бог, даю, хотя это и дорого стоит, — ответила воспитательница. — Знаете ли, сэр, я не могу видеть, как они страдают у меня на глазах.

¹ *Эликсир Даффи* — популярная детская микстура. Это название перенесено было на джин (можжевеловую водку).

— Вот именно, — одобрительно сказал мистер Бамбл, — не можете. Вы добрая женщина, миссис Манн. — Она поставила стакан на стол. — Я воспользуюсь первым удобным случаем, чтобы доложить об этом совету, миссис Манн. — Он придвинул к себе стакан. — У вас материнские чувства, миссис Манн. — Он размешал джин с водой. — Я... я с удовольствием выпью за ваше здоровье, миссис Манн.

И он залпом выпил полстакана.

— А теперь к делу, — продолжал бидл, доставая кожаный бумажник. — Ребенку Твисту, которого окрестили Оливером, исполнилось сегодня девять лет.

— Да благословит его Бог! — вставила миссис Манн, докрасна расстирая себе левый глаз кончиком передника.

— И, несмотря на предложенную награду в десять фунтов, которая затем была увеличена до двадцати фунтов, несмотря на чрезвычайные и, я бы сказал, сверхъестественные усилия со стороны прихода, — продолжал Бамбл, — нам так и не удалось узнать, кто его отец, а также местожительство, имя и звание его матери.

Миссис Манн с изумлением воздела руки, но после недолгого раздумья спросила:

— Как же тогда он вообще получил какую-то фамилию?

Бидл горделиво выпрямился и сказал:

— Это я придумал.

— Вы, мистер Бамбл?

— Я, миссис Манн. Мы даем фамилии нашим питомцам в алфавитном порядке. Последний был на букву С — я его назвал Суобл. Этот был на букву Т — его я назвал Твист. Следующий будет Унуин, а затем Филиппс. Я придумал фамилии до конца алфавита и, когда мы дойдем до буквы Z, снова начну с начала.

— Да ведь вы настоящий писатель, сэр! — воскликнула миссис Манн.

— Ну-ну! — сказал бидл, явно польщенный комплиментом. — Может быть, и так... Может быть, и так, миссис Манн.

Он допил джин с водой и прибавил:

— Так как Оливер теперь подросток и не может оставаться здесь, совет решил отправить его обратно в работный дом. Я пришел сам, чтобы отвести его туда. Покажите-ка мне его поскорее.

— Я сейчас же его приведу, — сказала миссис Манн, выходя из комнаты.

Оливер, освободившись к тому времени от того верхнего слоя грязи, покрывавшей его лицо и руки, какой можно было соскрести за одно умывание, был введен в комнату своей милостивой покровительницей.

— Поклонись джентльмену, Оливер, — сказала миссис Манн.

Оливер отвесил поклон, предназначавшийся как бидлу на стуле, так и треуголке на столе.

— Хочешь пойти со мной, Оливер? — величественно спросил мистер Бамбл.

Оливер готов был сказать, что очень охотно уйдет отсюда с кем угодно, но, подняв глаза, встретил взгляд миссис Манн, которая поместилась за стулом бидла и с разъяренной физиономией грозила ему кулаком. Он сразу понял намек — кулак слишком часто оставлял отпечатки на его теле, чтобы не запечатлеться глубоко в памяти.

— А она пойдет со мной? — спросил бедный Оливер.

— Нет, она не может пойти, — ответил мистер Бамбл. — Но иногда она будет тебя навещать.

Это было не очень большим утешением для мальчика. Однако, как ни был он мал, у него хватило ума притвориться, будто он с большим сожалением покидает эти места. Ему совсем нетрудно было проследить за голодом и дурное обращение — великие помощники в тех случаях, когда вам нужно заплакать. И Оливер плакал и в самом деле очень естественно. Миссис Манн подарила ему тысячу поцелуев и — в этом Оливер нуждался гораздо больше — кусок хлеба с маслом, чтобы он не показался чересчур голодным, когда придет в работный дом.

С ломтем хлеба в руке и в коричневой приходской шапочке Оливер был уведен мистером Бамблом из гнусного дома, где ни одно ласковое слово, ни один ласковый взгляд ни разу не озарили его унылых младенческих лет. И все же детское его горе было глубоко, когда за ним закрылись ворота коттеджа. Как ни были жалки его маленькие товарищи по несчастью, которых он покидал, — это были единственные его друзья. И сознание своего одиночества в великом, необъятном мире впервые проникло в сердце ребенка.

Мистер Бамбл шел большими шагами; маленький Оливер, крепко ухватившись за его обшитый золотым галуном обшлаг, рысцой бежал рядом с ним и через каждую четверть мили спрашивал: «Далеко ли еще?» На эти вопросы мистер Бамбл давал очень короткие и резкие ответы, так как недолговечная приветливость, какую пробуждает в иных сердцах джин с водой, к тому времени испарилась, и он снова стал бидлом.

Оливер пробыл в стенах работного дома не более четверти часа и едва успел покончить со вторым ломтем хлеба, как мистер Бамбл, оставивший его на попечение какой-то старухи, вернулся и, рассказав о происходившем в тот вечер заседании совета, объявил ему, что, по желанию совета, он должен немедленно предстать перед ним.

Не имея достаточно ясного представления о том, что такое совет, Оливер был ошеломлен этим сообщением и не знал, смеяться ему или плакать. Впрочем, ему некогда было об этом раздумывать, так как мистер Бамбл ударил его тростью по голове, чтобы расшевелить, и еще раз по спине, чтобы подбодрить, и, приказав следовать за собой, повел его в большую выбеленную известкой комнату, где сидели вокруг стола восемь или десять толстых джентльменов. Во главе стола

восседал в кресле, более высоком, чем остальные, чрезвычайно толстый джентльмен с круглой красной физиономией.

— Поклонись совету, — сказал Бамбл.

Оливер смахнул две-три еще не высохшие слезинки и, видя перед собой стол, по счастью, поклонился ему.

— Как тебя зовут, мальчик? — спросил джентльмен, восседавший в высоком кресле.

Оливер испугался стольких джентльменов, приводивших его в трепет, а бидл угостил его сзади еще одним пинком, который заставил его расплакаться. По этим двум причинам он ответил очень тихо и нерешительно, после чего джентльмен в белом жилете обозвал его дураком, сразу развеселился и пришел в прекрасное расположение духа.

— Мальчик, — сказал джентльмен в высоком кресле, — слушай меня. Полагаю, тебе известно, что ты сирота?

— Что это такое, сэр? — спросил бедный Оливер.

— Мальчик — дурак! Я так и думал, — сказал джентльмен в белом жилете.

— Тише! — сказал джентльмен, который говорил первым. — Тебе известно, что у тебя нет ни отца, ни матери и что тебя воспитал приход, не так ли?

— Да, сэр, — ответил Оливер, горько плача.

— О чем ты плачешь? — спросил джентльмен в белом жилете.

И в самом деле — очень странно! О чем мог плакать этот мальчик?

— Надеюсь, ты каждый вечер читаешь молитву, — суровым голосом сказал другой джентльмен, — и молишься — как надлежит христианину — за тех, кто тебя кормит и о тебе заботится?

— Да, сэр, — заикаясь, ответил мальчик.

Джентльмен, говоривший последним, сам того не сознавая, был прав. Оливер и в самом деле был бы христианином и на редкость хорошим христианином, если бы молился за тех, кто *его* кормит и о *нем* заботится. Но он не молился, потому что никто его этому не учил.

— Прекрасно! Тебя привели сюда, чтобы воспитать и обучить полезному ремеслу, — сказал краснолицый джентльмен, сидевший в высоком кресле.

— И завтра же, с шести часов утра, ты начнешь трепать пеньку, — добавил угрюмый джентльмен в белом жилете.

В благодарность за соединение этих двух благодеяний в несложной операции трепанья пеньки Оливер, по указанию бидла, низко поклонился и был поспешно уведен в большую комнату, где на грубой, жесткой кровати он рыдал, пока не заснул. Какая превосходная иллюстрация к милосердным законам Англии! Они разрешают беднякам спать!

Бедный Оливер! Он спал в счастливом неведении, не помышляя о том, что в этот самый день совет вынес решение, которое должно было повлиять на всю его дальнейшую судьбу. Но совет вынес решение. Оно заключалось в следующем.

Члены этого совета были очень мудрыми, проникательными философами, и, когда они наконец обратили внимание на рабочий дом, они тотчас подметили то, чего никогда бы не обнаружили простые смертные, а именно: бедняки любили рабочий дом! Это было поистине место общественного увеселения для бедных классов; харчевня, где не нужно платить; даровой завтрак, обед, чай и ужин круглый год; рай из кирпича и известки, где все игра и никакой работы! «Ого! — с глубокомысленным видом изрек совет. — Нам-то и надлежит навести порядок. Мы немедленно положим этому конец». И члены совета постановили, чтобы всем бедным людям был предоставлен выбор (так как, разумеется, они никого не хотели принуждать) либо медленно умирать голодной смертью в рабочем доме, либо быстро умереть вне его стен. С этой целью они заключили договор с водопроводной компанией на снабжение водой в неограниченном количестве и с агентом по торговле зерном на регулярное снабжение овсянкой в умеренном количестве и постановили давать три раза в день жидкую кашу, луковицу дважды в неделю и полбулки по воскресеньям. Они сделали еще очень много мудрых и гуманных распоряжений, касающихся женщин, но их нет необходимости перечислять. Они милостиво согласились давать развод женатым беднякам ввиду больших издержек, сопряженных с бракоразводным процессом в Докторс-Коммонс¹. И вместо того чтобы заставлять человека содержать семью, как они делали раньше, они отнимали у него семью и превращали его в холостяка! Трудно сказать, сколько просителей из всех слоев общества обратилось бы к ним за пособием, имея в виду эти два последних пункта, если бы оно не было связано с рабочим домом, но члены совета были люди предусмотрительные и приняли меры против такого осложнения. Пособие было неразрывно связано с рабочим домом и кашей, и это отпугивало людей.

В течение первого полугодия после появления Оливера Твиста систему применяли повсюду. Сначала она потребовала немалых расходов, ибо счет гробовщика увеличился и приходилось непрерывно ушивать одежду бедняков, которая после одной-двух недель каши висела мешком на их исхудавших телах. Но число обитателей рабочего дома стало таким же тощим, как и сами бедняки, и совет был в восторге.

Мальчиков кормили в большом зале с кирпичными стенами; в одном конце его находился котел, и из этого котла в часы, назначенные для принятия пищи, надзиратель, надев передник, с помощью одной или двух женщин раздавал кашу. Каждый мальчик получал одну ми-

¹ *Докторс-Коммонс* — так первоначально называлась корпорация (общество) юристов, занимавшихся адвокатской практикой в особом — церковном — суде, где слушались дела бракоразводные, по утверждению завещаний и споры по наследству, а также некоторые другие. Название этой корпорации юристов перенесено было на дома, где они имели свои конторы и проживали, а затем — на суд, находившийся в одном из этих домов и разбиравший упомянутые выше дела (этот суд был упразднен только в 1857 году).

сочку этого превосходного месива — не больше, за исключением больших праздников, когда он, кроме того, получал две с четвертью унции хлеба. Миски никогда не приходилось мыть. Мальчики скоблили их ложками, пока они не начинали снова блестеть; покончив с этой операцией (которая никогда не отнимала много времени, так как ложки были почти такой же величины, как миски), они сидели, впиваясь в котел такими жадными глазами, словно собирались пожрать кирпичи, которыми он был обложен, и занимались тем, что жадно обсасывали себе пальцы в надежде найти крупички каши, случайно на них оставшейся. Мальчики обычно отличаются прекрасным аппетитом. Оливер Твист и его товарищи на протяжении трех месяцев терпели муки, медленно умирая от недоедания; наконец они стали такими жадными и так обезумели от голода, что один мальчик, который был рослым для своих лет и не привык к такому положению вещей (его отец содержал когда-то маленькую харчевню), мрачно намекнул товарищам, что, если ему не прибавят миски каши *per diem*, он боится, как бы случайно не съесть ночью спящего с ним рядом тщедушного мальчика. Глаза у него были дикие, голодные, и дети слепо ему поверили. Посоветовались; был брошен жребий, кому подойти в тот вечер после ужина к надзирателю и попросить еще каши. И жребий выпал Оливеру Твисту.

Настал вечер; мальчики заняли свои места. Надзиратель в поварском наряде поместился у котла; его нищие помощники расположились за его спиной. Каша была разлита по мискам. И длинная молитва была прочитана перед скудной едой. Каша исчезла; мальчики перешептывались друг с другом и подмигивали Оливеру, а ближайшие соседи подталкивали его. Маленький Оливер впал в отчаяние от голода и стал безрассудным от горя. Он встал из-за стола и, подойдя с миской и ложкой в руке к надзирателю, сказал, немножко испуганный своей дерзостью:

— Простите, сэр, я хочу еще.

Надзиратель был дюжий, здоровый человек, однако он сильно поbledнел. Остолбенев от изумления, он смотрел несколько секунд на маленького мятежника, а затем, ища поддержки, прислонился к котлу. Помощники онемели от удивления, мальчики — от страха.

— Что такое?.. — слабым голосом произнес наконец надзиратель.

— Простите, сэр, — повторил Оливер, — я хочу еще.

Надзиратель ударил Оливера черпаком по голове, крепко схватил его за руки и завопил, призывая бидла.

Совет собрался на торжественное заседание, когда мистер Бамбл в великом волнении ворвался в комнату и, обращаясь к джентльмену, вossaдавшему в высоком кресле, сказал:

— Мистер Лимкинс, прошу прощения, сэр! Оливер Твист попросил еще каши!

Произошло всеобщее смятение. Лица у всех исказились от ужаса.



George Cruikshank

— Простите, сэр, — повторил Оливер, — я хочу еще.

— Еще каши?! — переспросил мистер Лимкинс. — Успокойтесь, Бамбл, и отвечайте мне вразумительно. Так ли я вас понял: он попросил еще, после того как съел полагающийся ему ужин?

— Так оно и было, сэр, — ответил Бамбл.

— Этот мальчик кончит жизнь на виселице, — сказал джентльмен в белом жилете. — Я знаю: этот мальчик кончит жизнь на виселице.

Никто не опровергал пророчества джентльмена. Началось оживленное обсуждение. Было предписано немедленно отправить Оливера в заточение; а на следующее утро к воротам было приклеено объявление, что любому, кто пожелает освободить приход от Оливера Твиста,

предлагается вознаграждение в пять фунтов. Иными словами, вознаграждение в пять фунтов и Оливер Твист были предложены любому мужчине или женщине, которые, занимаясь ремеслом, торговлей или чем-либо иным, нуждались в ученике.

— Никогда и ни в чем, — сказал джентльмен в белом жилете, постучав на следующее утро в ворота и прочитав объявление, — я не был так уверен, как в том, что этот мальчик кончит жизнь на виселице.

Намереваясь показать в дальнейшем, прав или не прав был джентльмен в белом жилете, я не стану лишать занимательности это повествование (полагая, что оно обладает этим качеством) и не осмелюсь намекнуть, ждет ли Оливера Твиста такая страшная смерть или нет.

ГЛАВА III

рассказывает о том, как Оливер Твист едва не поступил на место, которое оказалось бы отнюдь не sinecurой

В течение недели после совершения кощунственного и позорного преступления — просьбы о добавочной порции — Оливер сидел взаперти в темной и пустой комнате, куда его заключили по мудрому и милосердному распоряжению совета. На первый взгляд как будто разумно предположить, что если бы он отнесся с должным почтением к предсказанию джентльмена в белом жилете, то раз и навсегда подтвердил бы пророческий дар этого джентльмена, прикрепив один конец носового платка к крюку в стене и повесившись на другом его конце. Однако для совершения этого подвига существовало одно препятствие, а именно: носовые платки, отнесенные к предметам роскоши, были на все грядущие века отторгнуты от носов бедных людей по специальному приказу совета, собравшегося в полном составе, — по приказу, который был скреплен подписями и печатью и торжественно оглашен.

Еще более серьезным препятствием являлись юный возраст и ребяческий нрав Оливера. Он горько проплакал весь день, а когда настала длинная, унылая ночь, он заслонил руками глаза, чтобы не видеть тьмы, и, забившись в угол, постарался уснуть. То и дело он просыпался, приподнимаясь и вздрагивая, и все теснее и теснее прижимался к стене, чувствуя, что холодная, твердая ее поверхность как бы служит ему защитой от одиночества во мраке, его окружающем.

Да не подумают враги «системы», что во время своего одиночного заключения Оливер был лишен упражнений, необходимых для здоровья, лишен приличного общества и духовного утешения. Что касается упражнений, то стояла чудесная холодная погода и ему разрешалось каждое утро совершать обливание под насосом в обнесенном кирпичной стеной дворе, в присутствии мистера Бамбла, который заботился о том, чтобы он не простудился, и с помощью трости вызывал ощущение

ние теплоты во всем его теле. Что касается общества, то каждые два дня его водили в зал, где обедали мальчики, и там секли при всех для примера и предостережения остальным. А для того чтобы не лишить его духовного утешения, его выгоняли пинками каждый вечер в час молитвы в тот же зал и там разрешали утешать свой дух, слушая общую молитву мальчиков, содержащую специальное дополнение, внесенное по распоряжению совета; в этом дополнении они просили сделать их хорошими, добродетельными, довольными и послушными и избавить от грехов и пороков Оливера Твиста: о последнем в молитве было отчетливо сказано, что он находится под особым покровительством и защитой злых сил и является изделием, выпущенным прямо с фабрики самого дьявола.

Однажды утром, когда Оливер находился в столь же утешительном положении, мистер Гэмфилд, трубочист, шел по Хай-стрит, глубоко-мысленно обдумывая пути и способы уплатить недоимки по арендной плате, которую его квартирохозяин требовал довольно настойчиво. При самом оптимистическом подсчете своих финансов мистер Гэмфилд никак не мог насчитать пяти фунтов, каковая сумма была ему нужна; придя в некое арифметическое отчаяние, он то ломал себе голову, то старался проломить ее своему ослу, как вдруг, поравнявшись с рабочим домом, заметил на воротах объявление.

— Тпру-у, — сказал мистер Гэмфилд ослу.

Осел пребывал в глубокой задумчивости, размышляя, должно быть, о том, суждено ли ему получить одну-две кочерыжки, когда он избавится от двух мешков сажи, которыми была нагружена тележка; поэтому, не расслышав приказания, он продолжал рысцой подвигаться вперед.

Мистер Гэмфилд разразился неистовыми проклятиями, относившимися к ослу и в особенности к его глазам, и, бросившись за ним, нанес ему удар по голове, от которого неизбежно раскололся бы любой череп, кроме ослиного. Затем, схватив осла за узду, он сильно ее дернул, с целью любезно напомнить ему, кто его хозяин, и таким манером повернул его обратно. После этого он еще раз треснул его по голове, чтобы тот не очухался до самого его возвращения. Покончив с этими приготовлениями, он подошел к воротам прочесть объявление.

Заложив руки за спину, у ворот стоял джентльмен в белом жилете, высказавший только что несколько глубоких мыслей в комнате, где заседал совет. Наблюдая маленькую размолвку между мистером Гэмфилдом и ослом, он радостно улыбнулся, когда этот человек подошел прочесть объявление, ибо он сразу угадал, что мистер Гэмфилд — именно такой хозяин, какой нужен Оливеру Твисту. Прочитав бумагу, мистер Гэмфилд тоже улыбнулся, так как ему необходима была именно сумма в пять фунтов; что же касается мальчика, являвшегося придатком к этой сумме, то мистер Гэмфилд, зная, какова пища в рабочем доме, был уверен, что мальчик окажется очень миниатюрным эк-

земляром, весьма подходящим для дымоходов. Поэтому он снова прочел по складам объявление от начала до конца и затем, притронувшись в знак почтения к своей меховой шапке, обратился к джентльмену в белом жилете.

— Этот мальчик, сэр, которого приход хочет отдать в ученье... — начал мистер Гэмфилд.

— Да, любезный, — со снисходительной улыбкой отозвался джентльмен в белом жилете. — Что вы о нем скажете?

— Если приход желает, чтобы он обучился приятному ремеслу, доброму почтенному ремеслу трубочиста, — продолжал мистер Гэмфилд, — то могу сказать, что мне нужен ученик и я готов его взять.

— Войдите, — сказал джентльмен в белом жилете.

Мистер Гэмфилд, замешкавшись позади, угостил осла еще одним ударом по голове и еще раз дернул его за узду, предостерегая, чтобы он не убежал во время его отсутствия, а затем последовал за джентльменом в белом жилете в ту комнату, где Оливер впервые увидел этого джентльмена.

— Это скверное ремесло, — сказал мистер Лимкинс, когда Гэмфилд снова заявил о своем желании.

— Случалось, что мальчики задыхались в дымоходах, — произнес другой джентльмен.

— Это потому, что смачивали солому, прежде чем зажечь ее в камине, чтобы заставить мальчика выбраться наружу, — сказал Гэмфилд. — От этого только дым валит, а огня нет! Ну, а от дыму нет никакого толку, он не заставит мальчика вылезти, он его усыпляет, а мальчишке этого только и нужно. Мальчишки — народ очень упрямый и очень ленивый, джентльмены, и ничего нет лучше славного горячего огонька, чтобы заставить их быстрехонько спуститься. К тому же это доброе дело, джентльмены, потому как, если они застрянут в дымоходе, а им начнешь поджаривать пятки, они изо всех сил стараются высвободиться.

Такое объяснение как будто очень позабавило джентльмена в белом жилете, но веселость эта быстро угасла от взгляда, брошенного на него мистером Лимкинсом. Затем члены совета беседовали между собой в течение нескольких минут, но так тихо, что можно было слышать только слова: «сокращение расходов», «прекрасно отразится на балансе», «выпустим печатный отчет». Да и эти слова удалось слышать только потому, что их повторяли очень часто и выразительно.

Наконец перешептывание прекратилось, и, когда члены совета вернулись на свои места и снова обрели торжественный вид, мистер Лимкинс сказал:

— Мы обсудили ваше предложение и не одобряем его.

— Отнюдь не одобряем, — сказал джентльмен в белом жилете.

— Решительно не одобряем, — добавили остальные члены совета.

Так как мистеру Гэмфилду случилось пострадать от пустячного обвинения в том, что он забил до смерти трех или четырех мальчиков, то

у него мелькнула мысль, что члены совета, по какому-то непонятному капризу, вообразили, будто это обстоятельство, не имеющее отношения к делу, должно повлиять на их решение. Правда, это отнюдь не походило на их обычный образ действия, однако, не имея особого желания воскрешать старые слухи, он повертел в руках шапку и медленно отошел от стола.

— Стало быть, вы не хотите отдать его мне, джентльмены? — спросил мистер Гэмфилд, приостановившись у двери.

— Не хотим, — ответил мистер Лимкинс, — ремесло у вас скверное, и мы считаем, что надо снизить предложенную нами премию.

Физиономия мистера Гэмфилда прояснилась; он быстрым шагом подошел к столу и сказал:

— Сколько дадите, джентльмены? Ну-ка! Не обижайте бедного человека. Сколько дадите?

— Я бы сказал, что трех фунтов десяти шиллингов хватит за глаза, — ответил мистер Лимкинс.

— Десять шиллингов сбросить, — вмешался джентльмен в белом жилете.

— Послушайте! — сказал Гэмфилд. — Порешим на четырех фунтах, джентльмены. Порешим на четырех фунтах, и вы избавитесь от него раз и навсегда. Идет?

— Три фунта десять, — твердо повторил мистер Лимкинс.

— Послушайте, джентльмены, разделим разницу пополам, — предложил Гэмфилд. — Три фунта пятнадцать.

— Ни одного фартинга не прибавлю, — был твердый ответ мистера Лимкинса.

— Уж очень вы меня прижимаете, джентльмены, — нерешительно сказал Гэмфилд.

— Ну-ну! Вздор! — сказал джентльмен в белом жилете. — Он стоит того, чтобы его взяли без всякой премии. Забирайте его, глупый вы человек! Это самый подходящий для вас мальчик. Время от времени его нужно угощать палкой — это пойдет ему на пользу. А его содержание не обойдется дорого, потому что его не закармливали с самого рождения. Ха-ха-ха!

Мистер Гэмфилд хитрым взглядом окинул лица сидевших за столом и, заметив, что они улыбаются, сам начал ухмыляться. Сделка была заключена. Мистеру Бамблу немедленно объявили, что Оливер и его документы должны быть в тот же день препровождены к судье для подписи и утверждения.

Во исполнение этого решения маленького Оливера, крайне удивленного, выпустили из заточения и приказали надеть чистую рубашку. Едва он успел покончить с этим совершенно непривычным гимнастическим упражнением, как мистер Бамбл собственноручно принес ему миску с кашей и праздничную порцию хлеба — две с четвертью унции.

При этом потрясающем зрелище Оливер жалобно заплакал: он подумал, — и это было вполне естественно, — что совет решил убить его

для каких-нибудь полезных целей, в противном случае его ни за что не стали бы так откармливать.

— Не плачь, Оливер, а то глаза покраснеют. Ешь свою кашу и будь благодарен! — сказал мистер Бамбл внушительным и торжественным тоном. — Тебя собираются отдать в ученье, Оливер.

— В ученье, сэр? — дрожа, переспросил мальчик.

— Да, Оливер, — сказал мистер Бамбл. — Добрые и милосердные джентльмены, которые заменяют тебе родителей, Оливер, потому что своих у тебя нет, хотят отдать тебя в ученье, поставить на ноги и сделать из тебя человека, хотя это обойдется приходу в три фунта десять шиллингов! Три фунта десять, Оливер! Семьдесят шиллингов... сто сорок шестипенсовиков! И все это для дрянного сироты, которого никто не может полюбить!

Когда мистер Бамбл, устрашающим голосом произнеся эту речь, остановился, чтобы перевести дух, слезы заструились по лицу бедного мальчика, и он горько зарыдал.

— Полно, — сказал мистер Бамбл уже не таким торжественным тоном, ибо ему лестно было видеть, какое впечатление производит его красноречие. — Полно, Оливер! Вытри глаза обшлагом куртки и не роняй слез в кашу. Это очень неразумно, Оливер.

И в самом деле это было неразумно, так как в каше и без того было достаточно воды.

По пути к судье мистер Бамбл сообщил Оливеру, что он сейчас должен казаться счастливым и, когда старый джентльмен спросит его, хочет ли он поступить в ученье, ответить, что ему этого очень хочется. Оба предписания Оливер обещал исполнить, тем более что трудно себе представить, как деликатно намекнул мистер Бамбл, какая его постигнет судьба, если он не выполнит того или другого. Когда они явились в камеру судьи, мистер Бамбл запер его одного в маленькой комнатке и приказал ждать здесь, пока он за ним зайдет.

С сильно бьющимся сердцем мальчик ждал около получаса. По прошествии этого времени мистер Бамбл просунул в дверь голову, не украшенную на этот раз треуголкой, и громко сказал:

— Оливер, милый мой, пойдем к джентльменам. — Произнеся эти слова, мистер Бамбл принял мрачный и угрожающий вид и шепотом добавил: — Помни, что я тебе сказал, негодный мальчишка!

Его манера обращения сбивала с толку, и Оливер простодушно взглянул в лицо мистеру Бамблу, но сей джентльмен помешал ему сделать какое бы то ни было замечание и немедленно повел его в смежную комнату, дверь которой была открыта.

Это была просторная комната с большим окном. За конторкой сидели два старых джентльмена с напудренными волосами; один читал газету, другой, вооружившись очками в черепаховой оправе, изучал лежавший перед ним кусок пергамента. Мистер Лимкинс стоял перед конторкой с одной стороны, а мистер Гэмфилд — его лицо было

кое-как умыто — с другой; два-три грубоватых на вид человека в высоких сапогах слонялись вокруг.

Старый джентльмен в очках в конце концов задремал над куском пергамента, и, когда мистер Бамбл поставил Оливера перед конторкой, в течение нескольких минут длилось молчание.

— Вот он, этот мальчик, ваша честь, — сказал мистер Бамбл.

Старый джентльмен, который читал газету, приподнял на минуту голову и дернул другого старого джентльмена за рукав, после чего тот проснулся.

— О, это тот самый мальчик? — промолвил старый джентльмен.

— Он самый, сэр, — отвечал мистер Бамбл. — Милый мой, поклонись судьбе¹.

Оливер встрепенулся и отвесил почтительнейший поклон. Рассматривая напудренные волосы судей, он с недоумением размышлял о том, неужели все члены совета так и рождаются с этой белой пылью на голове и потому-то становятся сразу членами совета.

— Ну-с, — сказал старый джентльмен, — полагаю, ему нравится ремесло трубочиста?

— Он без ума от него, ваша честь, — ответил Бамбл и украдкой ушипнул Оливера, давая понять, что лучше ему с этим не спорить.

— И он *хочет* быть трубочистом, не так ли? — спросил старый джентльмен.

— Если бы мы вздумали завтра обучать его какому-нибудь другому ремеслу, он тотчас же сбежал бы, ваша честь, — отвечал Бамбл.

— А этот человек, будущий его хозяин... вы, сэр... вы будете хорошо обращаться с ним... кормить его... и тому подобное, не правда ли, сэр? — сказал старый джентльмен.

— Раз я говорю, что буду, значит, буду, — угрюмо ответил мистер Гэмфилд.

— Речь у вас грубоватая, друг мой, но вы производите впечатление честного, прямодушного человека, — сказал старый джентльмен, обратив свои очки в сторону кандидата на премию за Оливера.

Мерзкая физиономия этого кандидата была поистине отмечена клеймом, удостоверявшим его жестокость. Но судья был подслеповат и впадал в детство, и потому вряд ли можно было ожидать, чтобы он подметил то, что подмечали другие.

— Надеюсь, что так, сэр, — сказал мистер Гэмфилд с отвратительной усмешкой.

— Я в этом не сомневаюсь, друг мой, — отозвался старый джентльмен, прочнее водрузив очки на нос и озираясь в поисках чернильницы.

¹ *Поклонись судьбе* — то есть мировому судье, который по закону 1834 года имел в некоторых случаях право утверждать и отменять распоряжения «совета блюстителей» работного дома, наблюдавшего также и за сиротским домом.

Это был решающий момент в жизни Оливера. Если бы чернильница находилась там, где предполагал ее найти старый джентльмен, он обмакнул бы в нее перо, подписал бумагу и Оливер был бы немедленно уведен. Но так как она стояла под самым его носом, он, разумеется, осмотрев всю конторку, не нашел ее и когда, продолжая поиски, случайно посмотрел прямо перед собой, взгляд его упал на бледное, испуганное лицо Оливера Твиста, который, не обращая внимания на предостерегающие взоры и щипки Бамбла, глядел на отвратительную физиономию своего будущего хозяина со страхом и ужасом, столь нескрываемым, что этого не мог не заметить даже подслеповатый судья.

Старый джентльмен помедлил, положил перо и перевел взгляд с Оливера на мистера Лимкинса, который взял понюшку табаку, стараясь принять беззаботный и независимый вид.

— Мальчик! — сказал старый джентльмен, перегнувшись через конторку.

Оливер вздрогнул при этих словах. Ему можно простить это, потому что голос звучал ласково, а незнакомые звуки пугают людей. Он задрожал всем телом и залился слезами.

— Мальчик, — повторил старый джентльмен, — ты бледен и взволнован. В чем дело?

— Отойдите от него, бидл... — сказал другой судья, отложив газету и с любопытством наклонившись вперед. — А теперь, мальчик, объясни нам, в чем дело. Не бойся.

Оливер упал на колени и, сжав руки, стал умолять, чтобы его отослали обратно в темную комнату... морили голодом... избивали... убили, если это им угодно, но только не отправляли с этим страшным человеком.

— Вот как! — сказал мистер Бамбл, весьма торжественно возведя руки и возведя очи горé. — Вот как! Из всех лукавых и коварных сирот, каких я когда-либо видел, ты, Оливер, самый наглый из наглых.

— Придержите язык, бидл, — сказал второй старый джентльмен, когда мистер Бамбл произнес этот сложный эпитет.

— Прошу прощения, ваша честь, — сказал мистер Бамбл, не веря своим ушам. — Ваша честь изволили обращаться ко мне?

— Да. Придержите язык.

Мистер Бамбл остолбенел от изумления. Бидлу приказано придерживать язык! Светопреставление!

Старый джентльмен в очках в черепаховой оправе посмотрел на своего коллегу. Тот многозначительно кивнул головой.

— Мы отказываемся утвердить этот договор, — сказал старый джентльмен, отбрасывая в сторону пергамент.

— Н... надеюсь... — заикаясь, начал мистер Лимкинс, — я надеюсь, что, основываясь на показаниях ребенка, ничем не подкрепленных, судьи не придут к тому заключению, будто приходские власти виновны в каком-нибудь недостойном поступке.



Оливер упал на колени и, сжав руки, стал умолять, чтобы его отослали обратно в темную комнату... морили голодом... избивали... убили, если это им угодно, но только не отправляли с этим страшным человеком.

— Судьи не обязаны выносить какое бы то ни было заключение по этому вопросу, — резко произнес второй старый джентльмен. — Ответьте мальчика обратно в работный дом и обращайтесь с ним хорошо. По-видимому, он в этом нуждается.

В тот же вечер джентльмен в белом жилете заявил совершенно категорически, что Оливер не только будет повешен, но что его вдобавок приволокут к месту казни в четвертую. Мистер Бамбл мрачно и таинственно покачал головой и выразил желание, чтобы он обратился

к добру, после чего мистер Гэмфилд пожелал, чтобы он попал к нему в руки; и хотя мистер Гэмфилд почти во всем соглашался с приходским бидлом, он, по-видимому, решительно с ним разошелся, выразив такое пожелание.

На следующее утро публику снова известили о том, что Оливер Твист сдается внаем и что пять фунтов будут уплачены тому, кто пожелает им владеть.

ГЛАВА IV

Оливеру предложили другое место, и он впервые выступает на жизненном поприще

Если молодому человеку из аристократической семьи не могут обеспечить выгодной должности по завещанию, дарственной или купчей, то его принято отправлять в плавание. Подражая столь мудрому и спасительному примеру, члены совета принялись обсуждать, уместно ли будет спровадить Оливера Твиста на какое-нибудь маленькое торговое судно, отправляющееся в превосходный, гибельный для здоровья порт. Это казалось наилучшим из всего, что только можно было с ним сделать: как-нибудь после обеда шкипер, находясь в игривом расположении духа, по всей вероятности, засечет его до смерти или проломит ему череп железным ломом; и та и другая забава являются, как многим известно, излюбленным и повседневым развлечением джентльменов этого рода. Чем дольше члены совета рассматривали данный случай с упомянутой точки зрения, тем больше разнообразных преимуществ открывалось им в задуманном плане; и они пришли к решению, что единственный способ облагодетельствовать Оливера — безотлагательно отправить его в плавание.

Мистера Бамбла послали предварительно навести справки с целью отыскать какого-нибудь капитана, которому нужен кают-юнга, не имеющий друзей, и Бамбл возвращался в работный дом сообщить о результатах своей миссии, как вдруг встретил у ворот мистера Саурбери, приходского гробовщика.

Мистер Саурбери был высоким, сухошавым, ширококостным человеком, в поношенном черном костюме, в заштопанных бумажных чулках тоже черного цвета и таких же башмаках, физиономия его не была от природы предназначена для улыбки, но, в общем, ему не была чужда профессиональная веселость. Походка у него была эластичная, а лицо выражало искреннее удовольствие, когда он подошел к мистери Бамблу и сердечно пожал ему руку.

— Я снял мерку с двух женщин, умерших сегодня ночью, мистер Бамбл, — сказал гробовщик.

— Вы сколотите себе состояние, мистер Саурбери, — отозвался бидл, запуская большой и указательный пальцы в протянутую ему гробовщиком табакерку; это была искусно сделанная маленькая модель гроба. — Уверяю вас, вы сколотите себе состояние, мистер Саурбери! — повторил мистер Бамбл, дружески похлопав гробовщика тростью по плечу.

— Вы полагаете? — сказал гробовщик таким тоном, как будто он и признавал и оспаривал возможность такого события. — Приходский совет назначил очень низкую цену, мистер Бамбл.

— Да и гробы невелики... — ответил бидл, позволив себе улыбнуться — не больше, чем это подобало важному должностному лицу.

Мистера Саурбери это очень позабавило, что было вполне понятно, и он смеялся долго и неудержимо.

— Ну, что же, мистер Бамбл, — произнес он наконец, — нельзя отрицать, что с тех пор, как введена новая система питания, гробы стали чуточку поуже и пониже, чем в былые времена. Но должны же мы получать какую-то прибыль, мистер Бамбл! Сухое, выдержанное дерево стоит недешево, сэр, а железные ручки пересылают по каналу из Бирмингема.

— Так-то оно так, — сказал мистер Бамбл, — каждое ремесло требует затрат. Конечно, позволительно получать честный барыш.

— Разумеется! — подтвердил гробовщик. — И если я не получаю барыша на той или другой статье, ну что ж, в конце концов я свое наварстаю, хи-хи-хи!

— Вот именно, — сказал мистер Бамбл.

— Однако я должен сказать... — продолжал гробовщик, возвращаясь к размышлениям, прерванным бидлом, — однако я должен сказать, мистер Бамбл, что есть одно немаловажное затруднение. Видите ли, чаще всего умирают люди тучные. Те, что были лучше обеспечены и много лет платили налоги, чахнут в первую очередь, когда попадают в работный дом. И разрешите вам сказать, мистер Бамбл, что три-четыре дюйма, превышающие норму, — нешуточная потеря, в особенности если приходится содержать семью, сэр.

Так как мистер Саурбери произнес эти слова с негодованием — вполне простительным — обиженного человека и так как мистер Бамбл почувствовал, что в них кроется нечто, предосудительное для чести прихода, сей последний джентльмен почел нужным заговорить о другом. Мысли его были заняты главным образом Оливером Твистом, и о нем-то он и заговорил.

— Кстати, — сказал мистер Бамбл, — не знаете ли вы кого-нибудь, кому бы нужен был мальчик? Приходский ученик, который в настоящее время является обузой, я бы сказал — жерновом на шее прихода... Выгодные условия, мистер Саурбери, выгодные условия.

С этими словами мистер Бамбл коснулся тростью объявления, висевшего над его головой, и три раза отчетливо ударил по словам «пять

фунтов», которые были напечатаны гигантскими буквами романским шрифтом.

— Ах, бог ты мой! — воскликнул гробовщик, схватив мистера Бамбла за обшитый золотым галуном лацкан его шинели. — Да ведь об этом-то я и хотел с вами поговорить! Знаете ли... Боже мой, какая красивая пуговица, мистер Бамбл! Я до сей поры не обращал на нее внимания.

— Да, мне кажется, что она недурна, — промолвил бидл, горделиво бросив взгляд на большие бронзовые пуговицы, украшавшие его шинель. — Штамп тот же, что и на приходской печати: добрый самаритянин, врачующий больного и немощного. Приходский совет преподнес мне эту шинель на Новый год, мистер Сауербери. Помню, я впервые надел ее, чтобы присутствовать на следствии о том разорившемся торговце, который умер в полночь у подъезда.

— Припоминаю, — сказал гробовщик. — Присяжные вынесли решение: «Умер от холода и отсутствия самого необходимого для поддержания жизни», не правда ли?

Мистер Бамбл кивнул головой.

— И они как будто вынесли специальный вердикт, — продолжал гробовщик, — присовокупив, что если бы чиновник по надзору за бедными...¹

— Вздор! Чепуха! — перебил бидл. — Если бы совет прислушивался к тем глупостям, какие говорят эти невежды присяжные, у него было бы дела по горло.

— Истинная правда, — согласился гробовщик, — по горло.

— Присяжные, — продолжал мистер Бамбл, крепко сжимая трость, ибо такая была у него привычка, когда он сердился, — присяжные — это невежественные, пошлые, жалкие негодяи!

— Верно, — подтвердил гробовщик.

— В философии и политической экономии они смыслят вот сколько! — сказал бидл, презрительно щелкнув пальцами.

— Именно так, — подтвердил гробовщик.

— Я их презираю! — сказал бидл, весь побагровев.

— Я тоже, — присовокупил гробовщик.

— И мне бы только хотелось, чтобы эти независимые присяжные попали к нам в дом на одну-две недельки, — сказал бидл. — Правила и порядки, введенные советом, быстро бы их усмирили.

— Оставим-ка их в покое, — сказал гробовщик.

¹ *Чиновник по надзору за бедными* — находившийся на службе у приходских властей ответственный чиновник, одной из функций которого была проверка нуждаемости граждан, обращавшихся за помощью к приходскому совету, а также исполнение решений «совета благодетелей». Власти мало заботились о приеме на эту должность добросовестных людей, и чиновник возлагал функцию проверки нуждаемости на такое безответственное лицо, как бидл, от которого после 1834 года фактически зависело помещение нуждавшегося в работный дом.

С этими словами он одобрительно улынулся, чтобы умерить нарастающий гнев вознегодовавшего приходского служителя.

Мистер Бамбл снял треуголку, вынул из тульи носовой платок — он разозлился, и пот выступил у него на лбу, — вытер лоб, снова надел треуголку и, повернувшись к гробовщику, сказал более спокойным тоном:

— Ну, так как же насчет мальчика?

— О, знаете ли, мистер Бамбл, — отозвался гробовщик, — я плачу немалый налог в пользу бедных.

— Гм! — сказал мистер Бамбл. — А дальше что?

— А вот что, — ответил гробовщик, — я думал, что если я столько плачу в пользу бедных, то, стало быть, имею право извлечь из них как можно больше, мистер Бамбл. И... и... кажется, я сам возьму этого мальчика.

Мистер Бамбл схватил гробовщика под руку и повел его в дом. Мистер Саурбери в течение пяти минут договаривался с членами совета, и было решено, что Оливер отправится к нему в тот же вечер «на пробу». Применительно к приходскому ученику это означало следующее: если хозяин после короткого испытания убедится, что может, не слишком заботясь о питании мальчика, заставить его изрядно работать, он вправе оставить его у себя на определенный срок и распорядиться им по своему усмотрению.

Когда маленького Оливера привели в тот вечер к «джентльменам» и объявили ему, что он сегодня же поступает в услужение к гробовщику, а если он вздумает пожаловаться на свое положение или когда-нибудь вернуться в приход, его отправят в плавание либо прошибут ему голову, — Оливер выказал так мало волнения, что все единогласно признали его закоснелым юным негодяем и приказали мистеру Бамблу немедленно его увести.

Вполне естественно, что члены совета должны были скорее, чем кто-либо другой, прийти в величайшее и добродетельное изумление и ужас при малейших признаках бесчувственности со стороны кого бы то ни было, но в данном случае они несколько заблуждались. Дело в том, что Оливер отнюдь не был бесчувственным; пожалуй, он даже отличался чрезмерной чувствительностью, а в результате дурного обращения был близок к тому, чтобы стать тупым и угрюмым до конца жизни. В полном молчании он принял известие о своем назначении, забрал свое имущество — его не очень трудно было нести, так как оно помещалось в пакете из оберточной бумаги, имевшем полфута длины, полфута ширины и три дюйма толщины, — надвинул шапку на глаза и, уцепившись за обшлаг мистера Бамбла, отправился с этим должностным лицом к месту новых терзаний.

Сначала мистер Бамбл вел Оливера, не обращая на него внимания и не делая никаких замечаний, ибо бидл высоко держал голову, как и подобает бидлу, а так как день был ветреный, маленького Оливера совершенно скрывали полы шинели мистера Бамбла, которые развева-

лись и обнажали во всей красе жилет с лацканами и короткие коричневые плюшевые штаны. Но, приблизившись к месту назначения, мистер Бамбл счел нужным взглянуть вниз и убедиться, что мальчик находится в должном виде, готовый предстать перед новым хозяином; так он и поступил, скроив надлежашую мину, милостивую и покровительственную.

— Оливер! — сказал мистер Бамбл.

— Да, сэр? — тихим, дрожащим голосом отозвался Оливер.

— Сдвиньте шапку на лоб, сэр, и поднимите голову!

Хотя Оливер тотчас же исполнил приказание и свободной рукой быстро провел по глазам, но когда он поднял их на своего проводника, в них блестели слезинки. Мистер Бамбл сурово посмотрел на Оливера, но у того слезинка скатилась по щеке. За ней последовала еще и еще одна. Ребенок сделал невероятное усилие, но оно ни к чему не привело. Вырвав у мистера Бамбла свою руку, он обеими руками закрыл лицо и заплакал, а слезы просачивались между подбородком и костлявыми пальцами.

— Вот как! — воскликнул мистер Бамбл, останавливаясь и бросая на своего питомца злобный взгляд. — Вот как! Из всех неблагоприятных, испорченных мальчишек, каких мне случалось видеть, ты, Оливер, самый...

— Нет, нет, сэр! — всхлипывая, воскликнул Оливер, цепляясь за руку, которая держала хорошо знакомую ему трость. — Нет, нет, сэр! Я исправлюсь, право же, я исправлюсь, сэр! Я еще очень маленький, сэр, и такой... такой...

— Какой — такой? — с изумлением спросил мистер Бамбл.

— Такой одинокий, сэр. Очень одинокий! — воскликнул ребенок. — Все меня ненавидят. О сэр, пожалуйста, не сердитесь на меня!

Мальчик прижал руку к сердцу и со слезами, вызванными неподдельным горем, посмотрел в лицо спутнику.

Мистер Бамбл с некоторым удивлением встретил жалобный и беспомощный взгляд Оливера, раза три-четыре хрипло откашлялся и, пробормотав что-то об этом «надоедливом кашле», приказал Оливеру осушить слезы и быть хорошим мальчиком. Затем он снова взял его за руку и молча продолжал путь.

Когда вошел мистер Бамбл, гробовщик, только что закрывший ставни в лавке, делал какие-то записи в приходно-расходной книге при свете унылой свечи, весьма здесь уместной.

— Эге! — сказал гробовщик, оторвавшись от книги и не дописав слово. — Это вы! Бамбл?

— Я самый, мистер Саурбери, — отозвался бидл. — Ну вот! Я вам привел мальчика.

Оливер поклонился.

— Так это и есть тот самый мальчик? — спросил гробовщик, подняв над головой свечу, чтобы лучше рассмотреть Оливера. — Миссис Саурбери, будь так добра, зайти сюда на минутку, дорогая моя.

Из маленькой комнатки позади лавки вышла миссис Сауербери. Это была невысокая, тощая, высохшая женщина с ехидным лицом.

— Милая моя, — почтительно сказал мистер Сауербери, — это тот самый мальчик из работного дома, о котором я тебе говорил.

Оливер снова поклонился.

— Ах, боже мой! — воскликнула жена гробовщика. — Какой он маленький!

— Да, он, пожалуй, мал ростом, — согласился мистер Бамбл, поглядывая на Оливера так, словно тот был виноват, что не дорос. — Он и в самом деле маленький. Этого нельзя отрицать. Но он подрастет, миссис Сауербери, он подрастет.

— Да что и говорить! — с раздражением отозвалась эта леди. — Подрастет на наших хлебах. Я никакой выгоды не вижу от приходских детей: их содержание обходится дороже, чем они сами того стоят. Но мужчины всегда думают, что они все знают лучше нас... Ну, ступай вниз, мешок с костями!

С этими словами жена гробовщика открыла боковую дверь и вытолкнула Оливера на крутую лестницу, ведущую в каменный подвал, сырой и темный, служивший преддверием угольного погреба и носивший название кухни; здесь сидела девушка, грязно одетая, в стоптанных башмаках и дырявых синих шерстяных чулках.

— Шарлотт, — сказала миссис Сауербери, спустившаяся вслед за Оливером, — дайте этому мальчику остатки холодного мяса, которые отложены для Трипа. Трип с утра не приходил домой и может обойтись без них. Надеюсь, мальчик не настолько привередлив, чтобы отказываться от них... Верно, мальчик?

У Оливера глаза засверкали при слове «мясо», он задрожал от желания съесть его и дал утвердительный ответ, после чего перед ним поставили тарелку с обедками.

Хотел бы я, чтобы какой-нибудь откормленный философ, в чьем желудке мясо и вино превращаются в желчь, чья кровь холодна как лед, а сердце железное, — хотел бы я, чтобы он посмотрел, как Оливер Твист набросился на изысканные яства, которыми пренебрегла бы собака! Хотел бы я, чтобы он был свидетелем того, с какой жадностью Оливер, терзаемый страшным голодом, разрывал куски мяса! Еще больше мне хотелось бы увидеть, как этот философ с таким же наслаждением поедает такое же блюдо.

— Ну что? — спросила жена гробовщика, когда Оливер покончил со своим ужином; она следила за ним в безмолвном ужасе, с тревогой предвидя, какой будет у него аппетит. — Кончил?

Не видя поблизости ничего съедобного, Оливер ответил утвердительно.

— Ну так ступай за мной, — сказала миссис Сауербери, взяв грязную, тускло горевшую лампу и поднимаясь по лестнице. — Твоя постель под прилавком. Надеюсь, ты можешь спать среди гробов?

А впрочем, это не важно — можешь или нет, потому что больше тебе спать негде. Иди! Не оставаться же мне здесь всю ночь!

Оливер больше не мешкал и покорно пошел за своей новой хозяйкой.

ГЛАВА V

Оливер знакомится с товарищами по профессии. Впервые побывав на похоронах, он приходит к неблагоприятному выводу о ремесле своего хозяина

Оставшись один в лавке гробовщика, Оливер поставил лампу на верстак и робко осмотрелся вокруг с чувством благоговения и страха, которое без труда поймут многие люди значительно старше его. Недоделанный гроб на черных козлах, стоявший посреди лавки, казался таким унылым и зловещим, что холодок пробежал у Оливера по спине, когда он поглядывал на этот мрачный предмет: ему чудилось, что какая-то ужасная фигура вот-вот медленно приподнимет голову и он сойдет с ума от страха. Вдоль стены в образцовом порядке выстроился длинный ряд вязовых досок, заготовленных для гробов; в тусклом свете они казались сутулыми привидениями, засунувшими руки в карманы. Таблички для гробов, стружки, гвозди с блестящими шляпками и обрезки черной материи валялись на полу, а стену за прилавком украшала картина, на которой были очень живо изображены два немых плакальщика в туго накрахмаленных галстуках, стоящие на посту у дверей дома, к которому подъезжал катафалк, запряженный четверкой вороных лошадей. В лавке было душно и жарко. Казалось, воздух пропитан запахом гробов. Местечко под прилавком, куда был брошен ему тюфяк, напоминало могилу.

Но не только эта унылая обстановка угнетала Оливера. Он был один в незнакомом месте, а все мы знаем, каким покинутым и несчастным может почувствовать себя любой из нас при таких обстоятельствах. У мальчика не было любящих или любимых друзей. Не было у него сожалений о недавней разлуке; не было дорогого, близкого лица, которое ему мучительно хотелось бы увидеть. Но, несмотря на это, на сердце у него было тяжело; и когда он забрался на свое узкое ложе, ему захотелось, чтобы это ложе было гробом, а его, спящего безмятежным и непробудным сном, зарыли бы на кладбище, где тихо шелестела бы над его головой высокая трава и баюкал густой звон старого колокола.

Утром Оливера разбудили громкие удары ногами в дверь лавки; пока он успел кое-как одеться, неистовый стук повторился раз двадцать пять. Когда он стал снимать дверную цепочку, ноги, колотившие в дверь, утихомирились, и раздался голос.

— Отворяйте, слышите! — кричал голос, который принадлежал тому же лицу, что и ноги.

— Сейчас отопру, сэр, — сказал Оливер, снимая цепочку и поворачивая ключ.

— Должно быть, ты и есть новый мальчик? — спросил голос через замочную скважину.

— Да, сэр, — ответил Оливер.

— Сколько тебе лет? — осведомился голос.

— Десять, сэр, — ответил Оливер.

— Ну так я тебя вздую, как только войду, — сообщил голос, — помни мое слово, приходский щенок!

После этого любезного обещания послышался свист. Оливера слишком часто подвергали операции, обозначаемой только что упомянутым выразительным словечком, а потому он ничуть не сомневался в том, что тот, кому принадлежал голос, добросовестнейшим образом выполнит свою угрозу. Дрожащей рукой он отодвинул засов и открыл дверь.

Секунду или две Оливер осматривал улицу, посмотрел направо, налево и на противоположный тротуар, полагая, что неизвестный, разговаривавший с ним через замочную скважину, прогуливается, чтобы согреться. Дело в том, что он не видел перед собой никого, кроме рослого приютского мальчика, который сидел на тумбе перед домом и ел ломоть хлеба с маслом, разрезая его складным ножом на куски величиной с собственный рот и проглатывая их с большим проворством.

— Прошу прощения, сэр, — сказал Оливер, убедившись, что никто не появляется, — это вы стучали?

— Я колотил ногами, — ответил приютский мальчик.

— Вам нужен гроб, сэр? — простодушно спросил Оливер.

При этих словах приютский мальчик принял необычайно грозный вид и заявил, что самому Оливеру в скором времени понадобится гроб, если он позволяет себе шутить таким образом со старшими.

— Приходский щенок, ты не знаешь, кто я такой? — продолжал приютский мальчик, с важным видом слезая с тумбы.

— Не знаю, сэр, — ответил Оливер.

— Я мистер Ноэ Клейпол, — сказал приютский мальчик, — а ты находишься у меня под началом. Открой ставни, ленивая тварь!

С этими словами мистер Клейпол угостил Оливера пинком и вошел в лавку с большим достоинством, делавшим ему честь. При любых обстоятельствах большеголовому, толстому юнцу с маленькими глазками и тупой физиономией нелегко принять достойный вид, и тем более это трудно, если к таким привлекательным чертам прибавить красный нос и короткие желтые штаны.

Оливер снял ставни и попытался перетащить их во дворик позади дома, куда их уносили на день, но зашатавшись под тяжестью первого же ставня, разбил оконное стекло, после чего Ноэ, утешив его увере-

нием, что «ему влетит», снисходительно пришел ему на помощь. Вскоре в лавку спустился мистер Саурбери. Вслед за ним появилась миссис Саурбери. Оливеру, согласно предсказанию Ноэ, «влетело», а потом он отправился с этим молодым джентльменом вниз завтракать.

— Подсаживайтесь к очагу, Ноэ, — сказала Шарлотт. — Я припасла для вас славный кусочек копченой грудинки от хозяйского завтрака... Оливер, притвори дверь за мистером Ноэ и возьми себе вот те объедки, которые я положила на крышку от кастрюльки. Вот твоя чашка чаю. Поставь ее на ящик, пей там и поторапливайся, потому что тебя скоро позовут в лавку. Слышишь?

— Слышишь, приходский щенок? — сказал Ноэ Клейпол.

— Ах, боже мой, Ноэ! — воскликнула Шарлотт. — Какой вы чудной парень! Почему бы вам не оставить мальчика в покое?

— Оставить в покое! — повторил Ноэ. — Да ведь все и так оставили его в покое. Ни отец, ни мать никогда ни в чем ему не помешают. Все родственники позволяют ему идти своей дорогой. Правда, Шарлотт? Хи-хи-хи!

— Ах, чудак вы этакий! — воскликнула Шарлотт, заливаясь громким смехом, к которому присоединился и Ноэ.

Затем оба посмотрели с презрением на бедного Оливера Твиста, дрожащего на ящике в самом холодном углу комнаты и поедавшего вонючие объедки, отложенные специально для него.

Ноэ был приютским мальчиком, а не сиротой из работного дома. Он не был подкидышем, так как мог проследить свою родословную вплоть до родителей, живших поблизости; мать его была прачкой, а отец — пьяницей-солдатом, вышедшим в отставку с деревянной ногой и ежедневной пенсией в два пенса с половиной и еще какой-то неудобопроизносимой дробью. Мальчишки из соседних лавок давно приобрели привычку клеймить Ноэ на улице позорными кличками вроде «кожаные штаны», «приютский» и так далее, и Ноэ принимал их безропотно. Но теперь, когда судьба поставила на его пути безродного сироту, на которого даже самый ничтожный человек мог с презрением указать пальцем, он вымещал на нем свои обиды с лихвой.

Это дает превосходную пищу для размышлений. Мы видим, какой прекрасной может стать человеческая натура и как одни и те же приятные качества развиваются у благороднейшего лорда и у самого грязного приютского мальчишки.

Прошло три-четыре недели с тех пор, как Оливер поселился у гробовщика. Лавка была закрыта, и мистер и миссис Саурбери ужинали в маленькой задней гостиной, когда мистер Саурбери, бросив несколько почтительных взглядов на жену, сказал:

— Дорогая моя...

Он хотел продолжать, но миссис Саурбери посмотрела на него столь неблагоприятно, что он запнулся.

— Ну? — резко спросила миссис Саурбери.

— Ничего, дорогая моя, ничего! — сказал мистер Саурбери.

— Уф, негодяй! — сказала миссис Саурбери.

— Право же, нет, дорогая моя, — смиренно отозвался мистер Саурбери. — Мне показалось, что ты не расположена слушать, дорогая. Я хотел только сказать...

— Ах, не говори мне, что ты там хотел сказать, — перебила миссис Саурбери. — Я — ничто; пожалуйста, не обращай ко мне за советом. Я не желаю выведывать твои секреты.

Произнеся эти слова, миссис Саурбери залилась истерическим смехом, который угрожал серьезными последствиями.

— Но, дорогая моя, — сказал мистер Саурбери, — я хочу с тобой посоветоваться.

— Нет, нет! Не советуйся со мной! — жалобным тоном промолвила миссис Саурбери. — Советуйся с кем-нибудь другим.

Тут снова раздался истерический смех, чрезвычайно испугавший мистера Саурбери. Такова весьма распространенная и рекомендуемая система обращения с супругом, которая часто приводит к желаемым результатам. Это немедленно побудило мистера Саурбери умолять, как об особом одолжении, чтобы ему было разрешено высказать то, что миссис Саурбери жаждала услышать. После недолгих пререканий, занявших меньше трех четвертей часа, разрешение было милоливо дано.

— Это касается юного Твиста, дорогая моя, — сказал мистер Саурбери. — Он очень миловидный мальчик, дорогая.

— Еще бы, когда он столько ест! — заметила леди.

— У него меланхолическое выражение лица, дорогая моя, — продолжал мистер Саурбери, — и это делает его очень интересным... Из него, милочка, вышел бы превосходный немой плакальщик.

Миссис Саурбери с нескрываемым удивлением посмотрела на него. Мистер Саурбери подметил это и, не дожидаясь возражений со стороны доброй леди, продолжал:

— Я говорю не о настоящем немом плакальщике, присутствующем на похоронах у взрослых, а только о немом плакальщике для детей, дорогая. Было бы такой новинкой, милочка, иметь немого плакальщика соответствующего роста. Можешь быть уверена, что это произведет прекрасное впечатление.

Миссис Саурбери, проявлявшая замечательный вкус, когда дело касалось похорон, была поражена новизной этой идеи; но так как признаться в этом при данных обстоятельствах значило бы уронить свое достоинство, она осведомилась только довольно резким тоном, почему эта простая мысль не приходила раньше в голову ее супругу? Мистер Саурбери правильно истолковал ее слова как согласие на его предложение. Итак, тут же было решено немедленно посвятить Оливера во все тайны ремесла, чтобы он мог сопровождать своего хозяина, как только потребуются его услуги.

Случай не замедлил представиться. На следующее утро, через полчаса после завтрака, в лавку вошел мистер Бамбл и, прислонив свою трость к прилавку, достал поместительный кожаный бумажник, откуда извлек клочок бумаги, который и протянул Саурбери.

— Эге! — сказал гробовщик, с просиявшей физиономией посмотрев на бумажку. — Заказ на гроб?

— Сначала гроб, потом приходские похороны, — ответил мистер Бамбл, затягивая ремешок кожаного бумажника, который, подобно ему самому, был очень тучен.

— Бейтон? — сказал гробовщик, переводя взгляд с клочка бумаги на мистера Бамбла. — Никогда не слыхал этой фамилии.

Бамбл, покачивая головой, ответил:

— Упрямый народ, мистер Саурбери, очень упрямый. Боюсь, что к тому же еще и гордый.

— Гордый? — усмехаясь, воскликнул гробовщик. — Ну, это уж слишком.

— Ох, это отвратительно! — отвечал бидл. — Это безнравственно, мистер Саурбери.

— Совершенно верно, — согласился гробовщик.

— Об этом семействе мы услышали только третьего дня вечером, — продолжал бидл, — да и тогда мы бы ничего о нем не узнали, не будь в том же доме женщины, которая обратилась в приходский комитет с просьбой прислать приходского врача, чтобы он осмотрел больную, — ей, мол, очень худо. Врач уехал на званый обед, а его ученик (очень смысленный парнишка) сейчас же послал им в баночке из-под ваксы какое-то лекарство.

— Вот это быстрота! — сказал гробовщик.

— Именно так! — подтвердил бидл. — Но каковы были последствия, каково было поведение этих неблагоприятных бунтовщиков? Муж присылает сказать, что это лекарство не помогает от той болезни, какой страдает его жена, и, стало быть, она не будет его принимать. Он говорит, что она не будет его принимать, сэр! Прекрасное, сильно действующее, полезное лекарство, которое всего неделю назад очень помогло двум ирландским рабочим и грузчику угля... Его послали даром, в баночке из-под ваксы, а он присылает сказать, что она не будет его принимать, сэр!

Когда чудовищность этого поступка была воспринята мистером Бамблом во всей ее полноте, он сильно ударил тростью по прилавку и покраснел от негодования.

— О! — сказал гробовщик. — Мне бы и в голову никогда...

— Никогда, сэр, — воскликнул бидл. — И никому никогда! Но теперь, когда она умерла, нам приходится ее хоронить! Вот адрес, и чем скорее это будет сделано, тем лучше.

С этими словами мистер Бамбл в приступе лихорадочного возбуждения надел задом наперед свою треуголку и быстро вышел из лавки.

— Ах, Оливер, он так рассердился, что даже забыл спросить о тебе, — сказал мистер Саурбери, глядя вслед бидлу, шагавшему по улице.

— Да, сэр, — ответил Оливер, который во время этого свидания старался не попадаться на глаза бидлу и начал дрожать с головы до ног при одном воспоминании о голосе мистера Бамбла.

Впрочем, он напрасно старался избегнуть взоров мистера Бамбла, ибо это должностное лицо, на которое предсказание джентльмена в белом жилете произвело очень сильное впечатление, полагало, что теперь, когда гробовщик взял Оливера к себе на испытание, разумнее избегать разговоров о нем, пока он не будет окончательно закреплен на семь лет по контракту, а тогда раз и навсегда, законным образом, минует опасность его возвращения на содержание прихода.

— Прекрасно! — проговорил мистер Саурбери, берясь за шляпу. — Чем скорее будет покончено с этим делом, тем лучше... Ноэ, присматривай за лавкой... Оливер, надень шапку и ступай за мной.

Оливер повиновался и последовал за хозяином, отправившимся исполнять свои профессиональные обязанности.

Сначала они шли по самым людным и густонаселенным кварталам города, а затем, свернув в узкую улицу, еще более грязную и жалкую, чем те, какие они уже миновали, они приостановились, отыскивая дом, являвшийся целью их путешествия. По обоим сторонам улицы дома были большие и высокие, но очень старые и населенные бедняками: об этом в достаточной мере свидетельствовали грязные фасады домов, и такой вывод не нуждался в подтверждении, каким являлись испитые лица нескольких мужчин и женщин, которые, скрестив на груди руки и согнувшись чуть ли не вдвое, крадучись проходили по улице. В домах находились лавки, но они были заколочены и постепенно разрушались, и только верхние этажи были заселены. Некоторые дома, разрушавшиеся от времени и ветхости, опирались, чтобы не рухнуть, на большие деревянные балки, припертые к стенам и врытые в землю у края мостовой. Но даже эти развалины, очевидно, служили ночным убежищем для бездомных бедняков, ибо необтесанные доски, закрывавшие двери и окна, были кое-где сорваны, чтобы в отверстие мог пролезть человек. В сточных канавах вода была затхлая и грязная. Даже крысы, которые разлагались в этой гнили, были омерзительно тощими.

Не было ни молотка, ни звонка у раскрытой двери, перед которой остановился Оливер со своим хозяином. Ощупью, осторожно пробираясь по темному коридору и уговаривая Оливера не отставать и не трусить, гробовщик поднялся во второй этаж. Наткнувшись на дверь, выходящую на площадку лестницы, он постучал в нее суставами пальцев.

Дверь открыла девочка лет тринадцати-четырнадцати. Гробовщик, едва заглянув в комнату, понял, что сюда-то он и послан. Он вошел; за ним вошел Оливер.

Огня в очаге не было, но какой-то человек по привычке сидел, сторбившись, у холодного очага. Рядом с ним, придвинув низкий табурет к нетопленной печи, сидела старуха. В другом углу копошились оборванные дети, а в маленькой нише против двери лежало что-то, покрытое старым одеялом. Оливер, бросив взгляд в ту сторону, задрожал и невольно прижался к своему хозяину; хотя предмет и был прикрыт, он догадался, что это труп.

У мужчины было худое и очень бледное лицо; волосы и борода седые; глаза налиты кровью. У старухи лицо было сморщенное; два уцелевших зуба торчали над нижней губой, а глаза были острые и блестящие. Оливер боялся смотреть и на нее и на мужчину. Они слишком походили на крыс, которых он видел на улице.

— Никто к ней не подойдет! — злобно крикнул мужчина, вскочив с места, когда гробовщик направился к нише. — Не подходите! Будь вы прокляты, не подходите, если вам дорога жизнь!

— Вздор, дружище! — сказал гробовщик, который привык к горю во всех его видах. — Вздор!

— Слушайте! — крикнул человек, сжав кулаки и в бешенстве топнув ногой. — Слушайте! Я не позволю зарыть ее в землю. Там она не найдет покоя: черви будут ей мешать... Глодать ее они не могут, так она иссохла.

В ответ на этот сумасшедший бред гробовщик не сказал ни слова; достав из кармана мерку, он опустился на колени перед покойницей.

— Ах! — воскликнул мужчина, залившись слезами и падая к ногам умершей. — На колени перед ней, на колени перед ней, вы все, и запомните мои слова! Говорю вам, ее уморили голодом! Я не знал, что ей так худо, пока у нее не началась лихорадка. И тогда обрисовались все ее кости. Не было ни огня в очаге, ни свечи. Она умерла в темноте — в темноте! Она не могла даже разглядеть лица своих детей, хотя мы слышали, как она окликала их по имени. Для нее я просил милостыню, а меня посадили в тюрьму. Когда я вернулся, она умерла, и кровь застыла у меня в жилах, потому что ее уморили голодом. Клянусь пред лицом Бога, который это видел, — ее уморили голодом!

Он вцепился руками в волосы и с громкими воплями стал кататься по полу; глаза его остановились, а на губах выступила пена.

Испуганные дети горько заплакали, но старуха, которая все время оставалась невозмутимой, как будто не слышала того, что происходило вокруг, угрозами заставила их замолчать. Развязав галстук мужчине, все еще лежавшему на полу, она, шатаясь, подошла к гробовщику.

— Это моя дочь, — сказала старуха, кивая головой в сторону покойницы и с идиотским видом подмигивая, что производило здесь еще более страшное впечатление, чем вид мертвеца. — Боже мой, боже мой! Как это чудно! Я родила ее и была тогда молодой женщиной, теперь я весела и здорова, а она лежит здесь, такая холодная и застывшая! Боже мой, боже мой, подумать только: ведь это прямо как в театре, прямо как в театре!

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПОСМЕРТНЫЕ ЗАПИСКИ ПИКВИКСКОГО КЛУБА

Перевод *А. Кривцовой* и *Е. Ланна*

Иллюстрации *Р. Сеумура* и *Х. Н. Брауна*

<i>Предисловие</i>	7
<i>Глава I.</i> Пиквикисты	12
<i>Глава II.</i> Первый день путешествия и приключения первого вечера с вытекающими из них последствиями	17
<i>Глава III.</i> Новое знакомство. Рассказ странствующего актера. Досадная помеха и неприятная встреча	43
<i>Глава IV.</i> Полевые маневры и бивуак; еще новые друзья и приглашение поехать за город	53
<i>Глава V,</i> краткая, повествующая, между прочим, о том, как мистер Пиквик вызвался править, а мистер Уинкль — ехать верхом, и что из этого получилось	64
<i>Глава VI.</i> Старомодная игра в карты. Стихи священника. Рассказ о возвращении каторжника	73
<i>Глава VII</i> о том, как мистер Уинкль, вместо того чтобы метить в голубя и попасть в ворону, метил в ворону и ранил голубка; как клуб крикетистов Дингли Делла состязался с объединенным Магльтоном и как Дингли Делл давал обед в честь объединенных магльтонцев, а также о других интересных и поучительных вещах	86
<i>Глава VIII,</i> ярко иллюстрирующая мысль, что путь истинной любви — не гладкий рельсовый путь	98
<i>Глава IX.</i> Открытие и погоня	111
<i>Глава X,</i> разрешающая все сомнения (если таковые имели место) относительно бескорыстия мистера Джингля	120
<i>Глава XI,</i> которая заключает в себе еще одно путешествие и археологическое открытие, оповещает о решении мистера Пиквика присутствовать на выборах и содержит рукопись старого священника	134

- Глава XII*, повествующая о весьма важном поступке мистера Пиквика: событие в его жизни не менее важное, чем в этом повествовании 149
- Глава XIII*. Некоторые сведения об Итенсуилле: о его политических партиях и о выборах члена, долженствующего представлять в парламенте этот древний, верноподданный и патриотический город 155
- Глава XIV*, содержащая краткое описание компании, собравшейся в «Павлине», и повесть, рассказанную торговым агентом 172
- Глава XV*, в которой даются верные портреты двух выдающихся особ и точное описание парадного завтрака в их доме и владениях, каковой парадный завтрак приводит ко встрече со старыми знакомыми и к началу следующей главы 186
- Глава XVI*, слишком изобилующая приключениями, чтобы можно было кратко их изложить 200
- Глава XVII*, показывающая, что приступ ревматизма в некоторых случаях действует возбуждительно на творческий ум 217
- Глава XVIII*, вкратце поясняющая два пункта: во-первых, силу истерики и, во-вторых, силу обстоятельств 224
- Глава XIX*. Приятный день, неприятно окончившийся 233
- Глава XX*, повествующая о том, какими дельцами были Додсон и Фогг, и какими повесами их клерки, и как происходило трогательное свидание мистера Уэллера с его давно пропавшим родителем; а также о том, какое избранное общество собралось в «Сороке и Пне» и какой превосходной будет следующая глава 246
- Глава XXI*, в которой старик обращается к излюбленной теме и рассказывает повесть о странном клиенте 263
- Глава XXII*. Мистер Пиквик едет в Ипсуич и наталкивается на романтическое приключение с леди средних лет в желтых папильотках 278
- Глава XXIII*, в которой мистер Сэмюел Уэллер направляет свою энергию на борьбу с мистером Троттером, чтобы добиться реванша 293
- Глава XXIV*, в которой мистер Питер Магнус становится ревнивым, а леди средних лет пугливой, вследствие чего пиквикисты попадают в тиски закона 300
- Глава XXV*, показывающая, наряду с приятными вещами, сколь величествен и беспристрастен был мистер Напкинс и как мистер Уэллер отбил волан мистера Джоба Троттера с такою же силой, с какою тот был пушен; и повествующая еще кое о чем, что обнаружится в надлежащем месте 315

<i>Глава XXVI</i> , которая содержит краткий отчет о ходе дела Бардл против Пиквика	333
<i>Глава XXVII</i> . Сэмюел Уэллер совершает паломничество в Доркинг и лицезреет свою мачеху	338
<i>Глава XXVIII</i> . Веселая рождественская глава, содержащая отчет о свадьбе, а также о некоторых других развлечениях, которые, будучи на свой лад такими же добрыми обычаями, как свадьба, не столь свято блюдутся в наше извращенное время	347
<i>Глава XXIX</i> . Рассказ о том, как подземные духи похитили пономаря	366
<i>Глава XXX</i> . Как пиквикисты завязали и укрепили знакомство с двумя приятными молодыми людьми, принадлежащими к одной из свободных профессий, как они развлекались на льду и как закончился их визит	375
<i>Глава XXXI</i> , которая целиком посвящена юриспруденции и различным великим знатокам, ее изучившим	386
<i>Глава XXXII</i> описывает гораздо подробнее, чем судебный репортер, холостую вечеринку, устроенную мистером Бобом Соьером в его квартире в Боро	401
<i>Глава XXXIII</i> . Мистер Уэллер-старший высказывает некоторые критические замечания, касающиеся литературного стиля, и с помощью своего сына Сэмюела уплачивает частицу долга преподобному джентльмену с красным носом	413
<i>Глава XXXIV</i> целиком посвящена полному и правдивому отчету о памятном судебном процессе Бардл против Пиквика	428
<i>Глава XXXV</i> , в которой мистер Пиквик убеждается, что лучше всего ему отправиться в Бат, и поступает соответственно	451
<i>Глава XXXVI</i> содержанием коей главным образом является правдивое изложение легенды о принце Блейдаде и в высшей степени необычайное бедствие, постигшее мистера Уинкля	466
<i>Глава XXXVII</i> правдиво объясняет отсутствие мистера Уэллера, описывая <i>soirée</i> , на которое он был приглашен и отправился; а также повествует о том, как мистер Пиквик дал ему секретное поручение, деликатное и важное	476
<i>Глава XXXVIII</i> . О том, как мистер Уинкль, сойдя со сковороды, тихо и мирно вошел в огонь	488
<i>Глава XXXIX</i> . Мистер Сэмюел Уэллер, удостоившись романического поручения, приступает к его исполнению; с каким успехом — обнаружится дальше	500
<i>Глава XL</i> знакомит мистера Пиквика с новой и небезынтересной сценой в великой драме жизни	513

- Глава XLI.* Что произошло с мистером Пиквиком, когда он попал во Флит, каких заключенных он там увидел и как он провел ночь 525
- Глава XLII,* доказывающая, подобно предыдущей, справедливость старой истины, что несчастье сводит человека со странными сожителями, а также содержащая невероятное и поразительное заявление мистера Пиквика мистеру Сэмюэлу Уэллеру 536
- Глава XLIII,* повествующая о том, как мистер Сэмюэл Уэллер попал в затруднительное положение 550
- Глава XLIV* повествует о разных мелких событиях, происшедших во Флите, и о таинственном поведении мистера Уинкля и рассказывает о том, как бедный арестант Канцлерского суда был наконец освобожден . . 562
- Глава XLV,* повествующая о свидании мистера Сэмюэла Уэллера со своим семейством. Мистер Пиквик совершает осмотр маленького мира, в котором обитает, и принимает решение как можно меньше соприкоснуться с ним в будущем 574
- Глава XLVI* сообщает о трогательном и деликатном поступке, не лишенном остроумия, задуманном и совершенном фирмой «Додсон и Фогг» . . . 588
- Глава XLVII* посвящена преимущественно деловым вопросам и временной победе Додсона и Фогга. Мистер Уинкль появляется вновь при необычайных обстоятельствах. Доброта мистера Пиквика одерживает верх над его упрямством 598
- Глава XLVIII,* повествующая о том, как мистер Пиквик с помощью Сэмюэла Уэллера пытался смягчить сердце мистера Бенджемина Эллена и укротить гнев мистера Роберта Сойера 608
- Глава XLIX,* содержащая историю дяди торгового агента 619
- Глава L.* Как мистер Пиквик отправился исполнять поручение и как он с самого начала нашел поддержку у весьма неожиданного союзника 634
- Глава LI,* в которой мистер Пиквик встречает старого знакомого, и этому счастливому обстоятельству читатель обязан интереснейшими фактами, здесь изложенными, о двух великих общественных деятелях, облеченных властью 647
- Глава LII,* повествующая о важном событии в семействе Уэллера и о безвременном падении красноносого мистера Стиггинса 660
- Глава LIII,* которая повествует об уходе со сцены мистера Джингля и Джоба Троттера, о знаменательном деловом утре в Грейз-Инн-сквер и которая заканчивается стуком в дверь к мистеру Перкеру 670
- Глава LIV,* содержащая некоторые подробности о стуке в дверь и другие события; среди них интересное разоблачение, касающееся мистера Снодграсса и молодой леди, отнюдь нельзя назвать неуместным в этом повествовании 681

<i>Глава LV.</i> Мистер Соломон Пелл с помощью выборного комитета кучеров улаживает дела мистера Уэллера-старшего	694
<i>Глава LVI.</i> Мистер Пиквик и Сэмюел Уэллер ведут серьезную беседу, в которой участвует родитель последнего. Неожиданно является старый джентльмен в костюме табачного цвета	705
<i>Глава LVII,</i> в которой Пиквикский клуб прекращает свое существование и все заканчивается ко всеобщему удовольствию	715

Приложение ЧАСЫ МИСТЕРА ХАМФРИ

<i>I.</i> Гость мистера Хамфри	722
<i>II.</i> Еще кое-какие сведения о госте мистера Хамфри	727
<i>III.</i> Часы	731
<i>IV.</i> Часы мистера Уэллера	738
<i>V.</i> Мистер Хамфри в своем углу с часами у камина	746

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОЛИВЕРА ТВИСТА

Перевод *А. Кривцовой*
Иллюстрации *Дж. Крукушенка*

<i>Предисловие</i>	753
<i>Глава I</i> повествует о месте, где родился Оливер Твист, и обстоятельствах, сопутствовавших его рождению	757
<i>Глава II</i> повествует о том, как рос, воспитывался и как был вскормлен Оливер Твист	759
<i>Глава III</i> рассказывает о том, как Оливер Твист едва не поступил на место, которое оказалось бы отнюдь не синекурой	769
<i>Глава IV.</i> Оливеру предложили другое место, и он впервые выступает на жизненном поприще	777
<i>Глава V.</i> Оливер знакомится с товарищами по профессии. Впервые побывав на похоронах, он приходит к неблагоприятному выводу о ремесле своего хозяина	783
<i>Глава VI.</i> Оливер, раздраженный насмешками Ноэ, приступает к действиям и приводит его в немалое изумление	791
<i>Глава VII.</i> Оливер продолжает бунтовать	796
<i>Глава VIII.</i> Оливер идет в Лондон. Он встречает на дороге странного молодого джентльмена	801
<i>Глава IX,</i> содержащая различные сведения о приятном старом джентльмене и его многообещающих питомцах	808

<i>Глава X.</i> Оливер ближе знакомится с новыми товарищами и дорогой ценой приобретает опыт. Короткая, но очень важная глава в этом повествовании	813
<i>Глава XI</i> повествует о мистере Фэнге, полицейском судье, и дает некоторое представление о его способе отправлять правосудие	817
<i>Глава XII,</i> в которой об Оливере заботятся лучше, чем когда бы то ни было, и в которой снова повествуется о веселом старом джентльмене и его молодых друзьях	824
<i>Глава XIII.</i> Понятливый читатель знакомится с новыми лицами; в связи с этим повествуется о разных занимательных предметах, имеющих отношение к этой истории	832
<i>Глава XIV,</i> заключающая дальнейшие подробности о пребывании Оливера у мистера Браунлоу, а также замечательное пророчество, которое некий мистер Гримуиг изрек касательно Оливера, когда тот отправился исполнять поручение	838
<i>Глава XV,</i> показывающая, сколь нежно любил Оливера Твиста веселый старый еврей и мисс Нэнси	847
<i>Глава XVI</i> повествует о том, что случилось с Оливером Твистом после того, как на него предъявила права Нэнси	852
<i>Глава XVII.</i> Судьба продолжает преследовать Оливера и, чтобы опорочить его, приводит в Лондон великого человека	860
<i>Глава XVIII.</i> Как Оливер проводил время в душевспасительном обществе своих почтенных друзей	868
<i>Глава XIX,</i> в которой обсуждают и принимают замечательный план	875
<i>Глава XX,</i> в которой Оливер поступает в распоряжение мистера Уильяма Сайкса	882
<i>Глава XXI.</i> Экспедиция	889
<i>Глава XXII.</i> Кража со взломом	893
<i>Глава XXIII,</i> которая рассказывает о приятной беседе между мистером Бамблом и некоей леди и убеждает в том, что в иных случаях даже бидл бывает не лишен чувствительности	899
<i>Глава XXIV</i> трактует о весьма ничтожном предмете. Но это короткая глава, и она может оказаться нелишней в этом повествовании	906
<i>Глава XXV,</i> которая вновь повествует о мистере Феджине и компании	910
<i>Глава XXVI,</i> в которой появляется таинственная особа и происходят многие события, неразрывно связанные с этим повествованием	915

<i>Глава XXVII</i> заглаживает неучтивость одной из предыдущих глав, в которой весьма бесцеремонно покинута некая леди	925
<i>Глава XXVIII</i> занимается Оливером Твистом и повествует о его приключениях	932
<i>Глава XXIX</i> сообщает предварительные сведения об обитателях дома, в котором нашел пристанище Оливер	940
<i>Глава XXX</i> повествует о том, что подумали об Оливере новые лица, посетившие его	943
<i>Глава XXXI</i> повествует о критическом положении	948
<i>Глава XXXII</i> о счастливой жизни, которая началась для Оливера среди его добрых друзей	958
<i>Глава XXXIII</i> , в которой счастью Оливера и его друзей неожиданно угрожает опасность	965
<i>Глава XXXIV</i> содержит некоторые предварительные сведения о молодом джентльмене, который появляется на сцене, а также новое приключение Оливера	971
<i>Глава XXXV</i> , повествующая о том, как неудачно окончилось приключение Оливера, а также о не лишнем значении разговоре между Гарри Мэйли и Роз	980
<i>Глава XXXVI</i> , очень короткая и, казалось бы, не имеющая большого значения в данном месте. Но тем не менее ее должно прочесть как продолжение предыдущей и ключ к той, которая последует в надлежащее время	986
<i>Глава XXXVII</i> , в которой читатель может наблюдать столкновение, нередкое в супружеской жизни	988
<i>Глава XXXVIII</i> , содержащая отчет о том, что произошло между супругами Бамбл и мистером Монксом во время их вечернего свидания	997
<i>Глава XXXIX</i> выводит на сцену несколько уважаемых особ, с которыми читатель уже знаком, и повествует о том, как совещались между собой достойный Монкс и достойный еврей	1006
<i>Глава XL</i> . Странное свидание, которое является продолжением событий, изложенных в предыдущей главе	1018
<i>Глава XLI</i> , содержащая новые открытия и показывающая, что неожиданность, как и беда, не ходит одна	1023
<i>Глава XLII</i> . Старый знакомый Оливера обнаруживает явные признаки гениальности и становится видным деятелем в столице	1031
<i>Глава XLIII</i> , в которой рассказано, как Ловкий Плут попал в беду	1040

<i>Глава XLIV.</i> Для Нэнси настает время исполнить обещание, данное Роз Мэйли. Она терпит неудачу	1049
<i>Глава XLV.</i> Феджин дает Ноэ Клейполу секретное поручение	1054
<i>Глава XLVI.</i> Свидание состоялось	1057
<i>Глава XLVII.</i> Роковые последствия	1066
<i>Глава XLVIII.</i> Бегство Сайкса	1071
<i>Глава XLIX.</i> Монкс и мистер Браунлоу наконец встречаются. Их беседа и известие, ее прервавшее	1079
<i>Глава L.</i> Погоня и бегство	1087
<i>Глава LI,</i> дающая объяснение некоторых тайн и включающая брачное предложение без всяких упоминаний о закреплении части имущества за женой и о деньгах «на булавки»	1096
<i>Глава LII.</i> Последняя ночь Феджина	1107
<i>Глава LIII</i> и последняя	1115